M 50
93

T. 1

ЛИТОВСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ

УНІЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

М. Кояловича.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ НИКОЛАЯ ТИХМЕНЕВА.

въ троицк. пер., 32

MDCCCLIX.

ЛИТОВСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ УНІЯ.

ЛИТОВСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ

УНІЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

М. Кояловича.

Томъ I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 14-го Ноября 1858 года. С. Петербургъ.

Цензоръ Архимандритъ *Θеодоръ*.

2007051271

Типографія И. Тихменева, въ Троицкомъ переулкѣ, 32.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе . . . . . I—V.

I. Мысль объ Уніи и попытки ввести ее, отъ перваго соединенія Литвы съ Польшею, при Ягеллѣ въ 1386 году, до послѣдняго, окончательнаго соединенія ихъ при Сигизмундѣ Августѣ въ 1569 году . . . . . 1—30.

II. Начало Церковной Уніи 1596 года. 31—168.

Замѣчанія объ источникахъ для Исторіи Литовской Церковной Уніи . . 169—239.

Примѣчанія . . . . . 240—315.

ВВЕДЕНІЕ.

Литовская Церковная Унія всегда была спорнымъ предметомъ, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ. Объ Уніи высказано столько разнообразныхъ мнѣній, что въ настоящее время можно бы написать объ этомъ отдѣльное сочиненіе обширнаго объема. Не принимая на себя труда разбирать здѣсь всѣ эти мнѣнія, мы укажемъ только на два главныя изъ нихъ, появившіяся въ то самое время, какъ явилась въ Литвѣ и Унія.

Еще въ концѣ XVI-го столѣтія на Унію одни смотрѣли, какъ на событіе неожиданное, случайное, антиисторическое, которое насильно вторглось въ жизнь Литовско-Русскаго народа; другіе—какъ на событіе, давно приготовленное, сродившееся съ этою жизнію и совершенно естественное.—Въ защиту того и другаго взгляда написано во времена Уніи въ Литвѣ чрезвычайно много сочиненій, одушевленныхъ самымъ пламеннымъ желаніемъ доказать ту или другую мысль (1). Такое усердіе къ защитѣ и опроверженію этихъ взглядовъ происходило отъ того, что тогда отъ рѣшенія

этого вопроса зависѣло — быть или небыть Уніи въ Литвѣ, принимать или отвергать ее, потому что, кто принималъ то или другое рѣшеніе, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ приходилъ и къ убѣжденію въ ложности или мнимой истинности Уніи. Вотъ, причина усердія къ рѣшенію вопроса объ историческомъ характерѣ Уніи и вмѣстѣ съ тѣмъ главная причина того, что его не рѣшили окончательно во все время, пока существовала Унія, и спорили до позднѣйшихъ временъ.

Теперь уже нѣтъ въ Литвѣ Уніи. Легче теперь рѣшить и вопросъ о характерѣ и историческомъ значеніи этого событія, потому что легче освободиться отъ тѣхъ побужденій, которыя до крайности затруднили рѣшеніе его даже для самыхъ добросовѣстныхъ людей: а рѣшеніе это важно, по нашему мнѣнію, и теперь, (хотя конечно по другой причинѣ), именно потому что отъ него зависитъ, такъ сказать, основной взглядъ на исторію Уніи. Какъ же рѣшить этотъ вопросъ? Совершенно справедливо, что не самъ народъ Западно-Русскій приготовилъ себѣ Унію и что онъ принялъ ее не какъ плодъ мыслей и дѣлъ своихъ предковъ и своихъ собственныхъ: но отсюда еще не слѣдуетъ, что до конца XVI-го столѣтія (когда появилась Унія) не готовилъ ему никогда Уніи народъ Польскій, съ которымъ связала его злополучная судьба. Изученіе исторіи Литовско-Польской приводитъ насъ напротивъ къ другому заключенію. Польша съ первыхъ дней своего соединенія съ Литвою поставила себѣ какъ-бы задачею всей своей исторической жизни объединить съ собою во всѣхъ отношеніяхъ Литовско-

русскій народъ и съ изумительною настойчивостію преслѣдовала эту цѣль во всѣ послѣдующія времена.—Къ этой цѣли она стрѣмилась двумя главными путями. Во первыхъ, объединяла съ собою Литовско-русскій народъ въ жизни общественной и частной посредствомъ многократныхъ соединеній Литвы съ Польшею, которыя всѣ извѣстны были подъ именемъ *Уній* и могутъ быть названы *уніями гражданскими* (2). Во вторыхъ, старалась уничтожить разность въ вѣрѣ между Литовскимъ и Польскимъ народомъ, что также называлось *Уніею* (3). Это послѣднее средство разнообразилось, смотря по обстоятельствамъ; но обыкновенное развитіе его было таково. Распространеніе римскаго Католичества въ Литвѣ, въ предѣлахъ западно-русской Церкви составляло первѣйшую заботу Польши. Но когда она убѣждалась, что эта мѣра встрѣчаетъ неодолимыя преграды и не обѣщаетъ богатаго и скораго успѣха, то обращалась къ Уніи, какъ средству, менѣе поразительному для православнаго Литовско-русскаго народа.—Но Унія никогда не отвлекала ее отъ главной цѣли—видѣть въ Литвѣ и Польшѣ строгое единство Вѣры—чистое Латинство: напротивъ, сама Унія должна была подчиняться этой цѣли—должна была вести народъ къ Латинству и для скорѣйшаго успѣха сама идти съ нимъ къ Латинству, т. . постоянно видоизмѣняться,—удаляться отъ Православія и приближаться къ Латинству.

Такимъ образомъ Унія Литовская, при всемъ своемъ антиисторическомъ характерѣ, не есть событіе случайное (4); напротивъ, она подготовлена длиннымъ рядомъ событій, которыхъ начало скрывается въ пер-

вомъ соединеніи Литвы съ Польшею, а конецъ—въ послѣднихъ дняхъ существованія Польши, какъ государства самостоятельнаго—Литовско-Польскаго (5). Съ другой стороны, Литовская Унія не была собственно возобновленіемъ Уніи Флорентійской. Нѣтъ; это, можно сказать, чисто домашнее произведеніе Литвы, которое подготовлялось гораздо раньше Уніи Флорентійской, большею частію, независимо отъ Папы и въ полномъ своемъ развитіи существенно отличалось отъ Флорентійской Уніи, можно даже сказать—ничѣмъ на нее не походило.

Примѣнительно къ этому взгляду на Унію, мы раздѣляемъ наше историческое обозрѣніе этаго событія на слѣдующія части:

1) Мысль объ Уніи въ Литвѣ и попытки ввести ее—отъ перваго и до послѣдняго соединенія Литвы съ Польшею, т. е. отъ 1386 до 1569 года.

2) Введеніе Уніи въ Литвѣ, съ 1569 по 1596 годъ

3) Распространеніе Уніи въ Литвѣ съ 1596 года до начала XVIII-го столѣтія, когда появилась мысль уничтожить унію и замѣнить ее настоящимъ Латинствомъ, и

4) Внутреннее развитіе Уніи,—переходъ ея отъ Православія къ Латинству,—съ 1386 года и до начала XIX-го столѣтія—т. е. до послѣдняго раздѣла Польши и изгнанія изъ предѣловъ ея Іезуитовъ.

Предлагаемъ теперь вниманію просвѣщенной публики не подробную и полную исторію Уніи, которая ждетъ еще многолѣтнихъ трудовъ, а-только основную нить событій Уніи. Питаемъ въ себѣ при этомъ

пріятную увѣренность, что знатоки Литовско-Польской исторіи не замѣдлятъ уравнять путь нашихъ послѣдованій своими дѣльными замѣчаніями. Мы примемъ эти замѣчанія съ искреннею благодарностію, лишь бы въ нихъ не проглядывало то пристрастіе къ Уніи, которое, вызывая на поприще литературы Уніи сотни писателей и воодушевляя ихъ необычайнымъ усердіемъ къ труду, затѣмняло однако передъ ними истину и заставляло писать не исторію Уніи, а исторію возбуждаемыхъ въ нихъ этимъ событіемъ народныхъ и религіозныхъ чувствъ.

I.

МЫСЛЬ ОБЪ УНІИ ВЪ ЛИТВѢ И ПОПЫТКИ ВВЕСТИ ЕЕ.

ОТЪ ПЕРВАГО СОЕДИНЕНІЯ ЛИТВЫ СЪ ПОЛЬШЕЮ ПРИ ЯГЕЛЛѢ ВЪ 1386 ГОДУ, ДО ПОСЛѢДНЯГО, ОКОНЧАТЕЛЬНАГО СОЕДИНЕНІЯ ИХЪ ПРИ СИГИЗМУНДѢ АВГУСТѢ ВЪ 1569 ГОДУ.

—

Съ самаго начала монгольскаго ига надъ Россіею, Литовское княжество, занимавшее до тѣхъ поръ (до половины XIII вѣка) незначительное пространство, быстро начало увеличиваться, распространяясь въ глубь Россіи, и къ тому самому времени, когда Россію озарила мысль о будущей свободѣ (во времена Димитрія Донскаго, въ концѣ XIV вѣка), Литовское княжество раскинулось на огромномъ ея пространствѣ и достигло высшаго своего могущества, какъ государство сомостоятельное. Къ этому величію, народъ Литовскій немногочисленный, но окрѣпшій въ борьбѣ съ суровою природою и людьми, казалось, былъ призванъ для того, чтобы, облегчая зло монгольскаго ига для югозападной Россіи, сохранить ее отъ другихъ враговъ и самому слиться съ нею въ

одинъ народъ,—русскій по языку и вѣрѣ. Въ то самое время, какъ югозападныя русскія области испытывали на себѣ силу Литовскаго оружія и убѣждались въ необходимости подчиниться новымъ владыкамъ, въ то самое время они узнавали, что эти новые владыки жестокіе враги Монголовъ, Поляковъ и Ливонскихъ рыцарей и что ихъ оружіе счастливѣе всѣхъ въ борьбѣ съ врагами. И дѣйствительно, Литовскіе князья во все это время, (съ половины XIII до конца XIV вѣка.) какъ нельзя лучше, оправдывали такое мнѣніе о себѣ. Эрдзивиллъ (6), Миндовгъ (7), и особенно Витенъ (8), Гедиминъ (9) и Ольгердъ (10) были грозою Татаръ, Поляковъ и рыцарей. Одна уже эта сила Литвы болѣе страшная для враговъ югозападныхъ областей русскихъ, чѣмъ для нихъ самихъ, поставляла въ благопріятныя отношенія оба народа-Литовскій и Русскій. Правда, между этими народами было рѣзкое различіе въ вѣрѣ, языкѣ и правахъ жизни; но литовскіе князья старались сгладить это различіе и во всякомъ случаѣ показывали, что они одинаково смотрятъ, какъ на Литовцевъ, такъ и на Русскихъ. Они оставляли въ русскихъ областяхъ неприкосновенными православную вѣру и гражданское устройство (11), и вѣроятно, очень строго слѣдовали этому правилу даже въ самой Литвѣ, когда нѣкоторыя русскія области добровольно покорялись имъ и когда русскіе разсѣевались по всей Литвѣ на постоянное жительство. Такія дружественныя отношенія христіанскаго народа къ языческому не могли не вести къ большимъ успѣхамъ Христіанства въ Литвѣ: потому что извѣстна непререкаемая истина, что какъ скоро язычество, поставленное лицемъ къ лицу съ Христіанствомъ, не ограждается фанатизмомъ правителей и

народа, то не можетъ не падать передъ нимъ. И дѣйствительно, съ самыхъ давнихъ временъ истина эта начала оправдываться въ Литвѣ. Православная Вѣра еще раньше монгольскаго ига начала проникать въ Литву и, — что всего замѣчательнѣе, — сами литовскіе князья подали литовскимъ язычникамъ примѣръ къ сближенію съ русскими не только въ жизни общественной, но и въ дѣлахъ Вѣры. Они постоянно роднились съ Русскими княжескими племенами и почти всѣ умирали православными христіанами (12). Этимъ путемъ Русскіе болѣе и болѣе сродняли съ собою Литовцевъ, вносили въ ихъ общество свои понятія, обычаи, свой языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ-мало по малу распространялась между ними православная Вѣра, распространялась, правда, мирно, незамѣтно, безъ громогласныхъ проповѣдей, вооруженныхъ иноческихъ орденовъ, но за то прочно и достойно. — Къ концу XIV-го столѣтія русская народность и Православная Вѣра проникли во всѣ слои Литовскаго общества, достигли почти повсемѣстнаго господства, (13), и немного уже нужно было времени, чтобы вся Литва сдѣлалась Государствомъ Христіанскимъ Восточнаго Вѣроисповѣданія. Одно особенно обстоятельство дѣлало весьма вѣроятнымъ такой исходъ. По сосѣдству съ Литвою поселились два ордена вооруженныхъ проповѣдниковъ Западнаго Христіанства, въ Пруссіи и Ливоніи и ознаменовывали потоками крови успѣхи Христовой Вѣры въ областяхъ Русскихъ и Литовскихъ. Россія и Литва одинаково ненавидѣли этихъ проповедниковъ. Въ Литвѣ эта ненависть къ прусскимъ и ливонскимъ рыцарямъ совершенно объединила и Литовскихъ язычниковъ и литовскихъ Русскихъ, вооду-

шевляя ихъ одинаково къ борьбѣ съ этими врагами человѣческихъ и Божескихъ законовъ (14). Но здѣсь собственно важно не это временное объединеніе Литвы и Западной Россіи, а то, что тутъ Литовецъ-язычникъ имѣлъ разительный случай сравнивать Латинство съ Восточнымъ Православіемъ и если въ его душу западало сомнѣніе въ истинѣ язычества, то нѣтъ нужды говорить, — какую изъ двухъ Христіанскихъ Вѣръ онъ рѣшался принять.

Такимъ образомъ, мы можемъ со всею справедливостію сказать, что для Россіи въ то время Ливонскій орденъ сдѣлалъ ту единственную и несомнѣнную пользу, что отталкивалъ отъ Латинства литовскихъ язычниковъ и располагалъ ихъ предпочитать ему Восточное-русское Православіе. Въ Литовской исторіи того времени мы находимъ разительные случаи такого предпочтенія. Въ то самое время, какъ одна вѣсть о приближеніи къ Литвѣ Латинскихъ проповѣдниковъ поднимала къ оружію всю Литву, вызывая въ ней весь остатокъ языческаго фанатизма, въ то самое время язычники литовскіе теряѣли въ средоточіи своего язычества, Вильнѣ, тысячи православныхъ русскихъ и между ними православныхъ священниковъ и даже православныя Церкви (15). И что еще поразительнѣе, въ то самое время, какъ проповѣдники Латинства въ Вильнѣ—францисканцы распяты на Виленскихъ горахъ, ни одинъ русскій священникъ, ни одинъ русскій купецъ не подвергались ни малѣйшему оскорбленію, хотя въ то время была война съ Москвою (16). Но не смотря на всѣ обстоятельства, которыя подавляли успѣхи Латинства въ Литвѣ и содѣйствовали распространенію

здѣсь русскаго Православія, вооруженные проповѣдники Западнаго Христіанства успѣли произвесть въ Литвѣ величайшее зло, которое съ теченіемъ времени, какъ губительная язва, распространилось здѣсь и коснулось даже Литовско-русскихъ православныхъ. Заставляя силою цѣлыя сотни и тысячи Литовцевъ принимать Латинство и доводя до этой горькой необходимости нерѣдко даже князей литовскихъ, эти проповѣдники Христіанства пріучили весьма многихъ Литовцевъ не уважать Христіанство и часто перемѣнять вѣру по силѣ обстоятельствъ, по политическимъ видамъ по расчету (17). Это-то безразличіе въ дѣлѣ вѣры, неизмѣримо гибельное всегда, а тѣмъ болѣе, когда развивается въ народѣ при его переходѣ въ Христіанство, и измѣнило весь ходъ Литовской исторіи; оно-то и приготовило тотъ переворотъ, о которомъ мы теперь намѣрены говорить.

По смерти Ольгерда, вступилъ на великокняжескій Литовскій престолъ сынъ его Ягелло. Государь этотъ ничѣмъ не походилъ на своего знаменитаго, необычайно-даровитаго и дѣятельнаго отца,—и одно только развѣ наслѣдовалъ онъ отъ него—особенную хитрость. Но хитрость въ Ягеллѣ не соединялась ни съ особеннымъ умомъ, ни съ энергіею; напротивъ, насколько Ягелло былъ хитеръ, настолько же недальновиденъ и недѣятеленъ 18). Между тѣмъ, обстоятельства, среди которыхъ онъ вступилъ на престолъ, были очень трудныя. Татары и особенно Ливонцы не давали покоя Литвѣ. Мало того, въ самой Литвѣ, въ собственной родинѣ Ягелло имѣлъ опасныхъ людей. Дядя его Кейстутъ былъ душею язычниковъ Жмудскихъ; двоюродный братъ Витовтъ

(сынъ Кейстута) любимцемъ всей Литвы. Даже родные братья Ягеллы не были къ нему расположены. Ягеллѣ приходилось постоянно тревожиться за безопасность то той, то другой области и даже своего престола (19). Понятно, что такой человѣкъ, какъ Ягелло не способенъ былъ возвыситься надъ всѣми родичами и привязать къ себѣ народъ исполненіемъ его существенной потребности — спасти отъ враговъ и упрочить самостоятельность Литвы, за что народъ благословлялъ Гедимина и Ольгерда. Ему естественнѣе и сроднѣе было обезопасить себя ближайшимъ, первымъ попавшимся подъ руку сродствомъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Въ то время Поляки имѣли у себя молодую Королевну Ядвигу и пріискивали ей выгоднаго жениха. Никто не могъ быть для нихъ выгоднѣе Ягеллы и ничего не могло быть лучше для Ягеллы, какъ вступить въ этотъ бракъ и, соединившись съ Поляками, обезопасить себя отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ (20). Временныя выгоды этого сближенія Литвы съ Польшею ослѣпили большую часть знаменитыхъ Литовцевъ. Витовтъ получилъ обѣщаніе управлять всею Литвою (21); того же надѣялись и другіе братья Ягеллы. Только Литовско-русскій народъ яснымъ славянскимъ смысломъ понялъ и оцѣнилъ всѣ послѣдствія этаго злосчастнаго союза. Въ Литовско-русскихъ областяхъ произошло возстаніе. Но неблагоразуміе главнаго дѣятеля въ этомъ возстаніи (22) и личные расчеты людей, считавшихъ для себя выгоднымъ соединеніе Литвы съ Польшею, дали совершиться злополучному союзу. Въ 1386 году Ягелло женился на Ядвигѣ, вступилъ на престолъ Польскій, не оставляя Литов-

скаго, и Литва такимъ образомъ соединилась съ Польшею въ одно государство.

Соединеніе это, повидимому, было только гражданское и то не очень тѣсное. Постановлено было имѣть въ обоихъ государствахъ особые сенаты, управляться каждому своими собственными средствами и лицами, не смѣшиваясь нисколько, и только власть Короля и иногда Сеймы должны были быть общіе (23). Но Поляки съ перваго дня своего соединенія съ Литвою показали, что они ожидаютъ отъ этого событія гораздо бо̀льшаго и понимаютъ соединеніе двухъ народовъ въ одно государство въ гораздо болѣе строгомъ смыслѣ. Ягелло, его братья и нѣсколько князей Литовскихъ, не смотря на то, что были уже всѣ Христіанами Восточнаго Вѣроисповѣданія, убѣждены были принять Латинство, — даже перекреститься (24). Такимъ образомъ, они стали изъ враговъ покровителями Латинства въ Литвѣ и въ первый разъ (25) сказали своему народу торжественно, что предпочитаютъ Латинство Грековосточному Вѣроисповѣданію. Уже одинъ этотъ переворотъ въ жизни лучшихъ Литовцевъ того времени долженъ былъ нанесть чувствительный ударъ успѣхамъ Православной Вѣры въ Литвѣ. Но это былъ самый слабый ударъ въ сравненіи съ другими, которые началъ испытывать православный Литовско-русскій народъ съ первыхъ дней своего соединенія съ Польшею.

Поляки дали этому соединенію не только гражданскій, но и религіозный смыслъ (26).—Первымъ и главнѣйшимъ условіемъ соединенія Литвы съ Польшею постановлено господство и повсемѣстное распространеніе въ Литвѣ Латинства. — Въ грамотѣ, данной Ви-

ленскому Латинскоку Епископу по случаю соединенія Литвы и Польши, мы находимъ такія требованія касательно Латинства, что исполненіе ихъ должно было необходимо сопровождаться истребленіемъ въ Литвѣ не только язычества, но и Западно-русскаго Православія. «Мы разсудили», говоритъ въ этой грамотѣ Ягелло, «постановили, обѣщали, обязались и по принятіи святыхъ таинъ дали клятву—всѣхъ людей народа Литовскаго обоего пола, въ какомъ бы они ни были званіи, состояніи и чинѣ, къ Вѣрѣ Католической (Латинской) и святому послушанію Римской Церкви привести, притянуть и всѣми способами присоединить, какой бы секты и различія они ни были» (27).

Исполняя такое обязательство, Ягелло немедленно приступилъ къ дѣлу. Обращая къ Христіанству Литовскихъ язычниковъ, онъ въ тоже время старался притянуть и присоединить, по его собственному выраженію, къ Латинской Церкви и Литовско-русскихъ Православныхъ. Онъ назвалъ ихъ торжественно схизматиками, и немедленно поставилъ всѣхъ въ самое стѣснительное положеніе (28): запретилъ имъ браки съ Латинянами и доступъ къ общественнымъ должностямъ (29). Такъ велика была его ревность къ распространенію Латинства въ Литвѣ и такъ широко было тогда у Поляковъ понятіе объ единеніи Литвы съ Польшей! Дѣйствительно, лучшіе польскіе писатели соглашаются, что цѣлію соединенія Литвы съ Польшею было намѣреніе объединить съ Поляками не только Литовцевъ язычниковъ, но и Литовско-русскихъ Православныхъ и образовать изъ всѣхъ ихъ одинъ народъ 27). Это была первая и самая строгая, по мыс-

ли Ягеллы или лучше Поляковъ, Унія Литвы съ Польшею. По этому понятію Литва должна была сдѣлаться Польскою по жизни и вѣрѣ.

Какимъ образомъ Польша, одноплеменная и до тѣхъ поръ самая дружественная съ Россіею держава, рѣшилась выполнять эту задачу, столь гибельную для Литовско-русскаго народа и для нее самой,—это объясняется главнымъ образомъ тогдашними отношеніями между Восточною и Западною Церквами и отношеніями Литовской Россіи къ Восточной. Отдѣленіе Западной церкви отъ Православной Восточной тогда уже вполнѣ созрѣло и совершилось окончательно. Враждебныя чувства между христіанами, вызванныя этимъ раздѣленіемъ, отражались вездѣ, гдѣ только встрѣчались между собою послѣдователи Восточной и Западной Церкви. Такія чувства давно уже усвоилъ себѣ и Русскій и Польскій народъ: оба они издавна отличались примѣрною ревностію каждый къ своему Вѣроисповѣданію, поэтому не удивительно, что они высказывали эти чувства рѣзко и даже принесли имъ въ жертву давнюю свою дружбу и племенное родство. Вотъ, почему Польша съ первыхъ дней своего соединенія съ Литвою враждебно посмотрѣла на Литовско-русскихъ Православныхъ и, чувствуя свою силу, рѣшилась покорить своей власти ихъ совѣсть. По страшному стеченію обстоятельствъ эта религіозная цѣль вызывалась и, повидимому, оправдывалась политическими видами Польши и Литвы.—Литовско-русскія области, при всемъ своемъ сближеніи съ Литвою не могли не сочувствовать родной странѣ—Восточной Россіи. Соединеніе Литвы съ Латинскою Польшею еще болѣе усилило это

сочувствіе и вызвало, какъ мы уже говорили, открытое возстаніе противъ Польши. Польское и Литовское правительства теперь поняли, какъ непрочна ихъ власть надъ этими областями и какъ ненадежны будутъ всѣ средства къ усиленію этой власти, если Литовско-русскій народъ будетъ исповѣдывать одно вѣру съ Восточною Россіею. Повсемѣстное распространеніе Латинства въ областяхъ Литовско-русскихъ казалось лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы прервать связь Западной Россіи съ Восточною и связать ее навсегда съ Польшею. Вотъ, почему съ такимъ жаромъ Ягелло и многіе изъ его преемниковъ содѣйствовали успѣхамъ Латинства въ Западной Россіи, подвластной Литвѣ.

Посмотримъ теперь, насколько Поляки успѣвали въ своемъ намѣреніи слить въ одно Литву и Польшу?

Когда Ягелло, окруженный Латинскимъ духовенствомъ, сталъ проповѣдывать въ Литвѣ Латинство «съ Апостольскою, какъ говорятъ польскіе писатели, ревностію»; т. е. фанатическимъ жаромъ, то Литовскіе язычники, за исключеніемъ Жмуди, легко и скоро принимали новую вѣру (30), тѣмъ болѣе, что принимавшіе Латинство, кромѣ гражданскихъ преимуществъ, получали еще подарки. Но Православные Литовско-русскіе не обольщались никакими подарками; они противопоставляли ревности Ягеллы несокрушимую силу Православія (31) и не трудно было понять, что эта сила слишкомъ велика и выдержитъ самую упорную борьбу, если бороться съ нею прямо, открыто.— Поэтому Ягелло, или лучше сказать, Польское духовенство рѣшились сдѣлать Православнымъ уступку. Они требовали отъ нихъ не прямого перехода въ Ла-

тинство, а только признанія надъ собою власти Папы, не опредѣляя однако, въ чемъ должно выражаться подчиненіе Папѣ (33). По всему видно, что это, новое, требуемое отъ Православныхъ Вѣроисповѣданіе было что-то въ родѣ Уніи Флорентійской, явившейся въ послѣдствіи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ Литвѣ мысль объ Уніи явилась гораздо раньше Уніи Флорентійской и совершенно особымъ путемъ, независимо отъ всѣхъ Уній между Восточною и Западною Церквами. Мысль объ Уніи появилась въ Литвѣ, какъ слѣдствіе первоначальной затѣи ввести здѣсь чистое Латинство и какъ неизбѣжная уступка твердости убѣжденій Литовско-русскихъ Православныхъ, т. е. послѣ того, какъ Литовско-русскіе Православные рѣшительно отказались принять Латинство, имъ предложили что то среднее между Латинствомъ и Восточнымъ Православіемъ—Унію. Но и въ этомъ случаѣ Православные Литовско-русскіе упорствовали и Ягелло часто долженъ былъ издавать противъ нихъ стѣснительныя постановленія (34).

Всѣ эти постановленія, какъ видно изъ самыхъ грамотъ, касались сначала частныхъ лицъ. Ягелло, какъ будто, не обращалъ никакого вниманія на Западно-русскую Церковь и, какъ будто, не хотѣлъ понять, что она-то и есть главная опора всей силы убѣжденій Литовско-русскихъ Православныхъ. Но не много нужно было ума и знанія дѣла, чтобы убѣдиться въ томъ, что дѣйствительно Православная Церковь согрѣваетъ и воспитываетъ въ сынахъ своихъ такую любовь къ Восточному Вѣроисповѣданію. Ягелло, наконецъ, обратилъ вниманіе на всю Западно-русскую Церковь и рѣ-

шился сокрушить эту преграду къ повсемѣстному распространенію въ Литвѣ Латинства, — рѣшился ввести Унію во всей Западно-русской Церкви.—Но для этаго прежде нужно было еще отдѣлить Западно-русскую Митрополію отъ Восточно-русской, откуда одна грамота могла уничтожить всѣ попытки къ Уніи. Ягелло воспользовался честолюбіемъ Луцкаго Епископа Іоанна и обѣщалъ ему въ 1398 году санъ Митрополита (35). Затѣя эта не состоялась; но Ягелло не потерялъ надежды и вскорѣ имѣлъ случай опять составить планъ Уніи, по видимому, очень прочный. Около 1414 года въ Литвѣ сильно были недовольны Московскимъ Митрополитомъ Фотіемъ. Витовтъ, управлявшій тогда Литвою, рѣшился отдѣлить Западно-русскую Митрополію и ввѣрить ее управленію особому, Литовскому Митрополиту. Насколько въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ Ягелло—неизвѣстно; но несомнѣнно то, что онъ былъ весьма радъ отдѣленію Западно-русской Митрополіи отъ Восточной и ожидалъ отъ этаго событія такихъ богатыхъ плодовъ для Латинства, что въ то самое время, какъ происходило въ Новогрудкѣ избраніе Литовскаго Митрополита, онъ далъ обѣщаніе Констанцскому Собору ввести Церковную Унію во всей Литвѣ (36). Но Ягелло совершенно ошибся въ своемъ расчетѣ. Витовтъ не способенъ былъ исполнять его планы (37). Правда, какъ государь, исповѣдывавшій Латинство и притомъ надѣявшійся получить королевскую корону изъ рукъ Папы, онъ покровительствовалъ Латинянамъ въ Литвѣ, но Витовтъ покровительствовалъ тоже и Жидамъ и Татарамъ и Православнымъ Христіанамъ (38). Онъ тогда уже задумывалъ образовать

изъ Литвы совершенно отдѣльное государство, и, желая крѣпче привязать къ себѣ всю Литву, давалъ свободное развитіе всѣмъ жизненнымъ ея силамъ, всѣмъ народамъ.—Короче сказать, Витовтъ задумалъ разорвать связь Литвы съ Польшею (39). Поэтому, хотя ему выгодно было ослабить тѣ узы, которыя связывали Литовско-русскія области съ Москвою, но не было никакой выгоды раздражать главную и самую крѣпкую массу Литовскаго народа какою-нибудь Уніею въ угоду Польшѣ (40). Поэтому, далѣе, мы видимъ, что хотя Витовтъ со всею настойчивостію требовалъ и у Патріарха Константинопольскаго и у Западно-русскихъ Епископовъ избранія Литвѣ особаго Митрополита (41); но онъ не мѣшалъ Западно-русскому Новогрудскому Собору избрать себѣ достойнѣйшаго Митрополита — Григорія Цимблака,—такого человѣка, который совершенно неспособенъ былъ вводить въ своей Митрополіи Унію (42). Мало того, Витовтъ настолько былъ равнодушенъ къ плану Ягеллы—объединить по вѣрѣ Литву съ Польшею, что когда ему понадобилось пріобрѣсть расположеніе Московскаго Князя, то онъ, по смерти Григорія Цимблака, возвратилъ Московскому Митрополиту управленіе Западно-русскою Митрополіею (43). Какъ однако мало способны были въ Польшѣ отказаться отъ любимой мысли ввести въ Литвѣ Унію, это видно изъ того, что объ ней опять заговорили въ 1427 году на торжественномъ Луцкомъ Сеймѣ, на которомъ присутствовали многіе вѣнцепосцы.—Но замышляемая теперь Унія меньше чѣмъ когда нибудь могла имѣть успѣхъ. На этомъ Сеймѣ былъ сильный представитель и защитникъ Восточнаго Вѣроисповѣданія Царь Московскій.

Поэтому сами польскіе сенаторы признали Унію неудобоисполнимою, по той, какъ говорили они, причинѣ, что въ Литвѣ Православные многочисленнѣе Римскихъ католиковъ. Дѣйствительная же причина, очевидно, была другая, именно та, что православное населеніе Литвы вовсе не расположено было къ Уніи и что теперь опасно было раздражать его. Зная очень хорошо эту причину и какъ бы невольно уважая ее, польскіе сенаторы даже прибавили, что въ святости догматовъ одна Вѣра не уступаетъ другой (44). Но не такъ они равнодушны были къ своей церкви и далеко не такъ смотрѣли на православную Литовско-русскую Церковь послѣ того, когда на Флорентійскомъ Соборѣ провозглашено было соединеніе Церквей и когда съ этою вѣстію проѣзжалъ черезъ Польшу и Литву Русскій Митрополитъ Исидоръ, принявшій это соединеніе.

Къ этому времени союзъ Литвы съ Польшею совершенно ослабѣлъ. Попытки Витовта короноваться королевскимъ вѣнцемъ обнаружили всю непрочность этаго союза. Еще яснѣе обнаружилась она при Свидригеллѣ. Свидригелло пошелъ по слѣдамъ Витовта и явно покровительствовалъ Православнымъ, зная очень хорошо, что они всегда готовы поднять оружіе противъ Поляковъ. Поляки теперь, какъ и во времена Ягеллы, увидѣли, откуда грозитъ опасность Литовско-польскому союзу и, утвердивъ на мѣсто Свидригеллы Сигизмунда— горячаго Латинянина, излили весь свой гнѣвъ на Православныхъ; они разорили бо́льшую часть ихъ Церквей (45). Но поражая Православныхъ одною рукою, они очень рады были приласкать ихъ другою. По-

этому, когда Исидоръ прибылъ въ Польшу, то Поляки съ торжествомъ встрѣтили его, съ непритворною радостію приняли привезенную имъ вѣсть о соединеніи Церквей и дали ему всѣ средства огласить Литву этою вѣстію. Не стѣсняясь теперь присутствіемъ восточныхъ ревнителей Православія на Флорентійскомъ Соборѣ и многочисленной Русской свиты, которая почти вся оставила его, Исидоръ далъ теперь полную свободу своей ревности къ Латинству. Онъ громогласно проповѣдывалъ принятую Унію, писалъ посланія (46) и, если вѣрить Польскимъ Писателямъ, даже служилъ въ римскихъ костелахъ (47). Какъ Литовско-русскіе Православные смотрѣли на эти поступки Исидора и насколько они убѣдили его въ своей любви или ненависти къ проповѣдуемой имъ Уніи, — объ этомъ существуютъ различныя мнѣнія. Но не сомѣнно однако, что Исидоръ не много расчитывалъ на то, что одна его проповѣдь въ Литвѣ объ Уніи будетъ имѣть прочный успѣхъ. Онъ считалъ еще необходимымъ расположить православныхъ къ Уніи выгодами житейскими. На возвратномъ пути изъ Россіи или, лучше, во время бѣгства оттуда, Исидоръ просилъ Польскаго Короля дать Православнымъ особенныя права (48). Владиславъ Варнскій, вѣроятно, также думалъ, что это самое лучшее средство устроить дѣло. Не спрашивая вовсе у Православныхъ согласны-ли они на Унію, онъ издалъ грамоту, которою уравнялъ Православныхъ съ Римскими католиками во всѣхъ правахъ, потому что, какъ говорилось въ грамотѣ, теперь Восточная Церковь соединилась съ Западною (49). Но какъ при Ягеллѣ, такъ и теперь Православные Литовско-русскіе не обольщались никакими привиллегіями

и не уступали даже преслѣдованіямъ. Какъ смотрѣть на Флорентійскую Унію, — признавать-ли ее дѣломъ законнымъ или нѣтъ, они не колебались. Черезъ ихъ же области спасался бѣгствомъ изъ Москвы проповѣдникъ Уніи въ Россіи. Они вполнѣ сочувствовали въ этомъ дѣлѣ Восточной Россіи и, когда политическія обстоятельства заставили преемника Владиславова Казиміра вручить управленіе Западно-русскою Митрополіею Московскому Митрополиту Іонѣ; то они съ радостію покорились его власти не смотря на то, что Папа проклялъ этаго великаго Святителя. Но, повторяемъ опять, въ Польшѣ вовсе не намѣрены были отказываться отъ любимой мысли — скрѣпить узы Литвы съ Польшею посредствомъ Уніи Церковной. О необычайномъ поступкѣ Казиміра немедленно сообщено было Папѣ. Папа сильно возпегодовалъ на безпечнаго Ягеллона; утвердилъ на Литовской митрополичей каѳедрѣ ученика Исидора Григорія и прислалъ Казиміру суровую грамоту, въ которой приказывалъ какими бы то ни было средствами утвердить и поддерживать Григорія на Митрополичей каѳедрѣ (50). Кромѣ того, Латиняне выхлопотали у тогдашняго Константинопольскаго Патріарха, тоже уніята, грамоту, которою онъ приказывалъ Литовцамъ повиноваться Митрополиту Григорію (51). Такимъ образомъ, теперь, повидимому, все было сдѣлано для утвержденія Уніи въ Литвѣ. Предоставлены были особенныя права будущимъ уніятамъ, поставленъ Митрополитъ—уніятъ и власть его признана законною Константинопольскимъ Патріархомъ и Польскимъ Королемъ. Наконецъ, по счастливому для Уніи стеченію обстоятельствъ, этотъ Митрополитъ — уніятъ, столь прочно

утвержденный на своей каѳедрѣ, живетъ очень долго и около двадцати лѣтъ управляетъ Литовскою митрополіею.—Какіе же были плоды этихъ усиленныхъ хлопотъ и этаго многолѣтняго управленія?—Исторія не сохранила намъ объ нихъ никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ и, сколько мы знаемъ Западно-русскую полемическую литературу, самые жаркіе поборники Уніи ничего не придумали въ подтвержденіе этихъ успѣховъ, кромѣ того, что Митрополитъ Григорій былъ уніятъ и что онъ былъ Митрополитомъ, будтобы, *цѣлыхъ тридцать лѣтъ*, т. е. за исключеніемъ другихъ доказательствъ, они только увеличили число лѣтъ управленія Григорія (52). — Но небыло ни какой надобности прибавлять этихъ нѣсколькихъ годовъ. Еслибы Митрополитъ Григорій былъ на Литовской каѳедрѣ даже меньше четырнадцати лѣтъ, (какъ это было на дѣлѣ), то и въ это время онъ очень могъ бы пріобрѣсть латинству нѣсколькихъ уніятовъ въ Литвѣ изъ людей близкихъ къ нему и способныхъ для житейскихъ выгодъ измѣнить Вѣрѣ отцовъ. Но если намъ на этомъ основаніи станутъ утверждать, что Григорій дѣйствительно ввелъ Унію во всей Западно-русской Церкви; то мы должны будемъ со всею рѣшительностію отвѣргнуть такое заключеніе; потому что оно недается ни однимъ свидѣтельствомъ исторіи, а между тѣмъ изъ грамотъ Папы и Патріаршей мы ясно видимъ, что паства Григорія вовсе не расположена была принимать Уніи. И надобно думать, что это нерасположеніе было очень велико, когда Казиміръ запретилъ Православнымъ строить Церкви. — Эта грамота Казиміра поставила въ рѣшительное затрудненіе уніятскихъ

писателей, доказывавшихъ, что тогда Унія существовала въ Западно-русской Церкви. Они невольно должны были сознаться, что во многихъ мѣстахъ тогда не принимали Уніи (53). Мы напротивъ думаемъ, что не во многихъ мѣстахъ а во всѣхъ Епископіяхъ не приняли тогда Уніи. Извѣстно, что въ Литвѣ и послѣ,— Епископіи были почти совершенно независимы отъ Митрополита, а въ настоящее время, они были менѣе зависимы отъ него, чѣмъ когда либо. Они еще не сродпились теперь съ мыслію о раздѣленіи Митрополіи и, что всего важнѣе, теперь имъ присланъ былъ отъ Папы Митрополитъ-уніятъ на мѣсто всѣми любимаго Іопы, которому недавно повѣрена была Литовская Митрополія самимъ Королемъ, Далѣе, ни одного Собора не происходило въ это долголѣтнее правленіе Григорія и ни одной грамоты не сохранилось отъ его имени, а возможно ли было бы такое молчаніе и недѣятельность Митрополита при введеніи Уніи, если бы онъ могъ что нибудь сдѣлать для нее?— По всему видно, что Митрополитъ Григорій очень смирно сидѣлъ на своей кафедрѣ и довольствовался лишь тѣмъ, что могъ оставаться на ней и носить имя Литовскаго Митрополита. Единственно важнымъ и неоспоримымъ слѣдствіемъ пребыванія Григорія на Западно-русской Митрополичьей каѳедрѣ было то, что въ долговременное его правленіе Литовско-польское Правительство привыкло видѣть въ Литвѣ особаго Митрополита и рѣшилось навсегда сохранить такой порядокъ. Послѣ Григорія, дѣйствительно, начался непрерывный рядъ особыхъ, Литовско-русскихъ Митрополитовъ.

Каковы были эти Митрополиты и какъ они поддерживали или разрушали планъ Польши ввести въ Литвѣ Унію, объ этомъ до начала XVII-го столѣтія неизвѣстно было почти ничего.—Осталось отъ этого времени одно дѣяніе соборное (1509 года), изъ котораго видно, что въ Западно-русской Церкви сохранялось Восточное Православіе (54). Лѣтописныя извѣстія о Западно-русскихъ Митрополитахъ и древніе каталоги ихъ сообщаютъ только перечень ихъ именъ, указаніе на время управленія паствою и по мѣстамъ на то, что Митрополиты Западно-русскіе подчинялись Константинопольскимъ Патріархамъ (55). О папѣ и объ Уніи въ этихъ извѣстіяхъ ни слова. Но въ началѣ XVII-го столѣтія, именно въ 1605 г., сдѣлано было замѣчательное открытіе историческихъ памятниковъ объ этихъ Митрополитахъ. Въ то время, только что введена была въ Литвѣ Унія и очень трудно было рѣшить, удержится ли она, потому что православные возпегодовали на нее необычайно и Противились ей съ поразительною твердостію. Появилось нѣсколько сочиненій, въ которыхъ разоблачались дѣла виновниковъ Уніи и, между прочимъ, доказывалась мысль, что такого бѣдствія, какъ Унія 1596 г., Западно-русскій народъ никогда не зналъ, что это небывалое зло. Тогдашній уніятскій Митрополитъ Ипатій Поцѣй рѣшился опровергнуть эти сужденія и доказать, что Унія и прежде существовала въ Литвѣ. Въ 1605 году онъ обнародовалъ, что открылъ древній исторический памятникъ объ Уніи, именно,—соборную грамоту Митрополита Михаила къ Папѣ Сиксту IV-му о готовности принять Унію.—Подъ грамотою

этою подписанъ, будтобы, Виленскій Архимандритъ Макарій и Брестскій Кастелянъ Іосифъ Салтанъ—оба въ послѣдствіи Западно-русскіе Митрополиты (56). Такимъ образомъ, выходило, что три Западно-русскіе Митрополита—Мисаилъ, Макарій и Іосифъ Салтанъ были уніятами. Объ Уніи послѣдняго нашли новое свидѣтельство—именно—грамоту къ нему Патріарха Нифонта, изъ которой будтобы видно, что Іосифъ желалъ принять Унію и просилъ объ этомъ совѣта у Константинопольскаго Патріарха. Открытіе Поцѣя повело къ подробнымъ изслѣдованіямъ этого предмета. Появилось нѣсколько сочиненій, въ которыхъ дѣлались уніятами то тѣ, то другіе Митрополиты, бывшіе послѣ Мисаила (57). Въ этихъ сочиненіяхъ обыкновенно употреблялся такой оборотъ рѣчи: «такой-то Митрополитъ былъ родомъ Литовецъ, человѣкъ образованный, держался Уніи, или—былъ ревнителемъ Уніи» Исключенія дѣлались для очень немногихъ Митрополитовъ, именно тѣхъ, о которыхъ несомнѣнно было извѣстно, что они были родомъ изъ Восточной Россіи. О такихъ обыкновенно дѣлалось замѣчаніе: «этотъ былъ родомъ Москвитянинъ, человѣкъ неученый, не принималъ Уніи.» Но если сравнить всѣ каталоги Митрополитовъ, составленные уніятскими писателями, то окажется, что уніятами и неуніятами дѣлаются въ нихъ не одни и тѣже Митрополиты,—въ одномъ такой-то Митрополитъ показанъ уніятомъ, въ другомъ—не уніятомъ и на оборотъ (58). Это разнорѣчіе подало поводъ позднѣйшимъ уніятскимъ писателямъ считать уніятами всѣхъ Митрополитовъ почти до самой Уніи (59). Но каждый согласится, что мы на этомъ же самомъ основаніи съ боль-

шею справедливостію можемъ всѣхъ этихъ Митрополитовъ считать неуніятами, имѣя въ сказанномъ доста точную причину признавать пристрастнымъ и ложнымъ мнѣніе объ ихъ Уніи Польскихъ писателей. Но не высказывая своего покажемъ прежде, мнѣнія, какъ на это дѣло смотрѣли Православные писатели, современные Поцѣю и позднѣйшимъ писателямъ уніятскимъ. Поцѣй, сдѣлавшій свое знаменитое открытіе, очень вѣрно расчиталъ, что православные Литовско—русскіе не повѣрятъ ему наслово. Поэтому, онъ представилъ свой документъ въ Виленскій Магистратъ и Магистратъ засвидѣтельствовалъ его подлинность. Но понятно, что авторитетъ судебнаго мѣста и притомъ состоявшаго почти исключительно изъ Латинянъ или Уніятовъ не могъ имѣть значенія для Православныхъ въ дѣлѣ ученомъ. Они не повѣрили Поцѣю и смѣялись надъ его усердіемъ отыскивать «хламъ по угламъ».—Нѣкоторые даже прямо объявляли, что Поцѣй составилъ подложный памятникъ. Въ скоромъ времени Православные подвергли этотъ памятникъ ученымъ изслѣдованіямъ. Мелетій Смотрицкій въ своемъ *Θρῆνος* Мороховскій—въ *Παρηγορεῖα* разобрали его и доказывали его подложность. Въ новѣйшее время тоже доказывали—Преосвященный Георгій Конисскій и Митрополитъ Евгеній (60). Впрочемъ, во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ подложность этого памятника доказывается далеко не съ такою рѣшительностію, что-бы не оставалось мѣста никакому сомнѣнію. Въ нихъ допускается мысль, что во времена Митрополита Мисаила и Іосифа Салтана, дѣйствительно, принуждали Православныхъ къ Уніи (61). Слѣдовательно, Поцѣй взялъ въ основу дѣйствительные факты

и только исказилъ ихъ. Сравнивая теперь всѣ извѣстія объ Уніи послѣ Митрополита Григорія и свѣряя ихъ съ исторіею Литвы того времени, мы представляемъ это дѣло слѣдующимъ образомъ, предупреждая однако читателя, что отнюдь не считаемъ нашихъ соображеній безусловно вѣрными.

Очень вѣроятно, что Митрополитъ Григорій, во время долговременнаго своего пребыванія на Митрополичьей каѳедрѣ, часто заводилъ рѣчь о Флорентійской Уніи и возбуждалъ споры о догматическихъ разностяхъ между Восточною и Западною Церковію (62). Споры эти особенно усилились по смерти Григорія, когда его приверженцы, лишившись теперь всякаго значенія, должны были чѣмъ нибудь защищать образъ своихъ мыслей и когда Православнымъ естественно было заботиться, чтобы на Митрополичьей каѳедрѣ не былъ снова Уніятъ.—Нѣтъ далѣе, никакого сомнѣнія въ томъ что Литовско-Польскіе римскіе Католики не оставались равнодушными слушателями того, какъ опровергалось ученіе ихъ церкви. Они приняли участіе въ этихъ спорахъ и къ доказательствамъ научнымъ присоединяли преслѣдованія Православныхъ. Бернардинцы разсѣялись по Литвѣ съ проповѣдію объ Уніи и много произвели смятенія въ народѣ (63). Между тѣмъ, въ это время (въ концѣ XV ст.) Папа объявилъ юбилей и, слѣдовательно, сборъ денегъ въ пользу Апостольскаго престола (64). Поляки, видно, не желали одни пользоваться плодами юбилея и старались принудить къ участію въ этомъ и Западно-русскій народъ. Вопросъ объ Уніи теперь сталъ для нихъ вдвойнѣ важнымъ. Какъ Поляки успѣли склонить Православныхъ,

чтобы они обратились къ Папѣ и кого именно склонили,—этого мы незнаемъ, считая памятникъ Поцѣя искаженнымъ; но несомнѣнно то, что Поляки отправили (въ 1474) къ Папѣ съ своимъ посольствомъ Брестскаго Кастеляна Іосифа Салтана и внушили ему просить у Папы для Западно-русской Церкви разрѣшенія недоумѣній объ Уніи Флорентійской и—допустить къ участію въ юбилеѣ (65). Очень вѣроятно, что при этомъ Салтану вручена была къ Папѣ грамота, о которой мы можемъ сказать вѣрнаго лишь то, что ее могъ написать только изступленный Латинянинъ среднихъ вѣковъ, потому что въ этой грамотѣ къ Папѣ отнесены выраженія великаго Славословія, обращенныя тамъ къ Сыну Божію.

Каковъ былъ успѣхъ всей этой затѣи, это видно изъ послѣдующихъ событій.—Латиняне, какъ будто, убѣдились въ безполезности Уніи и обратились къ давнему своему плану,—стали проповѣдывать въ Литвѣ Латинство и принуждать Православныхъ прямо къ Латинству. Ревность ихъ была такъ велика, что они взволновали всю Литву, не пощадили даже жены Короля Александра, дочери Московскаго князя и принуждали ее принять Латинство. Тогда Латиняне, какъ-бы, воскресили времена Ягеллы: они заставляли Православныхъ перекрещиваться. Притѣсненія были такъ велики, что цѣлыя области отпадали отъ Литвы, избѣгая гоненій за вѣру, и переходили подъ власть Московскаго князя (66). О страданіяхъ Православныхъ узналъ даже самъ Папа и счелъ нужнымъ ограничить ревность Польскихъ Латинянъ: онъ запретилъ имъ перекрещивать Православныхъ и приказывалъ требовать отъ нихъ

только признанія власти Папы, но оставлять при обрядахъ Восточной Церкви (67), т. е, папа приказывалъ что-бы польскіе Латиняне обращали Западно-русскихъ Православныхъ не прямо въ Латинство, но въ Унію въ смыслѣ Уніи Флорентійской.—Покорные велѣніямъ Папы Литовско-Польскіе Католики обращались часто и настойчиво съ этимъ требованіемъ къ тогдашнему (въ началѣ XVI-го ст.) Литовскому Митрополиту-Іосифу Салтану. Іосифъ Салтанъ, много обязанный Полякамъ и за свое возведеніе на Митрополичью каѳедру и за особенныя преимущества въ санѣ Митрополита (управлялъ двумя каѳедрами—Митрополичьею и Смоленскою Епископіею), дѣйствительно, показывалъ усердіе къ Уніи, такъ что Поляки назвали его горячимъ Уніятомъ (68), а Православные—Латинствующимъ (69). Но какъ мало Салтанъ успѣвалъ въ своей ревности къ дѣлу Уніи, это лучше всего видно изъ той самой грамоты, которую къ нему писалъ Константинопольскій Патріархъ и которую, по нашему мнѣнію, Уніяты гораздо меньше исказили, чѣмъ посланіе Мисаила къ Сикусту IV-му. Іосифъ, какъ видно, призналъ свое положеніе безвыходнымъ и рѣшился обратиться за совѣтомъ къ Константинопольскому Патріарху. Онъ жаловался ему на неотступныя требованія Латинянъ, что-бы въ Литвѣ введена была Унія, и спрашивалъ—какъ поступать ему въ этомъ случаѣ. Патріархъ отвѣчаетъ, что Іосифу лучше всего отговариваться тѣмъ, что безъ Патріарха онъ не можетъ самъ вводить Уніи въ Литвѣ (70).—Есть основаніе думать, что Салтанъ послѣдовалъ совѣту Патріарха. До насъ дошло дѣяніе собора, бывшаго при немъ въ 1509 году,—здѣсь ни слова объ Уніи;

напротивъ подтверждаются всѣ правила Церкви Восточной.

Вскорѣ сами Поляки должны были ослабить свою нетерпимость къ православной Вѣрѣ. Война съ Московскимъ Княземъ, вызванная преслѣдованіями Западно-русскаго Православія, заставила ихъ быть осторожными. Стараясь успокоить Московскаго Князя и встревоженные умы въ Литовско-русскихъ областяхъ, они перестали, прежде всего, преслѣдовать людей, окружавшихъ Королеву Елену, и даже дали имъ возможность пріобрѣсть особенное значеніе въ Литовско — русскомъ обществѣ.—Два Митрополита—Іона II-й и Макарій II-й, управлявшіе Западно-русскою каѳедрою почти преемственно и очень долго, были изъ числа людей, самыхъ приближенныхъ къ Королевѣ Еленѣ, и по сознанію даже Польскихъ писателей были жаркими поборниками Православія (71). Понятно, что такіе люди были рѣшительно недоступны никакимъ внушеніямъ объ Уніи. Въ ихъ-то время, обнимавшее почти половину XVI-го столѣтія, планъ Уніи былъ оставленъ. Правда, частныя лица не разъ еще терпѣли притѣсненія, но объ Уніи во всей Западно-русской Церкви Латиняне не смѣли думать (72), потому что теперь для Литовско-Польской Римско-католической Церкви настали самыя злополучныя времена.—Теперь нужно было думать уже не о распространеніи ея, а о томъ, чтобы спасти ее отъ совершенной погибели. Но объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ,—а теперь сдѣлаемъ общее обозрѣніе состоянія Западно-русской Церкви въ разсмотрѣнное нами время.

Какое же составить общее понятіе объ Уніи въ Литовскомъ Княжествѣ, въ XV-мъ и началѣ XVI-го

столѣтія?–Литовско–Польскіе римскіе Католики, поддерживаемые болѣе или менѣе своимъ правительствомъ, не видя возможности обратить Русиновъ прямо въ Римское Католичество, старались обратить ихъ, по крайней мѣрѣ, въ Унію и неоднократно дѣлали къ тому разныя попытки. Потому–то, даже самыя безпристрастные Польскіе историки говорятъ, что Унія тогда была. Была она, конечно, но, какъ любимая мысль Литовско–Польскихъ Римскихъ Католиковъ, какъ замыслъ и предметъ постоянныхъ заботъ и совѣщаній, что очень хорошо извѣстно Польскимъ историкамъ. Въ этомъ отношеніи, ихъ извѣстія совершенно справедливы и отвергать ихъ не возможно. По временамъ, конечно, удавалось Полякамъ склонить къ Уніи того или другого Митрополита, который, не будучи въ состояніи ввести ея въ Западно–русскую Церковь на самомъ дѣлѣ, успокаивалъ однако, на нѣкоторое время, ревнителей Латинства тѣмъ, что самъ принималъ Унію. Но скоро они замѣчали, что на дѣлѣ нѣтъ никакой Уніи, что Западно–русская Церковь не знаетъ ея въ своей практикѣ, въ ученіи, богослуженіи и что Православный народъ еще болѣе чуждается Римско–католичества (73). Поэтому, попытки ввести Унію опять возобновлялись. Но такъ какъ они опять были безуспѣшны, такъ какъ Православные сокрушали ихъ своею твердостію въ вѣрѣ; то оказывалось нужнымъ давать полную силу постановленіямъ Ягеллы противъ непризнающихъ надъ собою власти Папской. Ихъ не допускали къ должностямъ государственнымъ, особенно въ Сенатъ, имъ запрещали строить церкви, была даже учреждена инквизиція (74). Но и эти усиленныя мѣры

не приносили ожидаемаго плода, потому что (какъ показываютъ усилія Римскихъ Католиковъ ввести Унію и постановленія ихъ противъ Русиновъ) Православные сильно отстаивали свою вѣру и потому что наблюдать за дѣломъ Уніи и утверждать въ ней народъ не было тогда никакой возможности. Постоянныя, почти ежегодныя вторженія Татаръ, которые нерѣдко подходили къ самому Вильну (75), почти безпрерывная война съ Россіею препятствовали Римскимъ Католикамъ поддерживать и укрѣплять Унію въ Литовскомъ Княжествѣ. Усердіе приверженцевъ Папы находило затрудненіе еще въ томъ, что въ разсматриваемое нами время на Литовско-Польскомъ престолѣ были прямые потомки Ягеллы — Ягеллоны, природные Литовцы, преданные Литвѣ несравненно больше, нежели Польскому Королевству (76). По чувству любви къ родинѣ, въ которой они большею частію жили, они не скоро рѣшались возмущать народъ сильными мѣрами для распространенія Латинской вѣры. Наконецъ, всѣ мѣры для утвержденія Уніи въ Западно-Русской Церкви были совершенно прекращены, съ появленіемъ и распространеніемъ въ Литвѣ Протестантовъ и другихъ еретическихъ обществъ, къ концу первой половины XVI-го столѣтія. Унія тогда исчезла и забыта была народомъ, такъ что, когда возобновилась опять, къ концу XVI-го ст., то всѣ Православные называли ее дѣломъ неслыханнымъ, неизвѣстнымъ ихъ предкамъ (77).

Такъ, повидимому, кончились безъ всякаго успѣха слишкомъ вѣковыя усилія Литовско-Польскихъ Римскихъ Католиковъ поколебать Западно-русскую Церковь. Тѣмъ не менѣе, эти усилія произвели важную перемѣну

въ состояніи этой Церкви и подготовили тѣ бѣдствія которыя постигли ее въ концѣ XVI-го столѣтія,—когда въ послѣдній разъ появилась Унія. Въ слѣдствіе Уніи Ягеллы и потомъ разныхъ попытокъ ввести Унію Флорентійскую, Римская Церковь въ Литвѣ прочно основалась и получила права господства исключительнаго (78),—Православная, напротивъ, была только терпимою (въ самомъ ограниченномъ смыслѣ этаго слова) и то не всегда: потому что на нее чаще смотрѣли, какъ на общество незаконное, вредное для союза Литвы съ Польшею (79). Слѣдствія такого положенія Западно-Русской Церкви были очень важны. При самомъ присоединеніи Литовскаго Княжества къ Польшѣ, многіе Православные Литовско-Русскіе Князья и бояре приняли Римское Католичество. Число такихъ людей увеличивалось послѣ каждой сильной попытки Римскихъ Католиковъ распространить свою вѣру и стѣснить или поколебать Восточное Вѣроисповѣданіе. Въ самой гражданской жизни Русины больше и больше имѣли случаевъ и побужденій сближаться съ Литовскими и Польскими — Римскими Католиками (80) и принимать ихъ вѣру, вмѣстѣ съ особенными правами, предоставленными членамъ господствующей Римско-Католической Церкви. Такимъ образомъ, подлѣ Западно-Русской Церкви, или лучше въ ея предѣлахъ, образовалась сильная и враждебная ей Церковь Римская, которая въ началѣ XVI-го столѣтія имѣла въ Литвѣ уже 700 приходовъ (81). Эту Церковь поддерживала и возвышала власть правительственная Литовско-Польская, — Король, по вѣрѣ Католикъ и, слѣдовательно, всегда болѣе или менѣе расположенный содѣйствовать благу

своей Церкви, какъ бы онъ ни любилъ Литовско-Русскій народъ, — далѣе представительная власть народная, въ которой самое важное мѣсто занимало Латинское духовенство. Чтобы правильно понимать все значеніе Литовско-Польскаго духовенства, его вліяніе на Короля и народъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ понимать и тотъ разладъ, который постоянно выражался въ правительственныхъ дѣйствіяхъ Польши и давалъ изслѣдователямъ Уніи основанія для какихъ угодно взглядовъ, — необходимо всегда имѣть въ виду образъ правленія Польши. Какъ государство почти республиканское, Польша всегда имѣла сильныя партіи, которыя попеременно торжествовали и въ частныхъ случаяхъ давали самое нелогическое теченіе дѣламъ, — самъ Король бывалъ игрою этихъ партій. — Отъ того мы видимъ, что иногда планъ Уніи совершенно оставляется, даже подвергается гласному поруганію и потомъ опять является во всей силѣ. Въ лабиринтѣ этихъ противорѣчій, дѣйствительно, трудно иногда найти путеводную нить, которая бы указала намъ непрерывное существованіе и развитіе этого плана. Но при внимательномъ изученіи исторіи Литовско-Польской, эта путеводная нить обозначена очень ясно. — Польша издавна отличалась приверженностію къ Папскому престолу; слѣдовательно, религіозныя дѣла могли въ ней всегда находить живое сочувствіе и ручательство въ успѣхѣ. Успѣхъ этотъ обезпечивался еще тѣмъ, что духовные высшіе, какъ члены Сената, имѣли въ своей власти не мало голосовъ и ту еще выгоду, что были всегда природными Поляками, слѣдовательно, свободными отъ укора въ недостаткѣ любви къ родинѣ. Такимъ обра-

зомъ, духовенство составляло въ Польшѣ всегда могущественную партію, которая, развѣ на короткое время, уступала другой свое первенство. Эта-то партія, можно сказать, до сихъ поръ всегда юная и всегда вѣрная своимъ политическимъ убѣжденіямъ, понимала по своему благо народное и давала всей Польшѣ образецъ пониманія этого блага. Въ образцѣ этомъ, какъ само собою разумѣется, польза Литовско-Польской Латинской Церкви становилась первымъ условіемъ счастія Польши и каждый согласится, что Полякамъ, при ихъ религіозности, очень трудно было не вѣрить этому убѣжденію и еще труднѣе вооружаться противъ него. Отъ того-то мы видимъ, что какъ ни старались благоразумные люди разрушать это убѣжденіе и какъ ни возставали противъ Уніи, все было напрасно. Партія Церковная одерживала верхъ.—Противъ такой-то Церкви, всегда готовой вредить Литовско-Русскому, Восточному Вѣроисповѣданію и имѣвшей къ тому громадныя средства, Западно-Русская Церковь должна была защищаться одною внутреннею силою,—вѣрою сыновъ своихъ. Очевидно, что такое положеніе было очень опасно для послѣдней и грозило ей въ будущемъ гибельными послѣдствіями.

II.

НАЧАЛО ЦЕРКОВНОЙ УНІИ

1596-го года.

—

Вѣковыя усилія Литовско-Польскихъ Римскихъ Католиковъ — подавить въ Западной Россіи Восточное Вѣроисповѣданіе, повидимому, навсегда были уничтожены къ концу первой половины XVI-го столѣтія. Въ это время быстрымъ потокомъ разлилось по всей Польшѣ и Литвѣ Протестантство съ безчисленными своими отраслями (82). Литовско-Польскій народъ издавна имѣлъ постоянныя сношенія съ Западною Европою (83). Высшее дворянство считало, какъ бы, правиломъ получать воспитаніе въ иностранныхъ университетахъ и путешествовать по Европѣ (84). Западно-европейскія понятія, обычаи вторгались въ Литовско-Польское государство съ необычайною силою (85), а вмѣстѣ съ этими понятіями и обычаями переходили сюда и тѣ новые взгля-

ды на Римскую Церковь (86), которые сначала потребовали ея преобразованія, а потомъ произвели Реформацію. Поэтому, какъ только явились въ Польшу и Литву проповѣдники протестантства, то немедленно нашли себѣ большое число сильныхъ послѣдователей, подъ защитою которыхъ, съ громаднымъ успѣхомъ, распространяли свое ученіе (87). Литовско-Польское, Латинское духовенство, сильно занятое политическими и вообще житейскими дѣлами и притомъ издавна привыкшее къ спокойной жизни, сначала мало обратило вниманія на эту опасность, а потомъ увидѣло, что не можетъ бороться съ новыми врагами. Ученость протестантскихъ проповѣдниковъ совершенно обезоруживала блестящую, знатную, но малосвѣдущую и мало нравственную Латинскую іерархію (88). Превосходство протестантскихъ проповѣдниковъ и необразованность и разслабленіе нравовъ Латинскаго духовенства были такъ велики, что даже Латинская іерархія начала переходить въ протестантство. Пустѣли монастыри, являлись протестантскими цѣлые приходы, вслѣдъ за своими пастырями (89). Даже одинъ Латинскій Епископъ (Кіевскій) принялъ протестантство и женился (90). Защитить Литовско-Польскую Римскую Церковь могла теперь не умственная и нравственная сила ея іерархіи, а развѣ гражданская сила. Но эта сила, съ самаго начала XVI-го столѣтія, отказалась дѣйствовать въ духѣ Ягеллы, Казимира и Александра. Она не преслѣдовала иновѣрцевъ, напротивъ, старалась показывать, по отношенію къ нимъ, неизмѣнную вѣротерпимость. Съ 1506-го и по 1572-й годъ царствовали въ Литовско-Польскомъ Государствѣ два благороднѣйшіе государя, которые, казалось, рѣшились

вознаградить Литву за всѣ прежнія религіозныя гоненія. Мы говоримъ о мудромъ, осторожномъ, строго-справедливомъ Сигизмундѣ II-мъ или Старомъ (91) и особенно о его сынѣ Сигизмундѣ Августѣ, благородная, мягкая душа котораго чужда была всякой мысли о преслѣдованіяхъ, стѣсненіяхъ. Сигизмундъ Августъ равнодушно смотрѣлъ на разливъ протестантства, прислушивался самъ къ его ученію и дѣйствовалъ такъ, что трудно было рѣшить, кто онъ, Латинянинъ, или протестантъ. По крайней мѣрѣ, всѣ протестантскія секты также считали его своимъ покровителемъ, какъ и Латиняне (92). Всѣ эти обстоятельства привели къ тому, что въ Литвѣ развѣ только тысячная часть осталась Латинянъ. Всѣ остальные перешли въ протестантскія секты (93).

Въ это-то время, повторяемъ, замыслъ Ягеллы — сдѣлать всѣхъ Русиновъ Латинянами, выполняемый съ бо́льшею или меньшею ревностію слишкомъ столѣтіе, казалось, погибъ безвозвратно. Послѣ Литовско-Польскихъ Королей Казиміра и Александра, Православные вздохнули свободно, пріобрѣли гражданскія права, наполнили Магистраты, вступили твердою ногою въ Сенатъ, и снова, какъ во времена Литовскихъ князей, могли ожидать себѣ счастливой будущности. (94) Но вскорѣ оказалось, что это мирное состояніе западно-Русской Церкви въ то время, какъ Латинская Церковь въ Литвѣ и Польшѣ почти погибала, среди быстраго разлива протестантства, было только кратковременнымъ отдыхомъ Литовско-Русскаго народа, на пути его страданій въ злосчастномъ союзѣ съ Польшею. Богу угодно было испытать западно-Русскую Церковь новыми несчастіями.

Очнулась Польша отъ кратковременнаго усыпленія и снова заговорила о скрѣпленіи союза Литовско-Польскаго. Возстала, можно сказать, изъ развалинъ Литовско-Польская Латинская Церковь и планъ Уніи явился въ новой силѣ и свѣжести, какъ-бы въ вознагражденіе за кратковременное его забвеніе.

Вмѣстѣ съ протестантствомъ быстро разлилось въ Польшѣ и Литвѣ сильное волненіе. Протестанство, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, развило въ широкихъ размѣрахъ идею личнаго произвола, а едвали гдѣ была для этого лучшая почва, какъ въ Литовско-Польской Республикѣ. Вражда партій превратилась теперь во вражду религіозную. Союзъ Литвы съ Польшею среди этихъ обстоятельствъ ослабѣлъ до крайности (95). Правительство Польское и всѣ ревностные Латиняне обратили теперь все вниманіе на такое разъединеніе народа и придумывали средства возстановить порядокъ и тишину.—Среди этаго раздумья чаще и чаще приходила имъ мысль—скрѣпить союзъ соединенныхъ государствъ (Литвы и Польши) и спасти отечественную Церковь отъ поражающаго ее бѣдствія. Единство вѣры и народности въ Литвѣ и Польшѣ сдѣлалось опять предметомъ самаго пламеннаго ихъ желанія (96). Подъ вліяніемъ такого настроенія Латинянъ, Литва окончательно соединена съ Польшею въ 1569 году, при томъ же Сигизмундѣ-Августѣ, который во всю жизнь потворствовалъ разновѣрцамъ (Диссидентамъ), но къ концу ея замѣтно началъ склоняться на лоно Римской церкви и внушенія Римскихъ Католиковъ (97). И странное явленіе! Литва, которая столько страдала отъ своеволія Поляковъ и которая теперь же горько жаловалась

на нихъ за незаконное присвоеніе лучшихъ областей ея, Литва желала этого соединенія едвали не больше самой Польши. Но таковы ужъ были обстоятельства, что Литва не могла выпутаться изъ сѣтей, которыми опутала ее Польша. Сосѣдство съ Ливоніею, Россіею и Татарами дѣлало ее (Литву) театромъ непрерывныхъ войнъ, которыя падали на нее всею своею тяжестію, пока ея финансовыя средства и войско были отдѣлены отъ Польскихъ. Эта тягость заставляла Литву желать совершеннаго слитія съ Польшею, что-бы скорѣе и вѣрнѣе получать отъ нее помощь (98). Но Польша желала пользоваться только сладкими плодами союза съ Литвою, а не горькими. Забывая о томъ, что Литва заслоняла ее собою отъ самыхъ опаспыхъ враговъ, она выставляла на видъ одни свои услуги Литвѣ и, когда пришлось признать эти услуги обязательными разъ навсегда, она призадумалась стоитъ-ли союзъ съ Литвою такой жертвы? (99). Но это раздумье было минутное Польша позаботилась вознаградить себя за всѣ обязательства, по отношенію къ Литвѣ, присвоеніемъ себѣ, на особыхъ правахъ, лучшихъ областей Литовскихъ— княжества Кіевскаго, Волыни, Украины и части Пруссіи (100) и, какъ-бы, не довольствуясь еще этимъ, она на уніонномъ Люблинскомъ сеймѣ заговорила объ Уніи религіозной въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ (101). Эта Унія должна была состоять въ присоединеніи къ Латинству всѣхъ разновѣрцевъ (Диссидентовъ). Литовцамъ пришлось теперь горько раскаиваться въ своей недальновидности. Многіе изъ нихъ уѣхали изъ сейма, но уже было поздо останавливать дѣло. Окончательное, послѣднее соединеніе Литвы съ Польшею совершилось.

Съ этого времени, Литва должна была составлять съ Польшею одно неразрывное цѣлое, одно государство, одинъ народъ. Сенатъ, финансовыя средства, войска соединялись въ одну массу народныхъ силъ (102). Это роковое событіе имѣло самыя гибельныя слѣдствія, какъ для еретиковъ различныхъ сектъ, т. е. для Лютеранъ, Кальвинистовъ, Соцініанъ, такъ и для Православныхъ, которыхъ обыкновенно называли схизматиками. Польское вліяніе (а въ немъ сильно преобладало Римское Католичество) (103) на Литовско-русскій народъ начало теперь распространяться съ возрастающею быстротою (104). Послѣ окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею, уже не одни высшіе Литовско-русскіе дворяне вступали въ постоянныя сношенія съ Поляками и заражались ихъ понятіями и своеволіемъ, но весь свободный классъ народа, недавно получившій право участвовать въ сеймахъ (105). Съ другой стороны, Поляки имѣли теперь возможность занимать въ Литвѣ различныя должности, владѣть цѣлыми областями (106) (что прежде не дозволялось) и при этомъ пользоваться правомъ-быть правителями народа не только въ мірскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ (tam in saecularibus, quam in spiritualibus rebus-юридическое выраженіе (107). Но это зло, при обыкновенномъ нерасположеніи Литовско-Русскаго народа къ Полякамъ, не было бы велико, если бы его не развили до ужасающихъ размѣровъ Іезуиты, призванные въ Литву въ томъ же 1569-мъ году.

Представитель Литовско-Латинскаго духовенства-Виленскій Епископъ Валеріанъ Протасевичъ не находилъ никакихъ средствъ спасти свою церковь отъ ко-

нечной гибели. Поляки внушили ему мысль ввести въ Литву Іезуитовъ, по примѣру Польши (108). Въ Литвѣ тогда очень хорошо понимали цѣли и характеръ дѣйствій Іезуитовъ. Поэтому, какъ только узнали о намѣреніи Протасевича, то всѣ вооружились противъ него, не только разновѣрцы, но даже сами Латиняне. Опасность была такъ велика, что Іезуитовъ не иначе можно было ввести въ Вильно, какъ подъ прикрытіемъ военной силы (109). Іезуиты—Braciszki Iezusowe—постарались прежде всего утишить волненіе умовъ и заслужить расположеніе народа. Они являлись кроткими иноками, благотворителями несчастныхъ, среди народныхъ бѣдствій (моровой язвы) (110), ревностными проповѣдниками Слова Божія и безкорыстными наставниками юношества. Но зло, скрытое подъ личиною святости, начало обнаруживаться и приносить горькіе плоды. Іезуитская школа, мало по малу, наполнялась учениками; Іезуитскія проповѣди, диспуты, процессіи, театральныя представленія привлекали бо̀льшія и бо̀льшія толпы народа. Ученики слушали уроки Іезуитовъ, народъ внималъ ихъ проповѣдямъ, диспутамъ, услаждался ихъ зрѣлищами и едва ли многіе понимали, какое въ нихъ остается впечатлѣніе отъ всего этого, а между тѣмъ, всѣ, сколько нибудь повѣрившіе тому, что слышали и видѣли у Іезуитовъ, возвращались отъ нихъ совершенно другими людьми. Добрые, общежительные граждане приходили домой врагами своихъ ближнихъ и возмутителями общественнаго спокойствія. Каждое слово, каждое дѣйствіе Іезуитовъ разливало въ нихъ желчь противъ всѣхъ разновѣрцевъ. Подъ этимъ вліяніемъ Іезуитовъ развилась въ Литов-

скихъ Латинянахъ страшная нетерпимость въ дѣлахъ вѣры, которая сдѣлала ихъ жестокими гонителями всѣхъ разновѣрцевъ и самыми ревностными распространителями между ними Латинства (111).

Вскорѣ Іезуитамъ Литовскимъ открылась возможность дѣйствовать въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, при участіи самаго правительства. Послѣ Сигизмунда Августа, т. е. съ 1572 года, начали вступать на Литовско-Польскій престолъ государи иноземные, избираемые собственно Польшею и ей преданные, а не Литвѣ, какъ это почти всегда бывало при Ягеллонахъ—природныхъ Литовцахъ. Съ самаго начала, Іезуиты съумѣли извлечь изъ этого порядка существенныя выгоды для себя и устранять всѣ преграды къ исполненію своихъ намѣреній. — Въ междуцарствіе по смерти Сигизмунда Августа, всѣ партіи пришли въ напряженіе, стараясь каждая возвесть на Польскій престолъ человѣка, способнаго поддерживать и защищать ихъ интересы.—Латинская партія предложила избрать Генриха Анжуйскаго, брата іезуитскаго французскаго короля Карла IX, и даже успѣла было восторжествовать. Но Варѳоломеевская рѣзня во Франціи взволновала въ Литвѣ умы всѣхъ разновѣрцевъ и Генрихъ, встревоженный этими волненіями, отказался отъ Польскаго престола (112). Послѣ того, три кандидата на Польскій престолъ—представители трехъ главныхъ партій—,Православной-сынъ Іоанна Грознаго, Римско-Католической-сынъ Императора Максимиліана и Протестантской Стефанъ Баторій, князь Седьмиградскій—возбуждали споры на избирательномъ сеймѣ.—Партія протестантская, какъ самая сильная и встревоженная теперь Генрихомъ, вос-

торжествовала надъ всѣми,—избранъ былъ Стефанъ Баторій (113). Но Латиняне уничтожили всѣ надежды разновѣрцевъ, хотя и допустили избраніе Баторія. Хотя славный побѣдитель Турокъ и Царя Московскаго, покровительствовалъ протестантамъ въ Седьмиградскомъ княжествѣ, но въ душѣ его не было теплаго чувства ни къ одной вѣрѣ, слѣдовательно, онъ былъ такой государь, который болѣе всякаго способенъ былъ принять и защищать какую угодно вѣру, по политическимъ расчетамъ, (114,) а эти расчеты гласно говорили ему въ пользу Латинской Церкви. — Какъ только Баторій прибылъ въ Польшу, польскіе Латиняне немедленно потребовали, чтобы онъ принялъ и защищалъ Латинство и Баторій ни минуты не колебался. У него оспоривалъ Польскій престолъ Ракузскій Домъ, покровительствуемый Папою и Баторію необходимо было пріобрѣсть расположеніе Папы мнимымъ усердіемъ къ Латинству (115). Въ самомъ Литовско-Польскомъ Государствѣ, онъ находилъ много побужденій къ тому же. Литовско-Польской союзъ до крайности ослабѣлъ и, чтобы скрѣпить его, казалось лучше всего распространить въ Литвѣ Польское вліяніе, Польское образованіе и вѣру (116). Наконецъ, Баторію приходилось постоянно вести войну и, слѣдовательно, заслуживать расположеніе Поляковъ, а этого лучше всего можно было достигнуть покровительствомъ ихъ вѣрѣ и ихъ любимцамъ — Іезуитамъ. Іезуиты, дѣйствительно, явились лучшими посредниками между Баторіемъ, Папою и Польскимъ народомъ. Поэтому, они въ первые же годы правленія Баторія получили отъ него особенныя милости. Виленская ихъ Коллегія возведена на степень Ака-

деміи съ приличнымъ обезпеченіемъ, колоніи Іезуитскія раскинулись по Литвѣ (117) и вмѣстѣ съ Академіею немедленно стали дѣйствовать въ громадныхъ размѣрахъ, выполняя вездѣ неизмѣнное свое правило и задачу существованія въ Литвѣ—истреблять всякое разномысліе въ вѣрѣ (118). Протестанты первые страдали отъ нихъ и сначала, какъ-бы, прикрывали собою Православныхъ отъ ихъ вліянія и козней. Но какъ скоро Іезуиты утвердились въ Литвѣ прочно и не много ослабили первыхъ враговъ своихъ, то незамедлили обратить свое оружіе и противъ Западно-Русской Церкви (119). Въ ихъ проповѣдяхъ и диспутахъ чаще и чаще слышались обличенія и противъ Православныхъ; ихъ училища, по временамъ, посѣщало Православное юношество и, конечно, немногіе выходили оттуда православными. Задолго до Уніи Іезуиты совратили въ Латинство уже не мало вельможъ православныхъ (120).

«Но», скажемъ словами извѣстнаго Галицкаго ученаго Зубрицкаго, «жатва не отвѣчала ожиданіямъ» прибавимъ-и усиліямъ «Латинскихъ ревнителей. Православные твердо стояли въ своей вѣрѣ и чуждались перехода въ Римское – Католичество. Непроходимая бездна раздѣляла оба Вѣроисповѣданія. Вѣруя, что только въ Православной Церкви возможно спасеніе, Русины не рѣшались играть своею совѣстію и переходить въ Латинство» (121). Іезуиты однако доказали, что умѣютъ переходить сами и заставлять другихъ переходить и непроходимыя бездны. Въ нихъ слишкомъ велико было желаніе видѣть окончательное торжество своей Церкви и они рѣшились достигнуть этой цѣли, по отношенію къ Православнымъ, другимъ путемъ, хотя

дальнимъ и непрямымъ, но зато съ бо̀льшимъ успѣхомъ,—они обратились къ Уніи, при всей своей нетерпимости къ малѣйшему разногласію въ дѣлахъ Вѣры. Такимъ образомъ, теперь, какъ и во времена Ягеллы и Александра, Православные своею несокрушимою твердостію въ вѣрѣ отцевъ привели Латинянъ къ необходимости обратиться къ Уніи, какъ менѣе поразительному переходу изъ Православія въ Латинство.

Какимъ образомъ Іезуиты приводили въ исполненіе планъ Уніи, это долгое время оставалось непроницаемою тайною Іезуитскаго ордена. Сами Православные Литовско-Русскіе, слѣдившіе за появленіемъ Уніи съ необычнымъ напряженіемъ, ничего незнали объ участіи въ ней Іезуитовъ, по крайней мѣрѣ, ни въ одномъ ихъ сочиненіи, современномъ началу Уніи, мы не находимъ прямого указанія на дѣйствія Іезуитовъ въ дѣлѣ Уніи до того времени, когда она была совершенно приготовлена, т. е. до конца 1595 года (122). Только уже въ послѣдствіи времени, въ XVII и XVIII столѣтіи, для всякого было понятно, что Унія существуетъ и держится силою Іезуитовъ. И неудивительно такое незнаніе въ современникахъ дѣйствій первыхъ и главныхъ виновниковъ и двигателей Литовской Уніи. Іезуиты, по удачному выраженію одного Поляка на сеймѣ 1590 года,–«это такая губительная язва, которую не ранѣе можно примѣтить, какъ въ то время, когда уже весь организмъ (республики) придетъ въ воспалительное состояніе» (123). Даже теперь, при значительной разработкѣ памятниковъ Іезуитской Литовской исторіи, мы откровенно должны сознаться, что мало знаемъ объ участіи Іезуитовъ въ дѣлѣ Уніи. Но, по крайней мѣрѣ,

теперь участіе это не подлежитъ никакому сомнѣнію и, благодаря необычайно умнымъ и въ высшей степени добросовѣстнымъ изслѣдованіямъ современныхъ намъ ученыхъ, Познаньскаго—Лукашевича, Галицкаго—Зубрицкаго и Литовскаго—Ярошевича (124), намъ извѣстно нѣсколько дѣйствій, нѣсколько обмолвокъ и недосмотровъ со стороны Іезуитовъ, и по этимъ обломкамъ великаго, стройнаго зданія, мы можемъ уже составить нѣкоторое понятіе о самомъ зданіи,—знаменитомъ, единственномъ въ исторіи Церкви планѣ Литовской Церковной Уніи.

Распространяясь въ Литвѣ, какъ губительная язва, и разрушая здѣсь высшее благо человѣка —спокойствіе совѣсти въ дѣлахъ вѣры, Іезуиты, какъ мы сказали, убѣдились, что это спокойствіе невозмутимо въ сынахъ Западно-Русской Церкви, если на него дѣйствовать прямо, проповѣдуя Латинство. Но не могли они не замѣтить, при неоспоримой своей проницательности и многосторонемъ знаніи людей и жизни, что положеніе въ Литвѣ Западно-Русской Церкви представляетъ весьма много ручательствъ будущихъ успѣховъ Уніи. Не могли они не видѣть, что эта Церковь не имѣетъ у Польскаго Правительства прочнаго обезпеченія своей неприкосновенности. Напротивъ, и въ различіи вѣры этого Правительства и въ правахъ его утверждать іерарховъ въ этой Церкви и, наконецъ, въ прежнихъ стѣснительныхъ постановленіяхъ противъ Православныхъ, заключалось слишкомъ много средствъ нарушать и обходить тѣ немногія постановленія, которыя ограждали существованіе этой Церкви и личныя права ея членовъ (125). Вся внѣшняя сила Западно-Русской

Церкви заключалась въ такъ называемомъ Патронатѣ надъ нею лучшихъ ея сыновъ, по которому Православное дворянство имѣло право наслѣдственно благоустроять извѣстные монастыри и приходскія церкви, т. е. обезпечивать ихъ средства (jus donandi), избирать настоятелей, священниковъ (jus praebendi, jus praesentandi) и охранять отъ безпорядковъ, обидъ, притѣсненій (jus patronandi) (126). Но не могли не понять Іезуиты, что этотъ же самый Патронатъ, въ высшей степени благотворный для Западно-Русской Церкви, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, могъ сдѣлаться самымъ гибельнымъ для нее, если, не уничтожая его правъ, разрушить нравственную его основу, т. е. любовь Патроновъ къ Православной Церкви. Тогда тѣже самые защитники ея были бы злѣйшими и опаснѣйшими ея врагами; потому что Патронатъ давалъ Патронамъ значительную власть въ дѣлахъ Церкви и эта власть могла обращаться къ добру ея или ко злу, смотря потому, каковы были Патроны. Вѣрность этого расчета могла представляться несомнѣнною самому недальновидному человѣку. Но Іезуитамъ не было надобности въ этомъ случаѣ взвѣшивать еще свой планъ и гадать объ его вѣрности. Онъ былъ уже на самомъ дѣлѣ, передъ ихъ глазами (127). Нѣкоторые изъ тогдашнихъ Патроновъ Православныхъ были уже заражены понятіями Латинскими и порадѣли о благѣ своей Церкви; другіе совращены были самими Іезуитами и, какъ недостойные дѣти, наносили тяжелые удары своей родной матери. Были, далѣе, въ Литвѣ, въ Русскихъ областяхъ истые Поляки, которые служили сущимъ наказаніемъ для Православныхъ Литов-

цевъ. Наконецъ, кромѣ этихъ постоянныхъ враговъ Западно-Русской Церкви, Литва постоянно наводнялась Поляками, во время войнъ Польши съ Россіею. Судите, сколько вѣрныхъ слугъ могло явиться, по первому призыву Іезуитовъ, для исполненія плана Уніи и пораженія Западно-Русской Церкви! Вотъ, первыя наблюденія Іезуитовъ надъ Литвою! И, повторяемъ опять, наблюденія эти сами собою вызывались и могли быть сдѣланы даже не столь умными людьми, какъ Іезуиты. Но какъ бы ни была очевидна возможность дѣла, исторія не имѣетъ права возможное обращать въ дѣйствительное. Мы должны еще доказать, дѣйствительно-ли теперь Іезуиты поняли это положеніе Западно-Русской Церкви и дѣйствительно-ли они составили теперь планъ Уніи?

Благодаря драгоцѣннымъ изслѣдованіямъ указанныхъ нами ученыхъ, мы можемъ отвѣчать на эти вопросы утвердительно. Наблюденія надъ Литвою, дѣйствительно, внушили Іезуитамъ планъ Уніи. Мало того, тогдашнія завоеванія Польши въ Россіи непомѣрно разширили этотъ планъ и дали ему такой громадный и заманчивый видъ, что передъ нимъ преклонился даже великій человѣкъ того времени,—славный Стефанъ Баторій. Ослѣпленный большими успѣхами въ войнѣ съ съ Іоанномъ IV, Баторій думалъ соединить подъ своимъ скипетромъ въ одно государство Польшу, Литву и Россію (128). Унія была самымъ подручнымъ средствомъ къ обезпеченію такого пріобрѣтенія и, вотъ, по внушенію Іезуитовъ Баторій предполагалъ ввести Унію во всѣхъ этихъ государствахъ и даже представилъ Папѣ планъ ея (129), къ сожалѣнію, неизвѣстный

намъ. Правда, Баторій скоро увидѣлъ, что его честолюбивые виды на Россію разрушаются; но Іезуиты не смутились этимъ и задумали планъ Уніи еще болѣе смѣлый и еще болѣе окольнымъ путемъ устремились къ главной своей цѣли—ввести Латинство въ предѣлахъ Православной Церкви. Въ настоящемъ случаѣ, мы уже имѣемъ драгоцѣнный памятникъ,—донесеніе Папѣ Поссевина и можемъ говорить о планѣ Уніи положительно, прибѣгая къ очень немногимъ соображеніямъ. Планъ этотъ составленъ по вызову слѣдующихъ обстоятельствъ.

Іоаннъ IV-й, стѣсненный до крайности Баторіемъ, обратился къ посредству Папы. Умный, хитрый Царь Московскій рѣшился дѣйствовать въ этомъ случаѣ оружіемъ, похожимъ на то, которое придавало въ глазахъ Папы особенную цѣну воинскимъ доблестямъ Баторія (130). Онъ далъ понять Папѣ, что отъ него Римская Церковь можетъ ожидать себѣ тѣхъ же выгодъ, какихъ ожидаетъ отъ Баторія, т. е. дружбы съ Папою и союза противъ невѣрныхъ Турокъ. Правда, Іоаннъ не обѣщалъ Папѣ Уніи, подобно Баторію, но въ Римѣ надѣялись преодолѣть «закоренѣлое упорство Іоанна». Іезуитъ Поссевинъ, Папскій Легатъ при Баторіѣ, получилъ приказаніе быть посредникомъ между Іоанномъ и Баторіемъ и вступить съ Іоанномъ въ переговоры объ Уніи (131). Но Іоанну нужна была не Унія, а миръ съ Баторіемъ. Совѣщанія съ Поссевиномъ длились и, наконецъ, кончились тѣмъ, что Поссевинъ совершенно убѣдился въ томъ, что этимъ путемъ Унія никогда не бывать въ Россіи. Но Поссевинъ, какъ и всѣ Іезуиты, не скоро готовъ былъ отступить отъ разъ пред-

принятаго дѣла. Онъ задумалъ идти къ нему другимъ путемъ и во всякомъ случаѣ воспользоваться тѣмъ, что подготовлено для Уніи въ Литвѣ.

Зная родство Западной Россіи съ Восточною и историческую важность Кіева для всей Россіи, онъ думалъ, что введеніе Уніи въ Западной или, какъ онъ выражался, королевской Россіи повлечетъ за собою или, по крайней мѣрѣ, облегчитъ подчиненіе Папѣ и всей Россіи. Далѣе, сношенія, бесѣды съ многими Западно-Русскими дворянами убѣдили его, что здѣсь не чуждаются Уніи. Поэтому, онъ усердно просилъ Папу, напоминая ему даже объ отвѣтственности передъ Богомъ, принять нужныя мѣры къ подчиненію Апостольскому престолу Западно-Русской Церкви, именно: онъ просилъ устроить въ Римѣ училище для Русиновъ, прислать Западно-Русскимъ Епископамъ милостивую грамоту и легата, способнаго расположить ихъ въ пользу Папы (132). Неизвѣстно, какъ этотъ планъ Уніи принятъ былъ въ Римѣ и какія оттуда послѣдовали распоряженія Литовскимъ Іезуитамъ; но несомнѣнно, что онъ не былъ оставленъ безъ вниманія. Хотя Папа былъ озабоченъ тогда болѣе важными дѣлами, чѣмъ Литовская Унія (распространеніемъ Протестантства); но мысль о соединеніи Церквей не оставляла его и въ это время. Въ Римѣ, дѣйствительно, открыто было Уніятское училище для юношества Восточной Церкви и въ немъ нѣсколько вакансій для Православныхъ Русиновъ (133). Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ донесенія Поссевина, въ Литву присланъ былъ Латинскій священникъ, который совершалъ здѣсь Латинскую Литургію на квасномъ хлѣбѣ, чтобы расположить Ру-

синовъ къ Латинской Церкви (134). Что дѣлала больше этого Римская Конгрегація для распространенія вѣры (congregatio propagandae fidei), мы не знаемъ; но недостатокъ этихъ свѣдѣній въ настоящемъ случаѣ значительно вознаграждается свѣдѣніями о дѣйствіяхъ Іезуитовъ въ Литвѣ.

Здѣсь, они постоянно шли къ своей цѣли и развивали свои дѣйствія. Еще прежде 1581-го года, Поссевинъ просилъ Баторія основать въ Вильнѣ училище для Русиновъ (135) и по нѣкоторымъ училище это дѣйствительно было открыто.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, Поссевинъ заботился въ Вильнѣ объ изданіи книгъ противъ Православной Церкви. Дѣятельными сотрудниками Поссевина были всѣ Литовскіе Іезуиты, ибо невозможно и представить, чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ и такъ близко касающемся Литовскихъ Іезуитовъ, Поссевинъ дѣйствовалъ одинъ, независимо отъ нихъ; этого не допускали и правила Іезуитскаго ордена; но особенно дѣятельнымъ сотрудникомъ Поссевина былъ Скарга (136). Онъ писалъ разныя сочиненія противъ Восточной Церкви и эти сочиненія такъ сильно волновали Православныхъ, что въ 1592-мъ году Львовское Братство съ горечью писало объ этомъ Константинопольскому Патріарху (137). Въ 1582-мъ году, т. е. спустя годъ послѣ того, какъ Поссевинъ писалъ къ Папѣ объ Уніи, Іезуиты рѣшились дѣйствовать уже на всю Православную Церковь Западно-Русскую. Въ то время появился новый календарь, Григоріанскій. Іезуиты выхлопотали у Баторія универсалъ, которымъ повелѣвалось ввести новый календарь во всемъ Литовско-Польскомъ Государствѣ, и взялись съ такимъ жаромъ приводить

его въ исполненіе, что взволновали весь народъ. Они прерывали въ Православныхъ церквахъ Богослуженіе, запирали и запечатывали ихъ, заставляя Русиновъ силою слѣдовать новому календарю наравнѣ съ Латинянами (138). Ревность Іезуитовъ была такъ велика и они ожидали отъ введенія новаго календаря такой важной пользы для Уніи, что даже строгія приказанія Баторія, не любившаго волненій, не могли остановить ихъ (139). Нѣсколько лѣтъ Православные не имѣли покоя отъ новаго календаря. Протестаціи, универсалы (140), полемическія сочиненія по этому дѣлу (141) живо напоминаютъ намъ первые годы Уніи 1596-го года.

Какія убѣжденія вынесли Іезуиты изъ этой неудачной попытки сблизить Русиновъ съ Латинянами и этимъ облегчить дѣло Уніи, это со всею ясностію можно видѣть изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыми они пользовались въ настоящемъ случаѣ, и изъ тѣхъ препятствій которыя помѣшали имъ ввести новый календарь. Принуждали Русиновъ къ новому календарю вездѣ и всегда Латиняне, воспитанные Іезуитами. Особенно страдала отъ нихъ Галицкая область, больше другихъ подверженная вліянію Польши и Іезуитовъ. Но въ другихъ областяхъ еще очень не много было такихъ людей между Латинянами и еще менѣе ихъ было между Православными мірянами, не говоримъ уже о Православной Іерархіи. Вотъ первое, въ чемъ должны были убѣдиться Іезуиты Но еще болѣе убѣдились они въ томъ, что подчиненіе Западно-Русской Церкви Константинопольскому Патріарху служитъ первою преградою къ Уніи (142), что уваженіе

Патріарху въ Литвѣ такъ велико, что самыя дѣйствительныя мѣры, самые ревностные ихъ сотрудники между Латинянами и въ самой Западно-Русской Церкви ничего не сдѣлаютъ для Уніи, пока въ Западно-Русскомъ народѣ не ослаблено будетъ это уваженіе, эта восторженная любовь къ Константинопольскому Іерарху. Словомъ, Іезуиты видѣли необходимость приготовить между Латинянами побольше людей способныхъ преслѣдовать разновѣрцевъ, а въ Западно-Русской Церкви— людей недостойныхъ и предубѣжденныхъ противъ Константинопольскаго Патріарха.

Какимъ образомъ Іезуиты приготовляли такихъ людей между Латинянами и Православными мірянами, это со всею ясностію открываютъ намъ Гг. Ярошевичъ и Лукашевичъ, которыхъ сочиненія (указанныя нами) приводятъ читателя къ тому заключенію, что Іезуитскія школы были школами самаго лихорадочнаго, Латинскаго фанатизма, а всѣ Іезуитскія проповѣди, дружескія бесѣды, внушенія составляли необходимое и неизмѣнное дополненіе ихъ школьнаго образованія. Этимъ однимъ заключеніемъ мы и можемъ теперь ограничиться послѣ того, что сказали выше объ Іезуитахъ и о близкихъ отношеніяхъ Литовско-Русскихъ Православныхъ къ Латинянамъ. Что этими путями нерѣдко проходило Іезуитское вліяніе въ убѣжденія даже лучшихъ людей того времени — это не можетъ подлежать никакому сомненію и нѣтъ надобности искать для этого частныхъ свѣдѣній. Тайна Іезуитская здѣсь слишкомъ очевидна. Но какимъ образомъ Іезуиты заготовляли такихъ людей, въ самой Іерархіи Западно-Русской, — это до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ Уніи,

который, можно сказать, еще никѣмъ не раскрытъ такъ, чтобы рѣшеніе его выдержало строгую критику (143). И мы здѣсь откровенно сознаемся, что не можемъ рѣшить этого вопроса на основаніи ясныхъ свидѣтельствъ потому что не имѣемъ ихъ достаточно; но не можемъ отказаться отъ рѣшенія его, потому что имѣемъ нѣсколько данныхъ, которыя вполнѣ оправдываются исторіею того времени и имѣютъ неопровержимое подтвержденіе во всей послѣдующей исторіи Уніи.

Іезуиты, какъ мы сказали, рѣшились приготовить въ самой Западно-Русской Іерархіи побольше людей недостойныхъ и предубѣжденныхъ противъ Константинопольскаго Патріарха. Этого они, конечно, отчасти достигали сочиненіями противъ Восточной Церкви и льстивыми внушеніями этихъ мыслей разнымъ лицамъ Православной Іерархіи. Но все это было слишкомъ незначительно и могло погибнуть отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ. Необходимо было, въ эту Іерархію ввести новыхъ недостойныхъ людей: это было вѣрнѣе всякихъ внушеній существующей Іерархіи, которая въ 1583 году показала слишкомъ мало расположенія къ Латинству.—Но вводить теперь такихъ людей въ Западно-Русскую Церковь прямымъ путемъ, т. е. открывъ свои мысли королю Баторію, было чрезвычайно трудно и едва-ли возможно. Баторій, послѣ вмѣшательства Папы и Іезуитовъ въ его войну съ Іоанномъ IV, остался крайне недоволенъ и Папою и Іезуитами. Нѣтъ надобности доказывать, что онъ теперь подобно Витовту не былъ расположенъ исполнять данное Папѣ обѣщаніе ввести Унію и, вѣроятно, очень охладѣлъ къ Іезуитамъ, когда въ 1585 году

запретилъ имъ принуждать Православныхъ къ новому календарю (144), и когда объ немъ современники составили такое мнѣніе, что онъ не потворствовалъ Іезуитамъ (145). Какъ увидимъ послѣ, Баторій по временамъ дѣлалъ даже добрыя дѣла для Западно-Русской Церкви. Легко-ли было теперь Іезуитамъ возводить на Епископіи и Архимандріи недостойныхъ людей посредствомъ внушеній королю? Очевидно не легко, скажемъ даже болѣе: дѣлать это имъ было очень трудно; но Іезуиты умѣли достигать своихъ цѣлей, разрушая или обходя и не такія преграды. Они воспользовались не усердіемъ Баторія къ Латинской Церкви, котораго теперь, дѣйствительно, не было, но его безвѣріемъ, пренебреженіемъ ко всякой вѣрѣ и, слѣдовательно, способностію дѣлать вредъ Западно-Русской Церкви не по особенному плану, а по одному неуваженію къ ней. Это неуваженіе, дѣйствительно, поражаетъ насъ, при первомъ взглядѣ на распоряженія Баторія, по отношенію къ Западно-Русской Церкви того времени.

Право утверждать избранныя іерархіею или народомъ лица на высшія іерархическія мѣста въ Западно-Русской Церкви издавна принадлежало Литовско-Польскимъ королямъ. Баторій распространилъ это право до того, что самъ избиралъ и назначалъ на эти мѣста, кого хотѣлъ. Какъ человѣкъ, котораго не согрѣвало теплое чувство вѣры, онъ нарушалъ въ этомъ случаѣ Церковныя правила самымъ недостойнымъ образомъ. Духовныя мѣста онъ вообще считалъ наградою за гражданскія заслуги (146), избиралъ на нихъ мірянъ и очень часто самыхъ недостойныхъ. Былъ даже слу-

чай, что онъ назначилъ на одну православную Архимандрію Латиняпина (147). Насколько Іезуиты участвовали во всѣхъ этихъ случаяхъ и черезъ кого именно, мы этого незнаемъ; но возведеніе на епископскія каѳедры такихъ людей, какъ Ѳеодосій Лазовскій, сперва Хелмскій, а потомъ Брестскій Епископъ, предмѣстникъ Мелетія Хребтовича,—и Іона Красенскій, Епископъ Луцкій, предмѣстникъ Кирилла Терлецкаго (148), невольно заставляетъ думать, что какая-то адская сила дѣйствовала тогда на пагубу Западно-Русской Церкви!

Въ 1586 году, грозный, равнодушный къ вѣрѣ Баторій скончался и на Польскій престолъ вступилъ Шведскій королевичъ Сигизмундъ подъ именемъ III, человѣкъ слабаго ума, но отъ колыбели воспитанникъ Іезуитовъ и покорный всѣмъ внушеніямъ ихъ до гроба (149). Іезуиты, истощившіе всѣ усилія, всѣ средства, чтобы увѣнчать Литовско-Польскою Короною своего любимца, немедленно окружили его престолъ, взяли въ свои руки всѣ важнѣйшія дѣла и уже въ 1589 году составили новый планъ истребленія всѣхъ разновѣрцевъ въ Литовско-Польскомъ Государствѣ (150) и въ частности планъ Уніи (151). Сигизмундъ утвердилъ этотъ планъ; оставалось только приводить его въ исполненіе. Но не легко было это сдѣлать, не смотря на всѣ прежнія приготовленія Іезуитовъ и на всю силу, какую они теперь получили изъ рукъ своего питомца. Много было обстоятельствъ, благопріятныхъ для Уніи; но въ тоже время много было и столь грозныхъ, что сами Іезуиты, мало знакомые съ страхомъ и раздумьемъ, не могли не призадуматься. Зло, подготовленное ими, начало созрѣвать; недостойные люди въ іерархіи Западно-

Русской, потерявшіе любовь къ своей Церкви и къ самой Вѣрѣ, какъ злыя тѣни, обозначались ясно на многихъ мѣстахъ духовныхъ; но въ тоже время въ Западно-Русской Церкви зараждался новый благотворный порядокъ вещей, который обѣщалъ въ ней искоренить всѣ безпорядки и приготовить ей самыя свѣтлыя, счастливыя времена. Взглянемъ на ту и другую картину.

Тогдашнее состояніе Западно-Русской Церкви, дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ было самое бѣдственное и опасное. Извнѣ она терпѣла притѣсненія отъ мірскихъ властей, которыя вмѣшивались въ ея дѣла и отнимали ея имущества (152). Козни, происки Іезуитовъ и нетерпимость къ разновѣрцамъ воспитанныхъ ими Латинянъ причиняли ей двойныя страданія—угнѣтали ея сыновъ и отторгали въ Латинство слабыхъ душею и вѣрою (153). Далѣе, внутри ея чаще и чаще обнаруживались безпорядки, какъ слѣдствіе вмѣшательства Баторія въ ея управленіе и еще болѣе, какъ плодъ тайныхъ козней Іезуитовъ. Въ это время, особенно распространился древній обычай Церкви возводить на духовныя мѣста мірянъ и такъ какъ теперь ему слѣдовали безъ строгаго разбора: то часто случалось, что священный санъ принимали люди вдовые послѣ перваго, второго и даже третьяго брака и такой порядокъ сдѣлался очень обыкновеннымъ. Такое нарушеніе Церковныхъ правилъ, очевидно, не могло не соблазнять народа, который видѣлъ, что въ сосѣдственной Россіи въ то время даже вдовство священнослужителей, послѣ перваго брака, лишало ихъ права священнодѣйствовать. Но соблазнъ еще болѣе увеличивался отъ даль-

нѣйшихъ послѣдствій, которыми часто сопровождался дурно понятый обычай древней Церкви—возводить въ священный санъ и міряпъ. Міряне, возводимые Баторіемъ безъ разбора на высшія духовныя мѣста, соединенныя съ принятіемъ монашества, не легко разставались съ міромъ и нерѣдко продолжали вести семейную жизнь и по занятіи этихъ мѣстъ. Не будемъ раскрывать этой мрачной и недостойной благороднаго взгляда картины, которая развертывалась тогда передъ глазами несчастнаго Западно-Русскаго народа и которую срисовать заставила Львовское Братсво (154) лишь крайняя необходимость. Скажемъ только вообще, что въ тогдашнее, злополучное время Церковныя правила, касательно брака и чистоты жизни духовенства, нарушались самымъ святотатственнымъ образомъ. Всеобщій соблазнъ былъ ближайшимъ слѣдствіемъ этого зла,— ближайшимъ, но не единственнымъ. За нимъ слѣдовало немедленно другое слѣдствіе, столь же опасное, какъ и Унія. Протестантскіе проповѣдники, тѣснимые Іезуитами, чаще и чаще теперь вторгались въ беззащитные предѣлы Западно-Русской Церкви и совращали Православныхъ, лишенныхъ вѣрнаго руководства хорошихъ пастырей. Не говоримъ уже о томъ, что Іезуиты не пропускали случая—пріобрѣтать здѣсь сыновъ для Латинской Церкви, недожидаясь Уніи. Паства недостойныхъ пастырей готова была разойтись въ разныя секты, по выраженію знаменитѣйшихъ защитниковъ Православія Князя Острожскаго и Львовскаго Братства (155), но не разошлась она потому, что въ тѣже бѣдственныя времена и рядомъ съ этими плевелами Западно-Русской Церкви созрѣвало въ ея нѣдрахъ чистое, пло-

дотворное зерно. Сила Западно-Русскаго Православія была не такъ мала, чтобы могла погибнуть отъ злоупотребленій и безпорядковъ, безъ упорной, продолжительной борьбы, безъ могучаго противодѣйствія злу. Въ исторіи того времени мы, дѣйствительно, видимъ, что насколько тогда увеличивалось зло, настолько же возрастало противодѣйствіе ему и очень ошибаются тѣ изслѣдователи Уніи, которые производятъ ее отъ однихъ безпорядковъ Западно-Русской Церкви. Мы увидимъ, что дѣло происходило иначе, но продолжимъ нашъ разсказъ.

Вмѣшательство Латинской власти въ дѣла Западно-Русской Церкви, вторженіе въ ея предѣлы Іезуитовъ, Протестантовъ и собственное зло въ ней самой пробудили необычайную ревность въ лучшихъ сынахъ Западно-Русской Церкви, и теперь во всемъ блескѣ обнаружилась сила Западно-Русскаго, Православнаго Патроната. Онъ развернулъ теперь всѣ свои, могучія силы и оказалъ Западно-Русской Церкви такія услуги, подобныхъ которымъ мы не находимъ въ исторіи ни одной Церкви. Эти защитники Западно-Русскаго Православія равно сильные и ревностные къ ея благу, съ самаго начала царствованія Баторія, т. е. съ того самаго времени, когда усилилось зло въ Западно-Русской Церкви, рѣшились уничтожить въ ней чуждое вліяніе и возвысить ее до образца первобытной Церкви Христовой, по выраженію князя Острожскаго (156). Богатые, роскошные дворцы ихъ превращались въ ученыя засѣданія и кабинеты, гдѣ скромные иноки, на ряду съ знаменитыми вельможами, трудились усердно для духовнаго просвѣщенія. (157). Вы-

ше всѣхъ, тогдашнихъ защитниковъ Православія стоялъ знаменитый князь, Константинъ Константиновичъ Острожскій. Онъ вступилъ въ ближайшія сношенія съ Востокомъ, собиралъ и издавалъ церковныя книги разнаго рода, заводилъ училища и разсылалъ по Литвѣ достойныхъ учителей, проповѣдниковъ. Его постоянная, неусыпная заботливость о благѣ Западно-Русской Церкви была извѣстна всѣмъ Полякамъ и они невольно преклонялись передъ нею. Самъ король Баторій почтилъ это благочестивое усердіе князя. Уважая въ немъ несомнѣнныя заслуги Литовско-Польскому государству, онъ въ награду за нихъ далъ князю то, что доблестный сынъ Западно-Русской Церкви считалъ выше всѣхъ наградъ. Онъ призналъ за княземъ право на высшій и самый обширный Патронатъ въ Западно-Русской Церкви—назвалъ его верховнымъ хранителемъ и и защитникомъ ея (158). И такой титулъ не былъ однимъ почетомъ. Весь Православный народъ Западно-Русскій признавалъ за княземъ это названіе, независимо отъ всякихъ привилегій короля, и глубоко вѣрилъ, что князь Острожскій—главный столпъ (filar) Западно-Русской Церкви (159). Но это еще не все: Патронатъ Литовскій принялъ еще болѣе широкіе размѣры и еще лучшее развитіе. До сихъ поръ, онъ былъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и только недавно князь Острожскій объединилъ его своимъ лицемъ и, какъ-бы, сосредоточилъ его въ себѣ. Теперь-же всѣ сословія, всѣ лучшіе сыны Западно-Русской Церкви примкнули къ этому Патронату и придали ему новую, небывалую до сихъ поръ силу и значеніе.—Скромные, незначительные ремесленные и купеческіе цехи, имѣвшіе издавна

благочестивый обычай освящать молитвою свои труды и совершать эти молитвы и хранить свои суммы въ опредѣленныхъ церквахъ, соединились теперь крѣпче и дали своимъ обычаямъ смыслъ благотворительный, въ самомъ обширномъ значеніи. Они начали группироваться около извѣстныхъ церквей, монастырей, принимали ихъ въ свое вѣдомство, подобно знатнымъ Патронамъ, благоустрояли эти церкви, монастыри и отсюда щедрою рукою расточали благодѣянія своимъ ближнимъ— милостыню, пособія, книги, духовное образованіе. Опредѣленный, точный уставъ и благословеніе церковное упрочивали внутреннее ихъ благоустройство, а грамоты королевскія—внѣшнее, юридическое существованіе. Наконецъ, поступленіе въ эти общества высшихъ дворянъ,—Патроновъ частныхъ церквей, право ставропигіи, т. е. непосредственной зависимости отъ Константинопольскаго Патріарха, помимо мѣстной Церкви, и союзы самихъ Братствъ ставили эти общества выше всѣхъ мѣстныхъ властей, частныхъ интересовъ и открывали имъ путь къ вліянію на всю Западно-Русскую Церковь, при одномъ только условіи,—если Братства съумѣютъ на самомъ дѣлѣ поддержать и оправдать это вліяніе. Но залогъ такого вліянія лежалъ и въ основѣ уставовъ Братствъ и въ нравственномъ характерѣ ихъ членовъ. Богадѣльни, училища, типографіи Братскія были благомъ для всей Западно-Русской Церкви; пожертвованія, обязанности Братчиковъ были выраженіемъ всего лучшаго, что только могъ сдѣлать для своей Церкви вѣрный сынъ ея.—Прочный и высоконравственный залогъ обширнаго и всеобщаго вліянія Братствъ, въ настоящее время, обнаруживался уже тѣмъ, что Братства

быстро возникали по всей Литвѣ и возрастали, какъ-бы, по днямъ (160). Дальнѣйшія дѣйствія Братствъ и Патроновъ мы увидимъ послѣ; теперь же скажемъ только то, что эта громадная сила развернулась въ то самое время, когда въ Западно-Русской Церкви, по Іезуитскому плану Уніи, умножились безпорядки.—Вѣроятность и успѣхъ Уніи теперь зависѣли отъ того, какова будетъ борьба этихъ противоположныхъ началъ и на чью сторону склонится окончательная побѣда,—а борьба эта должна была возникнуть немедленно, какъ это и было дѣйствительно.

Когда Литовскій Патронатъ, возбужденный и развитый бѣдственнымъ состояніемъ Западно-Русской Церкви, началъ теперь дѣйствовать ко благу ея, то зло, произведенное въ ней Іезуитами, должно было все выйти наружу и подвергнуться сильнымъ его ударамъ. Торжество въ этой борьбѣ съ самаго начала было рѣшительно на сторонѣ ревностныхъ членовъ Литовскаго Патроната.—Общая, рѣшительная мѣра, употребленная ими противъ зла, казалось, должна была уничтожить навсегда всѣ приготовленія къ Уніи, сдѣланныя Іезуитами. Мы разумѣемъ призваніе въ Литву Константинопольскаго Патріарха, Іереміи II-го.

Безпорядки въ Западно-Русской Церкви, въ послѣдніе годы царствованія Баторія, говоримъ, сдѣлались очень явны и потребовали рѣшительныхъ мѣръ.—Князь Острожскій упросилъ Константинопольскаго Патріарха, Іеремію II-го, отъ котораго зависѣла Западно-Русская Церковь, посѣтить свою подвѣдомственную Митрополію и исправить ея дѣла (161). Въ 1589-мъ году Патріархъ исполнилъ желаніе ревностныхъ сы-

новъ Западно-Русской Церкви и прибылъ въ Литву, возвращаясь изъ Москвы (162). Чтобы власть Патріарха имѣла больше силы и успѣха, Константинъ Острожскій, вмѣстѣ съ другими поборниками чистоты вѣры, просилъ короля Сигизмунда уполномочить Святителя окружною грамотою. Сигизмундъ, тогда еще недавно вступившій на престолъ, не посмѣлъ отказать въ этой прозьбѣ такимъ сильнымъ людямъ, какъ князь Острожскій (163), и какъ ни горько было Іезуитамъ допустить такой важный шагъ противъ замышляемой ими Уніи; но они должны были покориться обстоятельствамъ и Сигизмундъ окружною грамотою, дѣйствительно, подчинилъ Патріарху всѣ лица и дѣла Западно-Русской Церкви (164).

Патріархъ Іеремія, получивъ эту грамоту, рѣшился низложить всѣхъ двоеженцевъ и троеженцевъ въ Іерархіи, установить на будущее время обычай возводить на высшія Іерархическія мѣста монашествующихъ, произвести судъ надъ всѣми виновными въ нечистой жизни и дать силу новому движенію—Братствамъ.—Тогдашній Митрополитъ Онисифоръ, хотя православный и незазорной жизни пастырь, но вступившій въ духовный санъ послѣ второго брака, долженъ былъ оставить свою каѳедру (165), потому что примѣръ его очевидно служилъ оправданіемъ для другихъ двоеженцевъ, болѣе его недостойныхъ духовнаго сана. Выборъ новаго Митрополита палъ на Минскаго Архимандрита Михаила Рогозу и по началу никакъ нельзя было сказать, что-бы выборъ этотъ былъ неудачный, хотя извѣстно и то, что Патріархъ сомнѣвался теперь во всякомъ, кого бы ни приходилось поставлять Митро-

политомъ въ такія времена. Михаилъ Рогоза былъ инокъ незазорной жизни, образованія чисто Русскаго, былъ задушевнымъ другомъ одного изъ лучшихъ людей того времени, Ѳеодора Скумина—воеводы Новогрудскаго, извѣстенъ былъ самому князю Острожскому, по ходатайству котораго и поставленъ въ Митрополита. Словомъ, по воспитанію, образу жизни и связямъ, это былъ лучшій человѣкъ того времени и, что еще замѣчательно, Михаилъ Рогоза сочувствовалъ новому движенію въ Западно-Русской Церкви—Братствамъ (166). Всѣ сужденія о Латинствѣ Михаила, объ его Іезуитскомъ образованіи и связяхъ съ Іезуитами до 1594-го года, мы считаемъ чистою клеветою на него (167). Мы увидимъ напротивъ, что новый Митрополитъ въ первые годы своего правленія, т. е. до 1594 года, неразъ передъ всѣми оправдывалъ свое избраніе въ Митрополита Западно-Русскаго. — Поставивъ новаго Митрополита, Патріархъ Іеремія потребовалъ низложенія всѣхъ двоеженцевъ, имѣвшихъ духовный санъ (168). Но поражая зло, мудрый Пастырь въ тоже время укрѣплялъ и добро: онъ утверждалъ духовныя Братства и нѣкоторымъ изъ нихъ давалъ право ставропигіи, т. е. непосредственной зависимости отъ себя (169).

Такъ успѣшно, повидимому, начались ревностные труды Патріарха для блага Западно-Русской Церкви. Но скоро оказалось, что не легко исправить вдругъ безпорядки, укоренившіеся давностію времени, которымъ, кромѣ того, такъ явно потворствовала или, лучше сказать, покровительствовала иновѣрная власть, гражданская и которые Іезуиты могли вызвать на самую упорную борьбу съ новымъ порядкомъ вещей.—Зло было

очень сильно, его нужно было исторгать съ корнемъ, нещадя ни страстей, ни вкоренившихся обычаевъ, и главное, искореняя это зло, необходимо было разрушать планъ Іезуитовъ–ввести Унію. Это не могло не раздражать недостойныхъ людей Западно–Русской Церкви и ихъ покровителей—Іезуитовъ.—Распоряженіями Патріарха, естественно, были недовольны и взволнованы тѣ и другіе и теперь легче и скорѣе, чѣмъ когда либо, могли сойтись ближе, дѣйствовать рѣшительно въ виду столь же рѣшительной опасности, и увлечь за собою даже такихъ людей, которые вовсе незнали ни Іезуитовъ, ни Уніи. Несчастныя обстоятельства такъ сложились, что вскорѣ послѣ посвященія новаго Митрополита всѣ усилія Патріарха исправить зло въ Западно–Русской Церкви оказывались безуспѣшными и даже производили слѣдствія, совершенно противоположныя намѣреніямъ Іереміи II-го. Патріархъ Іеремія, какъ мы говорили, требовалъ низложенія всѣхъ двоеженцевъ и троеженцевъ въ Іерархіи. Никакъ недумаемъ, чтобы никто изъ Епископовъ не исполнялъ этого требованія, но несомнѣнно и то, что немногіе изъ нихъ были ревностными исполнителями этой воли Патріарха,—и прежде всего потому, что они же недавно терпѣли двоеженца на Митрополичьей каѳедрѣ и, вѣроятно, сами немало рукоположили такихъ людей въ священный санъ.–Тѣмъ менѣе, были ревностны къ исполненію воли Патріарха Епископы нечистой жизни—Холмскій Діонисій и Пинскій Леонтій. Послѣдній даже явился защитникомъ недостойныхъ священниковъ и укрывалъ ихъ въ своей епархіи. Патріархъ обличалъ его въ этомъ передъ всѣми—окружною грамотою (170);

но не могъ предпринять болѣе рѣшительной мѣры противъ него и подобныхъ ему людей, потому что дѣла его Восточной Паствы побуждали спѣшить въ Константинополь. Онъ успѣлъ сдѣлать въ Литвѣ только еще одно дѣло, необходимо вызванное тогдашними обстоятельствами Западно-Русской Церкви. Іеремія, какъ мы видѣли, поставилъ новаго Митрополита не изъ Епископовъ, а изъ Архимандритовъ, слѣдовательно, человѣка новаго, котораго, какъ естественно, не очень уважали тогдашніе Іерархи. Есть также извѣстіе, что и самъ Патріархъ, хотя поставилъ Михаила Митрополитомъ, уступая прозьбѣ сильныхъ людей, но не довѣрялъ ему. Понятно послѣ этого, какъ необходимо было Патріарху имѣть въ Литвѣ кого-либо изъ Западно-Русскихъ Іерарховъ близкимъ къ себѣ и вполнѣ довѣреннымъ. Выборъ его палъ на Луцкаго Епископа, Кирилла Терлецкаго. Читатели наши, вѣроятно, ожидаютъ, что мы, упомянувъ здѣсь имя всѣмъ извѣстнаго и прославленнаго виновника Уніи—Терлецкаго, начнемъ рисовать мрачную картину порочности этого человѣка и доказывать, что выборъ Патріарха былъ крайне ошибоченъ. Но, да простятъ они намъ, если мы не оправдаемъ ихъ ожиданій. Въ послѣдствіи мы, дѣйствительно, поставимъ Кирилла между недостойными людьми Западно-Русской Церкви; но говоря о настоящемъ времени, должны сказать, что выборъ Патріарха былъ вполнѣ справедливый: тогда Кириллъ былъ достойнѣйшимъ между Западно-Русскими Епископами. Познакомимся съ этимъ лицемъ.

Кириллъ Терлецкій происходилъ изъ дворянскаго рода Пинской области (171), отличался за-

мѣчательнымъ умомъ, сильною дѣятельностію и получилъ значительное, по тому времени, образованіе (172). Его убѣжденій въ истинахъ Вѣры, до 1590 года, мы не знаемъ, потому что до этого времени онъ ничѣмъ не высказалъ ихъ намъ. Знаемъ только, что онъ не былъ изъ числа тогдашнихъ, такъ сказать, мгновенныхъ Іерарховъ. Онъ былъ сперва протоіереемъ въ Пинскѣ, потомъ Пинскимъ же владыкою и, наконецъ, съ 1585 г. Луцкимъ Епископомъ (173). На этой послѣдней каѳедрѣ онъ обнаружилъ необычайную въ то время ревность къ благу Церкви, а Церковь эта въ Луцкой Епископіи была тогда въ конецъ разстроена и разорена предмѣстникомъ Кирилла Іоною Красенскимъ — позорнѣйшимъ Епископомъ, осужденнымъ за свои дѣла на изгнаніе изъ Литвы (174). Испорченность духовенства и нищета Епископской каѳедры, расхищенной Іоною и его родственниками, были первыми предметами, на которые Кириллъ долженъ былъ обратить вниманіе. Но не легко было Кириллу благоустроить свою Епископію. Онъ постоянно былъ въ судѣ, гдѣ ему приходилось не обвинять только, но и самому защищаться отъ самыхъ злостныхъ клеветъ, отъ которыхъ, по нашему мнѣнію, ведутъ свое начало всѣ важнѣйшія обвиненія Кирилла въ нечистой жизни. Теперь отъ этихъ клеветъ Кириллъ очищалъ себя нерѣдко самымъ торжественнымъ образомъ и заставлялъ своихъ враговъ (родственниковъ и друзей прежняго Епископа) открыто признаваться во лжи. Но не такъ легко было Кириллу защищать свою Церковь и себя отъ новаго врага—правителя города Луцка—Латинянина, недавно отпавшаго отъ Православія. Правитель этотъ открыто ругался

надъ Церковію, Православнымъ народомъ и Епископомъ. Но Кириллъ мужественно выносилъ и эту борьбу. Народъ, какъ видно, глубоко сочувствовалъ своему Іерарху. Это участіе показалъ къ нему и Князь Острожскій. Онъ приблизилъ къ себѣ Кирилла и обласкалъ его своими милостями (175). Неутомимая борьба Кирилла съ безпорядками церковными и козпями Латинянъ, вѣроятно, сдѣлалась извѣстною и Патріарху Іереміи и Восточный Іерархъ почтилъ Кирилла особою честію. Будучи еще въ Брестѣ на соборѣ, онъ торжественно посвятилъ его въ санъ своего Экзарха въ Литвѣ и далъ ему право наблюдать за Епископами, даже за самимъ Митрополитомъ и въ случаѣ крайности судить ихъ соборомъ. (176). Но понятно, что такое раздѣленіе власти въ Церкви, хотя и вызванное необходимостію, не могло привести къ добру.

Послѣ 6 Августа 1589 года, Патріархъ Іеремія удалился на рубежъ Литвы и Молдавіи и пребывалъ въ Замостьѣ, Краспомъ Ставѣ, Тернополѣ. За Патріархомъ послѣдовали разновременно нѣкоторые Западно-Русскіе Іерархи (177). Въ Тернополѣ, въ присутствіи самаго Патріарха, и потомъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, они составляли соборы. На этихъ соборахъ осуждены разныя безпорядки въ Церкви и утверждена независимость Львовскаго Братства отъ мѣстнаго Епископа Гедеопа (178). Западно-Русская Церковь, повидимому, была благоустроена. Но на дѣлѣ, положеніе ея стало еще хуже. Между Патріархомъ и новопоставленнымъ Митрополитомъ возникли неудовольствія еще при самомъ постановленіи послѣдняго, когда Іеремія, понимая всю опасность положенія Западно-Русской Церкви

и незная, дѣйствительно ли поставляемый имъ, первый Іерархъ этой Церкви способенъ управлять ею въ такія времена, высказалъ свое сомнѣніе открыто, при самомъ поставленіи Михаила. Вскорѣ это неудовольствіе, затаенное теперь Митрополитомъ, обнаружилось ясно. Онъ отказался вознаградить убытки, понесенные Патріархомъ, во время его пребыванія въ Литвѣ (179). Такимъ образомъ, усердіе къ исполненію разпоряженій Патріарха, столь необходимыхъ для Западно – Русской Церкви, было ослаблено въ первомъ Іерархѣ этой Церкви и въ самыя первыя времена его служенія. Но это несчастіе Западно–Русской Церкви было еще очень невелико, въ сравненіи съ другими.

Мы говорили, что Патріархъ Іеремія утверждалъ Братства и нѣкоторымъ изъ нихъ давалъ право ставропигіи, т. е. непосредственной зависимости отъ себя. Оцѣнивая всѣ труды Братствъ на пользу Западно–Русской Церкви, мы не можемъ не удивляться проницательной мудрости Восточнаго Іерарха, который понялъ всю благодѣтельность Братствъ и позаботился дать прочное обезпеченіе этимъ обществамъ. Мы даже скажемъ, что существованіе Братствъ, какъ нѣкоторой самостоятельной духовной власти въ рукахъ низшаго духовенства и міранъ, не противорѣчило давнимъ обычаямъ Западно–Русской Церкви; потому что здѣсь издавна міряне принимали ближайшее участіе въ дѣлахъ Церкви и, вообще, вся Западно–Русская Митрополія издавна отвыкла отъ строгаго единства и средоточія духовной власти. Но не всѣ тогда понимали благодѣтельность Братствъ и естественность ихъ существованія въ Западно-Русской Церкви. Великое учрежденіе,

спасшее эту Церковь отъ конечной гибели, подверглось порицанію почти всѣхъ Западно-Русскихъ Іерарховъ. Противъ него возставалъ всѣми силами Львовскій Епископъ Гедеонъ; противъ него вопіяли всѣ Епископы, принявшіе Унію (180). Одинъ только Митрополитъ до-послѣдняго времени не вооружался противъ Братствъ. Всѣ другіе Іерархи видѣли въ Братствахъ нарушеніе своей власти и негодовали на Патріарха за ихъ учрежденіе, особенно, за учрежденіе Братствъ ставропигіальныхъ. Негодованіе это, столь незаконное, во многихъ было усилено новымъ обстоятельствомъ, которое ясно показываетъ, что враги церковнаго мира въ Западно-Русской Церкви употребляли всѣ усилія, чтобы пребываніе Патріарха въ Литвѣ обратить на зло этой Церкви и на соблазнъ всѣмъ Православнымъ. Они разгласили, что Патріархъ Іеремія требуетъ отъ Западно-Русскаго Митрополита непомѣрной суммы денегъ — пятьнадцати тысять червонцевъ,—тогда какъ онъ просилъ пятьнадцати тысячъ аспръ, что̀ на тогдашнія деньги составляло двѣсти пятьдесятъ талеровъ—сумма очень незначительная для Западно-Русскаго Митрополита (181). Далѣе, извѣстно, что въ Литовско-Польскомъ Государствѣ до крайности распространился обычай испрашивать разныя «привилеи» — грамоты. Вѣроятно за такими грамотами, по духовнымъ дѣламъ, многіе обращались и къ Патріарху. Люди злые воспользовались этимъ обстоятельствомъ на позоръ Православнымъ. Пользуясь тѣмъ, что Патріархъ не зналъ Славянскаго языка, они предлагали ему для подписи незаконныя грамоты. Въ Замостьѣ Патріархъ замѣтилъ этотъ обманъ и обличилъ въ немъ Львовскаго Еписко-

па Гедеона. Изъ жалобы Патріарха видно, что кромѣ грамотъ, подбрасываемыхъ для подписи Гедеономъ, были и другія (182). Много-ли между ними было однородныхъ съ грамотами Гедеоновыми,—не знаемъ; знаемъ только, что на нихъ жаловались не одни виновники Уніи, но и Православные (183). Одна изъ такихъ грамотъ, наполненная бранью противъ Митрополита прислана (въ 1591–2 году) была Львовскому Братству, съ повелѣніемъ изгнать Митрополита изъ Львовской области (онъ тогда здѣсь находился) и передать Братскій монастырь Гедеону. Братство въ смущеніи писало объ этомъ къ Патріарху (184): но если Львовское Братство, взволнованное Патріархомъ и самое преданное ему смутилось духомъ, то что думалъ самъ Митрополитъ, что думали другіе Православные, менѣе способные отличать ложь отъ истины? Какую, наконецъ, могли имѣть силу послѣ этого подлинныя грамоты Патріарха и, если онѣ мало имѣли силы, что несомнѣнно, то что должны были думать о Патріархѣ тѣ люди, которые ожидали отъ него величайшей пользы для Западно-Русской Церкви? Такъ искусно враги Западно-Русской Церкви разсѣевали и усиливали предубѣжденія и неудовольствія противъ Патріарха. Эти предубѣжденія и неудовольствія имъ очень нужны были, потому что необычайное благоговѣніе Западно-Русскаго народа къ Патріарху Константинопольскому и ревностныя заботы Іереміи II-го о благѣ Западно-Русской Церкви составляли, повидимому, неодолимую преграду для Уніи.—Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно думать, что эти именно не евангельскіе труды враговъ Западно-Русской Церкви—неудовольствія и пред-

убѣжденія противъ Патріарха, подготовленныя ими, произвели Унію, какъ это утверждали всегда сами поборники Уніи? Не отвергаемъ того, что они дѣйствительно не мало подвинули къ концу заготовленное дѣло, но не въ нихъ однихъ, какъ утверждаютъ это Уніятскіе и Латинскіе писатели, Унія имѣла главную свою основу. Изъ неудовольствій и предубѣжденій противъ Патріарха Унія никогда не могла бы возникнуть, если бы ей не давали жизни другія причины, болѣе важныя и рѣшительныя.—Ближайшимъ, прямымъ слѣдствіемъ неудовольствія и предубѣжденія противъ Патріарха, положимъ даже (слѣдствіемъ) страха, котораго, впрочемъ, теперь мы невидимъ въ Западно-Русскихъ Іерархахъ, а ужъ менѣе всего въ тѣхъ изъ нихъ, которые поставлены послѣ отъѣзда Патріарха,—ближайшимъ, говоримъ, слѣдствіемъ всего этого должно было естественнѣе всего быть желаніе—прекратить зависимость Западно-Русской Церкви отъ Константинопольскаго Патріарха и сдѣлать ее самостоятельною. И это, повидимому, не должно было представляться чѣмъ либо необычайнымъ. Примѣръ былъ подлѣ и передъ глазами всѣхъ,—Восточно-Русская Церковь, которая тогда же получила права совершенной самостоятельности, правда, не по дурнымъ побужденіямъ, но за то и не столь сильнымъ. Но отъ желанія сдѣлать свою Церковь самостоятельною до желанія подчинить ее Папѣ — ввести Унію еще очень далеко, какъ это очевидно само собою. Какимъ же образомъ совершился этотъ не малый, скажемъ лучше, неизмѣримо громадный переходъ—*отъ желанія уничтожить зависимость Западно-Русской Церкви отъ Кон-*

стантинопольской по какимъ бы то ни было побужденіямъ—*къ желанію принять Унію?* Гдѣ та необычайная сила, которая такъ неестественно повернула событія?

Много сдѣлано отвѣтовъ на эти вопросы; но разбирать-ли ихъ здѣсь?... Нѣтъ! Это повело бы насъ слишкомъ далеко, а между тѣмъ, въ заключеніи мы должны были бы сказать очень немногое, именно то, что въ настоящее время слишкомъ много произвольныхъ теорій Уніи. Обратимся лучше къ изложенію событій по древнимъ свидѣтельствамъ исторіи и пусть изложеніе самаго дѣла дастъ понятіе объ этихъ теоріяхъ.

Когда Патріархъ Іеремія удалился изъ Литвы; то дѣла Западно-Русской Церкви находились въ слѣдующемъ положеніи. Открыты были передъ всѣми спльные и давніе недуги этой Церкви и указаны мѣры къ ихъ уврачеванію. Но какъ эти недуги, такъ и ихъ уврачеваніе для многихъ были слишкомъ тяжелы.—Злые и подготовленные Іезуитами для Уніи люди поняли, что ихъ положеніе опасно,—все равно, будутъ ли они держаться своей Церкви или нѣтъ. Люди добрые, оплоть Западно-Русской Церкви, увидѣли, что имъ недостаетъ очень многаго для успѣха ихъ дѣйствій. Тяжело стало жить и тѣмъ и другимъ.—Необходимость перемѣны стали чувствовать всѣ, но какой перемѣны? Патроны, Братства и Митрополитъ усматривали ему перемѣну, вслѣдъ за Патріархомъ, въ исправленіи зла Западно-Русской Церкви по каноническимъ правиламъ и Литовско-Польскимъ гражданскимъ законамъ; но Іезуиты позаботились указать другое

средство къ улучшенію дѣлъ. Никто изъ современниковъ не оставилъ намъ этого Іезуитскаго поученія Православнымъ. Но мы имѣемъ одинъ очень важный, въ этомъ отношеніи, памятникъ, именно, разговоръ Кирилла Терлецкаго съ Поцѣемъ у знаменитаго поборника и друга Іезуитовъ, Латинскаго, Луцкаго Епископа, князя Бернарда Малѣёвскаго,—разговоръ, переданный намъ Поцѣемъ и происходившій тогда, когда Терлецкій, побывавъ нѣсколько разъ у Іезуитовъ, принялъ уже Унію (185).—Сопоставляя этотъ памятникъ съ грамотами Сигизмунда III-го къ Западно-Русскому народу (186), съ нѣкоторыми соборными грамотами объ Уніи (187) и съ событіями того времени, мы можемъ воспроизвесть это Іезуитское поученіе Западно-Русской Церкви и народу.—Теперь были выставлены на видъ безуспѣшныя дѣйствія Патріарха въ Западно-Русской Церкви и особенно (подложныя) его грамоты, противорѣчившія одна другой. Проповѣдывалось, что онъ по произволу, несправедливо готовъ лишить каѳедры всякаго Іерарха (188). Этимъ путемъ проводилось въ народъ убѣжденіе, что зависимость Западно-Русской Церкви отъ Патріарха безполезна и даже вредна (189). Но этого убѣжденія для Іезуитовъ было слишкомъ мало,—оно даже могло быть опаснымъ для Уніи, потому что могло привести къ рѣшимости сдѣлать Западно-Русскую Церковь самостоятельною, подобно Восточно-Русской Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить въ Западно-Русскихъ Іерархахъ отвѣтственность за свою Церковь, что для плана Уніи, очевидно, могло быть весьма неудобно.—Поэтому, учрежденіе Братствъ, вполнѣ преданныхъ Патріарху, было представлено съ такой именно

стороны, что они, ослабляя власть Епископовъ и сносясь постоянно съ Патріархомъ, дѣлаютъ безвыходнымъ положеніе Западно-Русскихъ Іерарховъ, если тѣ не соединятся съ Латинянами (190). Въ этомъ соединеніи представлялись на видъ всѣ житейскія и духовныя выгоды,—совершенная безопасность и награды людямъ недостойнымъ и своекорыстнымъ, людямъ благонамереннымъ—богатыя средства защищать Церковь отъ еретиковъ и буйныхъ міряпъ, всѣмъ, вообще, — спокойствіе жизни и совѣсти (191). Убѣжденіе это подкрѣплялось тѣмъ, что обѣ Церкви — Восточная и Западная прежде составляли одно, что Унія неизмѣнитъ Вѣры Православной и что сами Восточные Іерархи непремѣнно соединились бы съ Римомъ, если бы имъ не мѣшали въ этомъ Турки, по политическимъ своимъ видамъ (192).—Нѣтъ никакой надобности представлять Западно-Русскихъ Іерарховъ того времени слишкомъ порочными и пользоваться для этого преувеличенными сужденіями людей ожесточенныхъ противъ нихъ, чтобы представить естественнѣе начало Уніи. Дѣло происходило гораздо проще и болѣе достойно Западно-Русской Церкви. Іерархія и народъ Западно-Русскіе уже два столѣтія пріучаемы были къ союзу съ Латинскою Польшею. Этотъ долговременный путь страданій, стѣсненій, конечно, очищалъ многихъ изъ Православныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приготовлялъ много и такихъ людей, которые чаще и чаще приходили къ мысли положить какимъ нибудь образомъ конецъ этой двухъ вѣковой враждѣ одноплеменныхъ народовъ. Въ настоящее время, эта мысль пробѣгала изъ конца въ конецъ всю Польшу и Литву.

Латиняне хлопотали о соединеніи въ одно всѣхъ разновѣрцевъ; протестанты то и дѣло составляли союзы между собою и не разъ приходили къ мысли какъ нибудь примириться съ Латинянами. Даже лучшіе люди между Православными, какъ напримѣръ Князь Острожскій, признавали, какъ мы видѣли, необходимымъ ближайшее соединеніе Литвы съ Польшею и, хотя съ добрыми для Православной Церкви цѣлями, бесѣдовали съ Папскимъ Легатомъ Поссевиномъ о соединеніи Церквей. Кто можетъ думать, что всѣ эти хлопоты о примиреніи разномыслящихъ въ Литовско-Польскомъ Государствѣ оставались кабинетною тайною и не превращались въ думу народную? Но предположимъ довольно невѣроятное дѣло,—что эту думу имѣли только образованные люди и то не всѣ. Это нисколько не ослабитъ нашихъ мыслей; потому что мы находимъ подкрѣпленіе имъ въ другомъ ряду обстоятельствъ, на которыя очень недавно стали у насъ обращать вниманіе. Эту думу Іезуиты постарались сдѣлать ежедневною и общенародною. Пріѣздъ Патріарха въ Литву, обѣщавшій такъ много добра для Западно-Русской Церкви и такъ много зла для предполагаемой Уніи, былъ какъ бы знакомъ ко всеобщему гоненію на Православныхъ. Многіе буйные вельможи и шляхтичи Православные, потерявшіе уже любовь къ своей Церкви, многіе отступники отъ Православной Вѣры и Латиняне, воспитанные Іезуитами, устремились притѣснять Западно-Русскую Церковь и народъ, какъ бы по королевскому указу и новому долгу совѣсти (193). Путемъ страданій отъ этихъ притѣсненій приходилъ къ мысли объ Уніи и знатный Патронъ

Западно-Русской Церкви и Іерархъ ея и бѣдный міряниnъ и простой Священникъ: только Братства никогда не обольщались этою мыслію; но Братства Западно-Русскія составляли исключеніе не только въ Западно-Русской Церкви, но и во всемъ мірѣ Христіанскомъ.

Кто же прежде всѣхъ высказалъ эту мысль? Очевидно, ее скорѣе всего могли высказать тѣ люди, которые больше другихъ страдали отъ притѣсненій и которые вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли несчастіе придти къ ложному убѣжденію, что новое движеніе въ Западно-Русской Церкви не только не избавитъ ихъ отъ этихъ страданій, но еще болѣе увеличитъ ихъ загрудительное положеніе. Такъ, дѣйствительно и было. Въ настоящее время, по историческимъ памятникамъ оказывается, что первый высказалъ намѣреніе принять Унію несчастнѣйшій Іерархъ того времени Гедеонъ Болобанъ, Епископъ Львовскій (194). Какого рода было это несчастіе—сейчасъ увидимъ.

Гедеонъ, въ мірѣ Григорій, происходилъ изъ дворянскаго рода Галицкой области—Болобановъ. Онъ былъ сынъ Львовскаго же Епископа Арсенія, въ мірѣ Марка, возведеннаго на эту каѳедру въ 1549–55 году. Самъ Гедеонъ утвержденъ былъ на Львовской каѳедрѣ въ 1569 году (195). Молодой Епископъ, получившій каѳедру, какъ-бы по наслѣдству, и окруженный родственниками, смотрѣлъ на нее, какъ на свою неотъемлемую собственность, потому считалъ личною обидою и беззаконіемъ всякое ослабленіе своей власти и малѣйшій ущербъ епископскаго достоянія, а права свои на эту власть и на это достояніе измѣрялъ онъ, какъ увидимъ, далеко не по каноническимъ правиламъ, а потому,

что получилъ ихъ отъ короля и отъ своего отца. Въ послѣдніе годы своей жизни Гедеонъ измѣнилъ эти понятія. Тяжкія испытанія очистили ихъ и сдѣлали Гедеона ревностнымъ и строго Православнымъ Епископомъ. Но до того времени, онъ заплатилъ тяжелую дань своимъ заблужденіямъ, которымъ, какъ нарочно, противопоставлялись постоянныя претыканія. И власть и достояніе Гедеона были предметомъ самаго горячаго спора и чуть ли не домашней войны. По необъяснимому для насъ стеченію обстоятельствъ, Львовскій, Латинскій Епископъ еще въ первой половинѣ XVI столѣтія выхлопоталъ себѣ у короля Сигизмунда II Патронатство надъ Львовскою, Православною Епископіею jus praesentandi et constituendi, т. е. право прежде всего избирать и представлять для посвященія мѣстнаго Православнаго Епископа (196). Нѣтъ нужды говорить, какъ тяжело и ненавистно было это право вообще для Православныхъ Галицкой области и въ особенности для ихъ Епископа. Гедеонъ, независимо отъ этого права, получилъ каѳедру Львовскую; но оно не было уничтожено закономъ (197) и при первомъ удобномъ случаѣ обнаружило себя жестокими гоненіями на Православныхъ Галичанъ и ихъ Епископа. Случай этотъ—былъ введеніе новаго календаря (198). Но Гедеонъ не думалъ признавать незаконныхъ требованій незаконнаго Патрона и вступилъ въ борьбу съ Латинскимъ Епископомъ. Православные съ горячимъ усердіемъ поддерживали своего Іерарха. Начатый процессъ грозилъ Латинскому Епископу дурными послѣдствіями и, вотъ, онъ рѣшился прекратить его, пожертвовавъ незаконнымъ правомъ. Въ 1585 году устроена была

на этомъ основаніи мировая между нимъ и Гедеономъ (199). Гедеонъ такимъ образомъ, казалось, прекрасно устроилъ свои дѣла. Но онъ тогда же увидѣлъ передъ собою новыхъ враговъ, съ которыми цѣлыхъ десять лѣтъ никакъ не могъ примириться,— мы разумѣемъ Православное Львовское Братство. Въ Галиціи, больше другихъ Литовско-Польскихъ областей страдавшей отъ Латинянъ, мысль о Патронатствѣ надъ Православными церквами явилась очень давно и къ разсматриваемому времени соединила защитниковъ Церкви въ довольно прочное общество. Въ 1586 году Іерусалимскій Патріархъ Іоакимъ благоустроилъ это общество и подчинилъ его вѣдѣнію два монастыря Онуфріевскій въ самомъ Львовѣ и Унѣвскій, недалеко отъ Львова (200). Гедеонъ никакъ не хотѣлъ понять благодѣтельности учрежденія въ его епархіи Братства и немедленно возсталъ противъ него (201). Эта борьба привела его къ тому, что онъ сблизился съ Латинскимъ Епископомъ и уже въ 1588 году изъявилъ ему желаніе принять Унію (202). Между тѣмъ, дальнѣйшія обстоятельства такъ слагались, что Гедеону постоянно представлялись сильныя побужденія вести болѣе упорную борьбу съ Братствомъ и еще болѣе склоняться къ Уніи. Патріархъ Іеремія утвердилъ права Братства и далъ ему особенное преимущество — быть ставропигіальнымъ, а Гедеону грозилъ низложеніемъ за притѣсненія (203). Митрополиту и новопоставленному, Патріаршему Экзарху, Кириллу Терлецкому вмѣнено было въ обязанность наблюдать за Гедеономъ (204). Гедеонъ теперь сталъ во враждебныя отношенія не только къ Львовскому Братству, но

и къ Митрополиту и особенно къ Кириллу, который, какъ Патріаршій Экзархъ, скорѣе другихъ могъ донести Патріарху о притѣсненіяхъ его ставропигіи (205). Между тѣмъ, тогда же въ 1589 или 1590 году появились въ Львовской области Іезуиты, которые распалили ненависть Латинянъ къ Православнымъ и, безъ всякаго сомнѣнія, не преминули напомнить Гедеону, черезъ своего покровителя, Латинскаго Епископа Соликовскаго, объ его давнемъ желаніи принять Унію. Подъ вліяніемъ этихъ внушеній или и независимо отъ нихъ, Гедеонъ потомъ нѣсколько разъ высказывалъ это желаніе (206). Но не было никакого проку отъ этой готовности Гедеона принять Унію. Гедеонъ, какъ видно изъ всѣхъ его дѣйствій, не имѣлъ въ душѣ никакого уваженія къ Уніи, не вѣрилъ нисколько въ ея мнимую святость и смотрѣлъ на нее лишь какъ на средство—выйти изъ затруднительнаго положенія. Да, еслибы онъ и вѣрилъ въ Унію, ему очень трудно было бы принять на себя главное участіе въ этомъ замыслѣ, потому что онъ имѣлъ около себя самыхъ внимательныхъ наблюдателей его дѣйствій—Братство. Намѣреніе Гедеона взялся приводить въ исполненіе другой Епископъ, на котораго Іезуиты не могли не обратить вниманія, какъ на человѣка болѣе опытнаго и въ то время весьма для нихъ опаснаго, —разумѣемъ новопоставленнаго Патріаршаго Экзарха, Кирилла Терлецкаго, Епископа Луцкаго.

При первомъ взглядѣ на событія Уніи, представляется совершенно невѣроятною единодушная рѣшимость этихъ двухъ Епископовъ—принять Унію. Странное, въ самомъ дѣлѣ, явленіе! Сближаются между со-

бою въ замыслѣ на Унію два Епископа—враги Латинянъ, испытавшіе на себѣ все неистовство Іезуитскаго фанатизма?! Сближаются въ замыслѣ на Унію два лучшіе Епископа—одинъ другъ князя Острожскаго, ближайшій Іерархъ къ Патріарху, почтенный отъ него саномъ Экзарха, другой—непреклонно твердый въ Православіи въ самые трудные годы своей жизни (послѣ 1596 года). И что еще страннѣе,—сближаются въ такомъ опасномъ замыслѣ два жестокіе врага другъ друга и цѣлыхъ пять лѣтъ ведутъ дѣло Уніи съ безукоризненною вѣрностію другъ другу?!—Но такъ было дѣйствительно и потому—то Унія и имѣла успѣхъ, что ее принимали такіе люди, отъ которыхъ трудно было ожидать измѣны.

Въ 1589 году, еще во времена пребыванія Патріарха въ самой Литвѣ, между Гедеономъ и Кирилломъ была вражда. Происходила ли она отъ того, что Гедеонъ, павлекшій гнѣвъ Патріарха, увидѣлъ въ Кириллѣ опаснаго для себя человѣка, когда тотъ получилъ санъ Патріаршаго Экзарха, или ее произвели другія причины,—не знаемъ навѣрное; но достовѣрно извѣстно, что она была очень сильна и побудила Гедеона вредить Экзарху.—Въ маѣ 1589 г., Гедеонъ поспѣшилъ за Патріархомъ въ Замостье и представилъ ему съ самой дурной стороны жизнь Кирилла. Патріархъ написалъ грамоту къ Митрополиту Михаилу, въ которой приказывалъ судить Кирилла, и отправилъ ее съ находившимся при немъ, Митрополичьимъ Протонотаріемъ Григоріемъ.—Неосторожный Григорій, проѣзжая черезъ Епархію Кирилла, проговорился о содержаніи грамоты Патріаршей.—Это немедленно передано было

Кириллу. Тогда Экзархъ приказалъ своимъ слугамъ догнать Григорія и отнять грамоту, а самъ поспѣшилъ въ Замостье.—Здѣсь онъ узналъ, что эту непріятность устроилъ ему Гедеонъ (207). Какъ Кириллъ оправдалъ себя,—незнаемъ; но несомнѣнно, что онъ съ блистательнымъ успѣхомъ достигъ этого. Патріархъ написалъ окружную грамоту, въ которой разсказалъ коварство Гедеона противъ Кирилла, признавалъ послѣдняго достойнымъ Епископомъ и снова утвердилъ за нимъ санъ своего Экзарха съ правомъ наблюдать за Епископами и, въ случаѣ ихъ преступленій, наказывать соборно.— Мало того, Патріархъ призналъ въ этой грамотѣ недѣйствительными всѣ свои грамоты противъ Кирилла, если-бы такія оказались, а оказаться они очень могли, потому что Гедеонъ, какъ мы говорили, подбрасывалъ Патріарху въ Замостьѣ для подписи разныя грамоты (208). Вражда между Кирилломъ и Гедеономъ сдѣлалась теперь, повидимому, непримиримою.—Но на дѣлѣ вышло другое.

И блистательное торжество Кирилла и позорное униженіе Гедеона представляли имъ обоимъ одинаково сильныя побужденія къ примиренію другъ съ другомъ. Гедеонъ, осужденный теперь — и не въ первый уже разъ—Патріархомъ и не думавшій однако никогда оставлять въ покоѣ Львовское Братство, очень ясно видѣлъ, что Экзархъ Патріаршій не преминетъ воспользоваться своимъ правомъ наблюдать за Епископами, чтобы вредить ему при первомъ удобномъ случаѣ (209), а Кирилль, ознаменовавшій первый шагъ къ своему торжеству преступленіемъ надъ Протонотаріемъ Григоріемъ, никакъ не могъ думать, что Гедеонъ не обра-

тить на это вниманія, а нельзя было не обратить вниманія на это преступленіе Кирилла. Усердные слуги его, догнавъ Протонотарія Григорія около Ниска, жестоко избили (210) и слухъ объ ихъ разбойничьемъ нападеніи сильно началъ распространяться, о чемъ не могли не донести Кириллу его родственники и друзья Нишской Епархіи (211), Такимъ образомъ, оба Епископа ясно видѣли, что теперь имъ совсѣмъ не время враждовать другъ противъ друга. Между тѣмъ, ихъ характеры, образъ мыслей и обстоятельства представляли имъ совершенно готовыя узы дружбы и, какъ-бы налагали ихъ на этихъ двухъ враговъ, равно убѣжденныхъ уже въ необходимости взаимнаго примиренія. Оба они, при одинаковой предпріимчивости и рѣзкости характеровъ, до страсти заняты были благоустройствомъ своихъ Епископій, по благоустройствомъ не столько по каноническимъ правиламъ — а главнымъ образомъ, какъ своей неотъемлемой собственности, въ которую, по ихъ понятіямъ, никто не долженъ былъ вмѣшиваться (212). Но на этомъ пути оба они, какъ мы видѣли, встрѣчали сильныя преграды и опять совершенно одинаковыя. Гедеонъ былъ стѣсненъ ожесточенными Галицкими Латинянами и Львовскимъ Братствомъ, Кириллъ—еще болѣе жестокимъ Правителемъ города Луцка и самыми буйными мірянами и духовными своей Епархіи — родственниками и друзьями его предмѣстника Красенскаго. — Путешествуя вмѣстѣ вслѣдъ за Патріархомъ, до самыхъ границъ Валахіи, они не могли не присмотрѣться къ этому сходству своихъ взглядовъ и положеній и одна какая нибудь неважная случайность могла уничтожить слабую уже

преграду къ сближенію.—Одно теперь только раздѣляло ихъ: Кириллъ пользовался милостію Патріарха, Гедеонъ постоянно ожидалъ отъ него суда.—Но на возвратномъ ихъ пути отъ Патріарха, случилось обстоятельство, которое уравняло ихъ и въ этомъ отношеніи. Когда разбойничье нападеніе слугъ Кирилла на Протонотарія Григорія сдѣлалось гласнымъ, Брестскій Епископъ Мелетій донесъ Патріарху объ этомъ происшествіи. Патріархъ отправилъ въ Литву своего Архіепископа Діонисія съ правами Экзарха и, не довѣряя теперь Митрополиту, написалъ грамоту къ Мелетію, въ которой приказывалъ Брестскому Епископу судить Кирилла на соборѣ, а для созванія собора послалъ черезъ Діонисія повелѣніе объ этомъ Митрополиту.—Діонисій засталъ Мелетія въ Кіевѣ, вручилъ ему Патріаршую грамоту и затѣмъ отправился къ Митрополиту требовать собора и, между прочимъ, вознагражденія Патріаршихъ убытковъ, понесенныхъ въ Литвѣ. Но Митрополитъ теперь вовсе не расположенъ былъ созывать собора. Онъ, безъ сомнѣнія, зналъ очень хорошо, что соборъ, прежде суда надъ Кирилломъ, заставитъ его самаго удовлетворить просьбѣ Патріарха. Говорятъ, что и Кириллъ просилъ Митрополита не созывать собора. Михаилъ отказалъ Діонисію въ томъ и другомъ требованіи (213).—Неудача явилась и съ другой стороны. Мелетій, возвращаясь изъ Кіева, встрѣтился съ Кирилломъ и съ добродушною откровенностію далъ ему понять угрожающую опасность. Кириллъ скрылъ свое смущеніе и послѣдовалъ за Мелетіемъ. Во Владимірѣ, говорятъ, онъ похитилъ Патріаршую грамоту у добродушнаго и слабаго старика—Ме-

летія и пригласивъ его за тѣмъ въ близлежащее свое имѣніе, продержалъ здѣсь, пока Діонисій не уѣхалъ отъ Митрополита ни съ чѣмъ (214).

Но невозможно было, Кириллу послѣ этого, спокойно возвратиться къ своимъ обычнымъ дѣламъ—преслѣдованію неуживчивыхъ родственниковъ и друзей Красенскаго и къ борьбѣ съ Правителемъ города Луцка.—Поступокъ съ Григоріемъ, сдѣлавшійся, безъ сомнѣнія, извѣстнымъ Митрополиту и отъ самаго Григорія и отъ Діонисія, побуждалъ Кирилла переговорить съ Митрополитомъ и онъ, дѣйствительно, поспѣшилъ къ нему. Прибылъ къ Михаилу также и Гедеонъ, которому Львовское Братство нанесло новый ударъ, выхлопотавъ у Патріарха снова подтвержденіе своихъ правъ и зависимость въ духовныхъ дѣлахъ отъ Митрополита а не отъ Гедеона (215). Здѣсь то Кириллъ и Гедеонъ явились уже искренними друзьями.—Такъ какъ по навѣту Гедеона выдана была та грамота Патріарха противъ Кирилла, за которую слуги Экзарха избили несчастнаго Григорія, то Гедеонъ счелъ своею обязанностію помочь Экзарху уладить это щекотливое дѣло и, вотъ, они вмѣстѣ задобрили Григорія, обѣщавъ ему доставить современемъ Епископскую каѳедру (216). Сань Кирилла, какъ Экзарха, и особенно дружба съ княземъ Острожскимъ служили Григорію ручательствомъ, что ходатайство Кирилла передъ королемъ и соборомъ не будетъ безъуспѣшно.—Участвовалъ ли въ этомъ примиреніи самъ Митрополитъ? Очень можетъ быть. Предъубѣжденный тоже противъ Патріарха, онъ не имѣлъ желанія строго исполнять его приказанія. Съ другой стороны, Кириллъ могъ

представить ему, что Григорію нанесены побои безъ его распоряженія.—Но неужели однимъ только замиреніемъ Григорія ограничилось свиданіе этихъ трехъ Іерарховъ, почти одинаково теперь предубѣжденныхъ противъ Патріарха? Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ! Всѣ они, конечно, не стѣснялись подѣлиться теперь своими неудовольствіями противъ Іереміи. Но отъ личныхъ своихъ отношеній къ Патріарху, они не могли не перейти къ разсужденію объ его дѣлахъ, касавшихся всей Западно-Русской Церкви. Патріархъ слишкомъ много вызвалъ вопросовъ, которые должны были совершенно измѣнить бѣдственное положеніе этой Церкви,—они должны были сдѣлать ее чистою передъ совѣстію ея членовъ и сильною передъ врагами, мы разумѣемъ исправленіе безпорядковъ въ Іерархіи и утвержденіе Братствъ.—Но мы говорили, что для однихъ слишкомъ тяжело было это новое движеніе въ Западно-Русской Церкви, а для другихъ—еще тяжелѣе старое положеніе ея, при этомъ новомъ движеніи. Вотъ, объ чемъ нельзя было не поразмыслить собравшимся теперь Іерархамъ (217). Чѣмъ же они порѣшили? Они рѣшились составить соборъ. Но понятно, что ни Кириллъ, ни Гедеонъ не желали, чтобы соборъ былъ открытый, при участіи міранъ. Они желали составить частный съѣздъ въ Бельзѣ, въ Епархіи Холмской и уговорили Митрополита, пріѣхать къ нимъ (218). Но трудно было уклониться теперь отъ открытаго собора. Міряне давно уже принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ Западно-Русской Церкви. Во время пребыванія Патріарха въ Литвѣ, участіе это обнаружилось въ полной силѣ и какъ бы узаконено было, съ утвержденіемъ Братствъ.

Понимали ли эти міряне необходимость собора и знали ли, что и Патріархъ требуетъ его,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Необходимо даже думать, что они прямо высказали Митрополиту это требованіе и вмѣстѣ съ нимъ рѣшили,—гдѣ и какъ быть собору. Митрополиту не было никакой возможности противиться ихъ требованію.—Но почему бы ему и противиться? Онъ во все время, до самаго начала Уніи былъ въ далекихъ отношеніяхъ къ Епископамъ, какъ человѣкъ, вступившій на Митрополичью каѳедру не изъ Епископовъ и не при ихъ содѣйствіи, а по старанію Патроновъ. Въ настоящее время, онъ не имѣлъ другого побужденія сочувствовать личнымъ расчетамъ Епископовъ, кромѣ общаго съ ними предубѣжденія противъ Патріарха.—Но, вѣроятно, и это предубѣжденіе было не очень сильно.—Митрополитъ измѣнилъ прежнее свое рѣшеніе о соборѣ и, вмѣсто Бельзы, назначилъ соборъ въ Брестѣ, на который получили приглашеніе и многіе знаменитые міряне (219).

Какъ же приняли это извѣстіе Кириллъ и Гедеонъ, которымъ открытый, торжественный соборъ не могъ обѣщать ничего добраго? Они затаили въ себѣ ненависть къ міранамъ—поборникамъ Западно-Русской Церкви—и къ Патріарху, давшему имъ новую силу, и, не смотря на новое рѣшеніе Митрополита о соборѣ, собрались въ Бельзѣ. Къ нимъ присоединились еще два Епископа, которые еще менѣе ихъ ожидали себѣ добра отъ открытаго торжественнаго собора, при участіи міранъ,—это Пинскій Епископъ Леонтій Пельчинскій и Хелмскій Діонисій Збирунскій (220). Они также замѣчательно были похожи другъ на друга, какъ Кириллъ и

Гедеонъ.—Оба они были представителями тѣхъ недостойныхъ людей въ Западно-Русской Іерархіи, которые вовсе не уважали и не исполняли церковныхъ правилъ, касательно чистоты жизни духовенства. Оба они, возведенные въ санъ Епископскій изъ женатыхъ мірянъ, не думали оставлять семейной жизни и жили съ своими женами (221), увлекшись, вѣроятно, ученіемъ Протестантовъ, которые производили этотъ соблазнъ въ Латинской-Литовской Церкви.—Обличенія Патріарха противъ подобнаго беззаконія, раздававшіяся теперь изъ устъ лучшихъ людей Западно-Русской Церкви, сильно встревожили ихъ беззаботную жизнь и они поспѣшили соединиться съ Кирилломъ и Гедеономъ, въ которыхъ могли найти непритворное сочувствіе своему недовольству къ новому порядку вещей и—вмѣстѣ съ ними принять какое нибудь рѣшеніе для обезпеченія себя въ будущемъ.

Какое же именно рѣшеніе приняли всѣ эти четыре Епископа, собравшіеся въ Бельзѣ въ 1590 году, гораздо раньше Брестскаго Собора того-же года? — Въ соборной грамотѣ этого послѣдняго собора, т. е. Брестскаго 1590 года, утверждается постановленіе Епископовъ, «списавшихся» (222) въ Бельзѣ; но не говорится, какое это постановленіе. Сличая эту соборную грамоту (223) съ протестаціею Гедеона 1595 года противъ Кирилла, (224) открываемъ слѣдующее. Въ соборной грамотѣ упоминается о неслыханныхъ преслѣдованіяхъ Церкви, но не дѣлается никакого постановленія противъ этого зла; между тѣмъ, Гедеонъ въ указанной протестаціи говоритъ, что тогда сдѣлано было такое постановленіе, именно,—постановлено жаловаться королю

на страданія Православной Церкви. Слѣдовательно, можно думать, что Епископы, собравшіеся въ Бельзѣ, представили собору это именно постановленіе, — жаловаться королю на страданія Церкви, чего собору нельзя было не одобрить, но не слѣдовало оглашать прежде времени изъ опасенія, чтобы Латиняне, преслѣдовавшіе Церковь, не устроили какихъ нибудь козней при дворѣ Сигизмунда. Это предположеніе получаетъ значеніе неоспоримаго факта, при слѣдующемъ соображеніи. Гедеонъ говоритъ въ своей протестаціи, что на Брестскомъ соборѣ 1590 года *всѣ* постановили жаловаться королю; но каждаго поразитъ одна странность въ его протестаціи. Онъ поименовываетъ при этомъ *только* Кирилла, себя, Леонтія и Діонисія и явно даетъ понять, что *эти только* Епископы дали бланкеты, на которыхъ Кириллу поручено было написать жалобу королю, а онъ, вмѣсто ее, написалъ грамоту на Унію. Мы имѣемъ эту грамоту и въ ней, дѣйствительно, нѣтъ подписи ни Митрополита, ни Мелетія Брестскаго, несомнѣнно присутствовавшихъ на соборѣ 1590–го года и подписавшихся на соборной грамотѣ, а есть только подписи Кирилла, Гедеона, Леонтія и Діонисія. Почему же не всѣ дали Кириллу бланкеты, а только эти Епископы, когда вопросъ, о страданіи Церкви былъ общій и вызванъ былъ мірянами, слѣдовательно, при нихъ же и былъ бы рѣшенъ, если бы его тогда рѣшили окончательно? Ничѣмъ другимъ этого нельзя объяснить, какъ только тѣмъ, что бланкеты, о которыхъ говоритъ Гедеонъ въ первый разъ въ своей протестаціи, даны были прежде собора, именно въ Бельзѣ, (225), иначе

они и вовсе не были бы даны, потому что трудно предположить, чтобы соборъ не позаботился самъ написать жалобу королю, а предоставилъ составленіе ея Кириллу (226). И мы дѣйствительно увидимъ, что Митрополитъ составилъ и послалъ къ королю такую грамоту отъ лица всѣхъ Епископовъ, только не теперь, а въ слѣдующемъ, 1591 году. Теперь же соборъ только одобрилъ намѣреніе Епископовъ, «списавшихся» въ Бельзѣ, но не сдѣлалъ никакого общаго и окончательнаго рѣшенія. Понятно, почему Гедеонъ не отнесъ этого дѣла къ Брестскому собору 1591 года. Онъ не былъ на этомъ соборѣ, какъ и на послѣдующихъ до 1596 года (227). Понятно далѣе, почему Гедеонъ не упомянулъ въ своей протестаціи о Бельзскомъ совѣщаніи. Ему въ этой же протестаціи приходилось говорить о выдачѣ бланкетовъ еще на одномъ частномъ и малоизвѣстномъ совѣщаніи Епископовъ — въ 1594 году, въ Сокалѣ (228): два частныя совѣщанія и двукратная выдача одинаковыхъ бланкетовъ, — подозрительное однообразіе! — Гедеонъ постарался избѣгнуть его, пріурочивъ все дѣло къ Брестскому собору 1590 года, на которомъ, дѣйствительно, одобрено намѣреніе жаловаться королю, да и самъ Гедеонъ несомнѣнно присутствовалъ на этомъ соборѣ. Но у Гедеона было еще одно побужденіе — умолчать о Бельзскомъ совѣщаніи и отнести все дѣло къ Брестскому собору 1590 года. Справедливо онъ замѣтилъ въ своей протестаціи, что вопросъ о страданіяхъ Церкви отъ Латинянъ былъ поднятъ на этомъ послѣднемъ соборѣ знаменитыми мірянами (229). Дѣйствительно, только они, да еще Митрополитъ, могли искренно заботиться о прекращеніи этихъ страданій *во всей* Западно-Рус-

ской Церкви, а не указанные нами четыре Епископа. Послѣдніе теперь вовсе не думали *о всей* Церкви. Они заботились теперь лишь о *своемъ* собственномъ положеніи, а положеніе это было таково, что никто изъ нихъ не могъ надѣяться выдти изъ него жалобою на страданія за Вѣру, да и какою бы то ни было законною жалобою. Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ какой законной жалобы могли избавиться Леонтій и Діонисій отъ своихъ страданій за недостойную жизнь? А эти-то страданія у нихъ теперь и были главными; страданій за Вѣру отъ Латинянъ у нихъ мы даже вовсе не видимъ. Далѣе, какая законная жалоба могла избавить Гедеона отъ борьбы съ Львовскимъ Братствомъ, а эта борьба и была теперь самою больною стороною жизни Гедеона? Даже Кириллъ, дѣйствительно жестоко страдавшій отъ Латинянина—правителя города Луцка, занятъ былъ теперь не этимъ страданіемъ, а дурными отношеніями своими къ Патріарху и, если справедливо, что онъ постановилъ единодушное рѣшеніе съ тѣми Епископами, которые дали ему бланкеты, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что теперь онъ заботился не о прекращеніи своихъ страданій за Вѣру, а о томъ, чтобы избавиться отъ позора въ кругу своихъ же—Православныхъ. Православные теперь могли очень легко узнать требованіе Патріарха судить Кирилла и потребовать этого на соборѣ, а одна огласка объ этомъ подняла бы на ноги многочисленныхъ враговъ Кирилла и они не замедлили бы употребить всѣ мѣры къ низложенію или къ безславному униженію его. Такимъ образомъ, мы видимъ, что главныя страданія у всѣхъ этихъ Епископовъ,—страданія, о прекращеніи кото-

рыхъ они не могли не подумать прежде всего, не имѣли дѣйствительной связи съ намѣреніемъ Православныхъ жаловаться королю на преслѣдованія Церкви отъ враговъ ея.

Но неужели представленное Епископами Брестскому собору постановленіе—жаловаться королю на притѣснителей—было лишь коварнымъ прикрытіемъ тайныхъ ихъ совѣщаній въ Бельзѣ? Дѣйствительно, оно было самымъ коварнымъ прикрытіемъ настоящихъ намѣреній этихъ Епископовъ; но неоспоримо также и то, что у нихъ была мысль жаловаться королю. Они рѣшились представить королю жалобу, но не на Латинянъ, какъ говоритъ Гедеонъ, а на своихъ же—Православныхъ, которые теперь были для нихъ гораздо болѣе опасными врагами, чѣмъ Латиняне. Въ самомъ дѣлѣ, у Леонтія и Діонисія главными врагами были свои—обличители ихъ недостойной жизни, у Гедеона свои же—члены Львовскаго Братства, у Кирилла тоже первыми поджигателями его вражды съ правителемъ города Луцка и первыми распространителями дурныхъ объ немъ слуховъ были свои,—родственники и друзья Красенскаго. Всѣ эти враги четырехъ Епископовъ объединялись у нихъ подъ именемъ мірянъ, вмѣшивавшихся въ дѣла Церковныя (230), а кто больше всѣхъ и чаще всѣхъ вмѣшивался въ эти дѣла, тѣмъ или другимъ образомъ? Патроны Православной Церкви, какъ отдѣльные ея члены и какъ цѣлыя общества,—Братства,—которые теперь уже покрывали густою и непрерывною сѣтью почти все пространство Западно-Русской Церкви и своимъ сочувствіемъ и ревностію къ исполненію всякаго распоряженія Патріарха грозили всѣмъ этимъ

Епископамъ большою опасностію. Вотъ, на что рѣшились жаловаться королю Епископы, собравшіеся въ Бельзѣ и на что охотно дали Кириллу бланкеты!— Въ этомъ смыслѣ, показаніе Гедеона о бланкетахъ совершенно справедливо, но каждому очевидно, что оно не очень лестно для Гедеона. Оно открываетъ намъ составившееся тогда противодѣйствіе сильному развитію Православнаго, Литовскаго Патроната.—Чтобы понять характеръ и значеніе этого противодѣйствія, стоитъ только обратить вниманіе на то, какія побужденія въ немъ сосредоточивались. Въ этомъ противодѣйствіи Православному, Литовскому Патронату, какъ показываетъ исторія Уніи, сходились и завязывались самыя разнообразныя нити—шаткость вѣры, порочность жизни, страхъ суда, неудовольствія противъ Патріарха, честолюбіе и жажда выгодъ. Но таже исторія показываетъ, что какъ скоро завязывался этотъ узелъ, то всегда послѣднею и самою крѣпкою его нитью являлась Унія, которою Іезуиты весьма искусно умѣли переплетать всѣ указанныя нами нити этого узла,—а теперь они имѣли весьма удобный случай и возможность вплести эту нить.—Два главные члена Бельзскаго совѣщанія—Кириллъ и Гедеонъ имѣли сношенія съ двумя знаменитыми поборниками Іезуитовъ,—Кириллъ съ Луцкимъ Латинскимъ Епископомъ Манѣёвскимъ, Гедеонъ съ Львовскимъ Латинскимъ Епископомъ Соликовскимъ, какъ о Гедеонѣ говорили Униты, что онъ высказывалъ свое желаніе принять Унію—Соликовскому (231), такъ и о Кириллѣ извѣстно, что его руководителемъ въ этомъ же дѣлѣ былъ Манѣёвскій (232).— Вотъ, объ чемъ собравшіеся въ Бельзѣ Епископы со-

вѣщались, по нашему мнѣнію, въ тоже самое время, какъ рѣшались жаловаться королю на вмѣшательство въ ихъ дѣла Православныхъ мірянъ.—И невозможно думать, чтобы они раздѣляли эти два дѣла.—Мы видѣли, что имъ нужна была не защита закона, потому что она была или невозможна, какъ для Гедеона, Леонтія и Діонисія, или — безполезна, какъ для Кирилла. Имъ нужна была милость короля и Латинянъ,—милость, которая бы поставила ихъ въ совершенно новое положеніе, потому что настоящее положеніе казалось имъ неисправимымъ, а какою Православною заслугою могли они пріобрѣсть такую милость у Іезуитскаго короля и Іезуитскаго Правительства? Вынуждаемся сказать, что никакою. Только замыслъ—принять Унію могъ доставить имъ эту милость.—Но едва ли нужно доказывать, что Епископы, «списавшіеся» въ Бельзѣ, скрыли передъ соборомъ Брестскимъ послѣднее свое рѣшеніе (замыслъ на Унію), а первое намѣреніе (жаловаться на Патроновъ) представили собору въ видѣ постановленія жаловаться на дѣйствительныя страданія всей Церкви, почему соборъ и одобрилъ такое постановленіе.

Но коварные жалобщики, одушевленные, повидимому, такимъ искреннимъ усердіемъ къ благу Церкви, проговорились на Брестскомъ соборѣ 1590 года. Занятые не дѣйствительными страданіями Церкви, а лишь своими,—отъ новаго движенія въ ней, съ которымъ никакъ не могли ужиться, они высказали всю свою досаду на Патріарха (233), который узаконилъ и освятилъ это движеніе,—разумѣемъ Братства и стремленіе исправить безпорядки въ Іерархіи.—Говорятъ, теперь

даже высказана была кѣмъ—то изъ нихъ мысль, что лучше бы подчиниться Папѣ (234). Но эти козни не имѣли теперь никакого вліянія на дѣйствія собора. Власть Патріарха и честь его въ Западно-Русской Церкви были оставлены неприкосновенными и рѣшено привести въ исполненіе всѣ его распоряженія.—Соборъ обязалъ всѣхъ членовъ внимательно наблюдать и искоренять всякое зло въ Церкви и сдѣлалъ не мало частныхъ постановленій по этому предмету.—Для прочнаго же успѣха въ этомъ дѣлѣ рѣшено, по мысли Патріарха, составлять соборъ ежегодно всѣмъ Іерархамъ съ лучшимъ духовенствомъ, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности за уклоненіе отъ этой обязанности (235).—Предположимъ, что всѣ эти постановленія приведены были бы въ исполненіе,—каково было бы положеніе Епископовъ, «списавшихся» въ Бельзѣ? Леонтій и Діонисій, на которыхъ теперь почти явно указывали (236), были бы осуждены за дурную жизнь. Гедеонъ подвергся бы тому же за борьбу съ Львовскимъ Братствомъ, борьбу, которую по справедливости можно назвать войною.—Одинъ Кириллъ, повидимому, выигрывалъ бы этимъ путемъ свою неразрѣшимую тяжбу съ родственниками Красенскаго. Но былъ ли бы и онъ свободенъ отъ разныхъ обличеній, которыя такъ ревностно разсѣвали его враги и въ числѣ которыхъ не могло же не быть чего-нибудь вѣрнаго, какъ напримѣръ, дѣло съ Протонотаріемъ Григоріемъ? Но главное, могъ ли Кириллъ посредствомъ этихъ распоряженій собора усмирить своего врага—правителя города Луцка? Не думаемъ; а если такъ, то у него не было побужденій радоваться этимъ распоряженіямъ. Не ожи-

дая отъ нихъ вѣрной пользы, онъ могъ ожидать вѣроятнаго вреда. — Завязанныя же спошенія по дѣлу Уніи съ Епископами, которымъ грозила бѣда и которые всегда могли его выдать, еще болѣе склоняли его къ послѣднему предположенію. Наконецъ, досада на Патріарха и на Патроновъ окончательно удерживала его на сторонѣ указанныхъ Епископовъ. — Словомъ, рѣшенія собора Брестскаго 1590 г. еще болѣе усилили въ Епископахъ, «списавшихся» въ Бельзѣ, побужденія приступить къ Уніи. Но едвали можно думать, что теперь, именно на самомъ Брестскомъ соборѣ, Кириллъ составилъ грамоту къ королю объ Уніи. До сихъ поръ, мы не видѣли, чтобы у Кирилла были рѣшительныя причины взяться за Унію съ тѣмъ усердіемъ, какое онъ показывалъ во все послѣдующее время. Скорѣе можно думать, что до сихъ поръ, онъ дѣйствовалъ болѣе по внушенію и просьбѣ другихъ Епископовъ, чѣмъ по своимъ, собственнымъ побужденіямъ. Но, вотъ, мы сейчасъ увидимъ, что возбудило въ Кириллѣ это горячее усердіе къ Уніи.

Густынская лѣтопись говоритъ, что Кириллъ, послѣ собора поспѣшилъ съ бланкетами къ Луцкому, Латинскому Епископу, Мацѣёвскому (237). Какое они дѣлали совѣщаніе и чѣмъ рѣшили, — не знаемъ; но извѣстно, что послѣ Брестскаго собора 1590 г., Кириллъ ѣздилъ въ Сандомиръ, по однимъ извѣстіямъ — подавать королю жалобу (238), по другимъ — для излеченія (239). — Очень можетъ быть, что теперь же онъ рѣшился переговорить съ Іезуитами и счелъ нужнымъ устранить подозрѣніе Православныхъ, распустивъ слухъ, что ѣдетъ лечиться, но не теперь (1590 г.) онъ представилъ ко-

ролю свою грамоту (240).—Между тѣмъ, въ положеніи Епископовъ, «списавшихся» въ Бельзѣ, измѣнилось многое. Леонтій и Діонисій испытывали теперь горькія слѣдствія обличеній на соборѣ нечистой жизни духовенства: слухъ объ ихъ жизни разносился далѣе и далѣе (241). Гедеонъ приступилъ снова къ военнымъ, такъ сказать, дѣйствіямъ противъ Братства и подвергся за это преслѣдованіямъ отъ Митрополита (242). Наконецъ, въ жизни Кирилла случились два обстоятельства, имѣвшія рѣшительное вліяніе на всѣ его послѣдующія дѣйствія. Войскій Луцкій, Жданъ Броневскій расхитилъ имущество Кирилла, во время его отсутствія, и когда Кириллъ пожаловался на это князю Острожскому, то Броневскій такъ искусно оклеветалъ его передъ княземъ, что князь поссорилъ и совершенно измѣнилъ свои отношенія къ Кириллу (243). Порвалась теперь послѣдняя связь, удерживавшая Кирилла отъ Уніи! Но вскорѣ затѣмъ, явилось и сильнѣйшее побужденіе поспѣшить къ ней. — Въ слѣдующемъ 1591 году, въ праздникъ Пасхи, правитель города Луцка запретилъ Православное служеніе въ замкѣ, заключилъ самаго Кирилла и держалъ его два дня почти безъ пищи, неистовствуя въ тоже время надъ церковною святынею и Православными Христіанами, которые собирались у воротъ замка, ожидая своего Епископа и Богослуженія.—Кириллъ началъ процессъ съ своимъ мучителемъ, но процессъ не принесъ никакой пользы (244). Мы думаемъ, что теперь для Кирилла положеніе Православнаго Епископа было невыносимымъ и что у него уже готово было рѣшеніе оставить навсегда это невыносимое положеніе.

Между тѣмъ, наступило время собора 1591 г. Міряне по прежнему явились на этотъ соборъ, но уже не одни знатные Патроны. Къ этому времени и Братства выхлопотали дозволеніе являться на соборы Западно-Русской Церкви. При участіи этихъ новыхъ членовъ, на соборѣ съ поразительною ясностію раскрыто было все зло, коренившееся въ Церкви. Соборъ пришелъ въ ужасъ, взглянувъ на открытыя язвы ея. Смятеніе было такъ велико, что перѣшились врачевать этихъ язвъ прямо, т. е. низложеніемъ всѣхъ недостойныхъ лицъ въ Іерархіи (245). Но была другая, болѣе важная причина этой недѣятельности собора. У Западно-Русской Церкви мало было силъ, чтобы врачевать это зло. И, вотъ, соборъ рѣшился принять прежде всего мѣры къ тому, чтобы упрочить власть Церкви для исправленія зла.—Патроны и Братства, смутившіе такъ сильно Іерархію указаніемъ на ея язвы, подали ей теперь оружіе и противъ себя.—Участіе мірянъ въ дѣлахъ Церкви, въ настоящее время, быстро развивалось и усиливалось. Естественно, что не вездѣ и не всегда оно удерживалось въ должныхъ границахъ. Злые люди между самими Православными и особенно Латиняне воспользовались этимъ направленіемъ общества и самовластно распоряжались дѣлами и лицами духовными. Вотъ, противъ этого—то зла соборъ рѣшился теперь жаловаться королю (246).—Очевидное дѣло, что соборъ имѣлъ въ виду дѣйствительныя злоупотребленія мірянъ; но понятно, какъ легко было смѣшать ихъ съ участіемъ въ дѣлахъ Церкви всѣхъ вообще мірянъ, съ участіемъ Патроновъ и Братствъ. Кириллъ былъ на этомъ соборѣ и едвали не по

его внушеніямъ соборъ окончательно постановилъ жаловаться на буйныхъ и самовольныхъ мірянъ. Очень вѣроятно также, что ему же поручено было и представить эту жалобу: но никакъ нельзя думать, чтобы этой жалобы не написали теперь же, а дали Кириллу только бланкеты (247). Такимъ образомъ, мы видимъ что по странному стеченію обстоятельствъ Православный соборъ очень близко сошелся съ рѣшеніемъ Епископовъ, собиравшихся въ Бельзѣ —Для нихъ не могло быть болѣе удобнаго времени воспользоваться этимъ.

Въ томъ же 1591 году Кириллъ составилъ грамоту на Унію съ подписями: своею, Гедеона, Леонтія и Діонисія. Написалъ ли Кириллъ эту грамоту на бланкетахъ, данныхъ ему еще въ Бельзѣ, или составилъ ее при новомъ свиданіи съ Гедеономъ, Леонтіемъ и Діонисіемъ, это можетъ быть предметомъ развѣ самаго безполезнаго спора; потому что, не смотря на всѣ протестаціи Гедеона, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Кириллъ велъ дѣло Уніи не безъ участія всѣхъ указанныхъ Епископовъ. Особенно въ настоящее время, когда положеніе его и безъ того было слишкомъ опасное, онъ никакъ не осмѣлился бы ввести обманомъ кого–либо изъ Епископовъ въ такое трудное и опасное дѣло, какъ Унія. Никто изъ современниковъ Кирилла между Православными не зналъ достовѣрно, какъ происходили совѣщанія объ Уніи, кто первый высказалъ эту мысль рѣшительно, кто особенно желалъ Уніи; но всѣ потомъ достовѣрно узнали, что Кириллъ первый взялся приводить въ исполненіе этотъ замыслъ и, вотъ, они на него прежде всего излили все свое негодованіе и такъ легко вѣри-

ли слухамъ, что онъ одинъ началъ дѣло Уніи, а родственники и друзья предмѣстника Кириллова, Іоны Красенскаго, увидѣвшіе у Кирилла новое оружіе противъ нихъ, теперь-то и воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы порасказать объ немъ разныя преступленія, при взглядѣ на которыя васъ невольно поражаетъ усиленный наборъ ихъ. Между тѣмъ, писатели объ Уніи приняли слѣдствіе за причину и до невѣроятности запутали этимъ весь ходъ событій Уніи. Вотъ, что́ налагаетъ на изслѣдователя Уніи обязанность провѣрять самою строгою критикою всѣ извѣстія о Кириллѣ и обращать на нихъ вездѣ самое осторожное вниманіе.

Въ составленной теперь Кирилломъ грамотѣ Епископы выражаютъ королю свое желаніе принять Унію, если имъ оставлены будутъ неприкосновенными обряды ихъ Церкви и если король обезпечитъ ихъ правами и преимуществами. Вести переговоры по этому дѣлу въ грамотѣ предоставляется старшему брату Епископовъ— Кириллу (248). Король прежде всего издалъ универсалъ, которымъ запрещалъ всѣмъ чинамъ Литовскаго Княжества самовольно распоряжаться дѣлами и лицами духовными, т. е. онъ далъ отвѣтъ на грамоту Митрополита, (249), а черезъ два мѣсяца съ небольшимъ,— привилей на имя Епископовъ, приславшихъ грамоту объ Уніи. Въ этомъ привилеѣ Сигизмундъ благодаритъ Епископовъ за доброе дѣло, даетъ имъ разныя преимущества, не упоминая, однако, ни слова о сенаторскихъ мѣстахъ, и увѣряетъ, что будетъ защищать ихъ отъ всякой опасности (250). Въ грамотѣ, между прочимъ, говорится, что всѣ изложенныя преимущества будутъ предоставлены всякому, кто подпишется на Унію.

Это заставляетъ думать, что Кириллу поручено было склонять къ Уніи и другихъ Іерарховъ. Къ этому, впрочемъ, обязывало Кирилла и самое дѣло и личныя выгоды. Время, повидимому, было самое благопріятное для проповѣдническихъ объ Уніи трудовъ. Кириллъ совершенно устроилъ свои дѣла, примирился съ своимъ врагомъ—правителемъ города Луцка (251) и спокойно могъ заняться дѣломъ Уніи. Между тѣмъ, во всей Западно-Русской Церкви происходило волненіе, отъ котораго приходили въ смущеніе самые ревностные поборники ея, а подобное смущеніе было дорогою находкою для проповѣдниковъ Уніи.

Каждый Соборъ послѣ 1590 года приходилъ къ убѣжденію, что Церковь Западно-Русская исполнена *зловѣрія* и *злохеланія*. Злые нравы укоренились въ домахъ приходскихъ Священниковъ и въ монастыряхъ и тѣмъ труднѣе было искоренять ихъ, что нѣкоторые изъ Іерарховъ подавали самый дурной примѣръ своей паствѣ, на что̀ указывали собору тѣ самые духовные, отъ которыхъ соборъ требовалъ исправленія жизни. Соблазнъ, такимъ образомъ, становился и побужденіемъ и препятствіемъ къ исправленію зла. Но зло, какъ это всегда бываетъ, не ограничивается однимъ соблазномъ. Дурные, упорные нравы Духовенства обнаруживались разнообразными внѣшними безпорядками, разрушавшими благоустроенство и миръ Церкви. Недостойные Епископы, Архимандриты и Священники расхищали достояніе Церкви, раздавая его своимъ родственникамъ и друзьямъ, какъ свою собственность. Это еще болѣе внушало смѣлости недостойнымъ міранамъ расхищать Церковныя имущества и притѣснять духовенство. Жалобы

на буйство всякаго рода приходили къ Митрополиту со всѣхъ сторонъ. Но что могъ сдѣлать этотъ Митрополитъ, недавно вступившій на свою каѳедру и поставленный въ кругу такихъ Епископовъ, которые, по его собственному признанію, не обращали на его распоряженія никакого вниманія? Всѣ созываемые имъ Соборы оказывались безполезными. Львовское Братство, въ своемъ посланіи къ Патріарху отъ того времени, отзываясь съ честію о Митрополитѣ, высказываетъ прямо, что всѣ соборы ничего не могли сдѣлать для блага Западно-Русской Церкви (252). Вотъ, обстоятельства, среди которыхъ предстояло Кириллу пріобрѣтать послѣдователей для Уніи. Повидимому, его проповѣдь объ Уніи должна была бы сопровождаться теперь самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Но по одной изъ тѣхъ загадочныхъ странностей, которыми полна исторія Уніи и которыя, дѣйствительно, неразрѣшимы при легкомъ взглядѣ на ея событія, Кириллъ и его единомышленники ничего не дѣлаютъ цѣлыхъ два года! Но неужели они стали такъ равнодушны къ Уніи? Или ихъ руководители—Іезуиты отложили планъ Уніи до другого времени? Дѣйствительно, Іезуиты должны были теперь отвлечь свое вниманіе отъ Уніи. Противъ нихъ въ Польшѣ и Литвѣ поднялось грозное волненіе. Сеймы оглашались криками противъ нихъ. Имя—народной язвы—сдѣлалось обыкновеннымъ названіемъ Іезуитовъ и лучшія люди того времени серіозно совѣтовали Польскому Правительству выгнать ихъ изъ Литовско-Польскаго Государства (253). Все это, говоримъ, дѣйствительно, не могло не отвлекать Іезуитовъ отъ Уніи. Но не эта одна причина замедлила дѣло Уніи.

Въ тоже самое время и въ Литвѣ, въ кругу Православныхъ поднялась противъ Уніи гроза и «списавшимся» на Унію Епископамъ пришлось сильно призадуматься и недовѣрять никакимъ обѣщаніямъ и обезпеченіямъ короля, пока они будутъ дѣйствовать одни. Митрополитъ рѣшительно сталъ покровительствовать Братствамъ и подвергъ одного изъ подписавшихся на Унію Епископовъ, Гедеона Болобана сильнымъ преслѣдованіямъ за притѣсненія Братства Львовскаго, не предполагая, конечно, что эти преслѣдованія, вполнѣ справедливыя, снова приведутъ Гедеона къ согласію на Унію (254). Почти одновременно съ этимъ, подписавшіеся на Унію получили ударъ, съ новой стороны и гораздо сильнѣе. Братство Львовское, зорко слѣдившее за всѣми дѣлами, узнало о спискѣ на Унію Епископовъ, не узнавъ, впрочемъ, —кто именно «списался,» и немедленно донесло объ этомъ Константинопольскому Патріарху (255). Оно перечисляло при этомъ всѣ бѣдствія народа отъ Латинянъ и—самаго Братства отъ нихъ же и отъ Епископа Гедеона и умоляло Патріарха со слезами прислать въ Литву Экзарха (256), Въ 1592 году, уже значительно разнеслась молва объ Уніи въ области Галицкой (257). «Списавшіеся» на Унію теперь больше, чѣмъ когда либо, боялись за свою будущность, потому что, дѣло Уніи не было еще устроено, они необъявили себя Уніятами и оставались въ Православной Церкви, слѣдовательно, подлежали еще полной ея власти и суду. Вотъ, когда, дѣйствительно, «списавшіеся» на Унію боялись суда Патріаршаго, но очевидно, что это — слѣдствіе первой затѣи объ Уніи, а не причина ея, какъ это многіе думаютъ.

Въ довершеніе всего «списавшіеся» на Унію увидѣли, что въ Западно-Русской Церкви являются новые Іерархи—Михаилъ Перемышльскій, Ѳеоѳанилъ Полоцкій (въ 1592 году) (258) и Ипатій Поцѣй (въ 1593 году.) О двухъ первыхъ они еще не знали—будутъ ли это ихъ друзья или враги, а Поцѣй возбудилъ въ главномъ дѣятелѣ — Терлецкомъ опасеніе отнять у него пальму первенства въ будущей Уніятской Церкви.

Такъ неудачна была первая попытка къ Уніи и нѣтъ сомнѣнія, что она стоила большихъ тревогъ для каждаго изъ Епископовъ, приложившихъ къ указанной нами грамотѣ свидѣтельство своей измѣны клятвѣ Архіерейской. Но тяжесть грѣха ихъ пала и на Митрополита, какъ бы, въ наказаніе за его неумѣніе держать ихъ въ своей власти и для новаго испытанія его твердости въ Православіи. Въ народѣ Галицкой области разнеслась молва, что всѣ Епископы и самъ Митрополитъ намѣрены измѣнить Православію. Кто и какъ распространилъ эту молву,—не знаемъ; знаемъ только что подобное же средство употреблено было Іезуитами и противъ Патріарха Іереміи, въ 1589 году, и что слухи эти ходили въ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, откуда Іезуиты, главнымъ образомъ, дѣйствовали во все послѣдующее время до 1596 года и гдѣ они теперь недавно поселились (259). Митрополитъ Михаилъ поручилъ недавно поставленному Епископу Перемышльскому, Михаилу Копыстенскому защищать передъ народомъ его равно какъ и себя, противъ этой клеветы (260). Надобно думать, что здѣсь, особенно при участіи Львовскаго Братства, Митрополитъ успѣлъ разрушить эту клевету, потому что никто потомъ не повторялъ ее до самаго

1595года. Но не остались безъ важныхъ послѣдствій эти, повидимому, совершенно неудачныя попытки къ Уніи и все это волненіе умовъ. Іезуиты теперь убѣдились, что очень невѣренъ успѣхъ Уніи, если дѣйствовать безъ Митрополита. Между тѣмъ, Православный народъ, такъ долго и постоянно волнуемый разными слухами, то о Патріархѣ, то о своихъ Іерархахъ, мало по малу, терялъ любовь къ своей, опозоренной Церкви и, терпя при этомъ еще разнообразныя притѣсненія за любовь къ этой Церкви, нерѣдко приходилъ къ такому заключенію: такъ лучше подчиниться Папѣ и принять Унію (261)!—Львовское Братство поражено было этимъ настроеніемъ умовъ и въ ужасѣ писало объ этомъ Патріарху (262). И не напрасно такъ тревожилось доблестное Братство. Даже лучшіе люди того времени, какъ увидимъ, мало по малу, приходили этимъ путемъ къ Уніи. — Вотъ основа будущихъ событій начала Уніи! — Разовьемъ ее.

Въ 1593–мъ или 1592–мъ году, скончался Брестскій Епископъ Мелетій Хрептовичъ и на мѣсто его поставленъ Игнатій, въ мірѣ — Адамъ Поцѣй. Поцѣи происходилъ изъ знатнаго рода, получилъ обширное образованіе въ Краковской Академіи, служилъ при дворахъ знатныхъ вельможъ и потомъ занималъ самъ важную должность Каштеляна въ Брестѣ (263). Но женѣ, онъ былъ въ родствѣ съ Княземъ Острожскимъ и, какъ увидимъ сейчасъ, пользовался его дружбою. Но всѣ эти преимущества Поцѣя, конечно, еще не дѣлали его достойнымъ Епископскаго сана: по церковнымъ правиламъ онъ даже не могъ быть поставленъ въ Епископа (264). Въ Краковской Академіи, онъ

усвоилъ себѣ убѣжденія Латинянъ, а во время службы при дворахъ вельможъ — протестантовъ, увлекся ученіемъ Лютера (265). — Конечно, передъ поступленіемъ на Епископскую каѳедру, онъ уже опять былъ Православнымъ, но Митрополитъ, вѣроятно, хорошо зналъ жизнь Поцѣя и не соглашался посвятить его въ Епископа. — Имѣли ли теперь Іезуиты сношеніе съ Поцѣемъ и начертили-ли ему теперь планъ Уніи, — мы не имѣемъ свѣдѣній, знаемъ только, что имъ очень нуженъ былъ такой человѣкъ, какъ Поцѣй воспитанникъ и другъ Скарги — и что они очень многаго ожидали отъ него, потому что Сигизмундъ, по чьему бы то ни было ходатайству, приказалъ Митрополиту посвятить Поцѣя въ Епископы, *неотговариваясь ничѣмъ* (266). Митрополитъ исполнилъ волю Короля, а Поцѣй, какъ будто, старался доказать, что опасенія Митрополита совершенно напрасны. Съ первыхъ дней своей новой жизни, онъ обнаружилъ необыкновенную тогда ревность къ Вѣрѣ. Онъ проводилъ время въ изученіи Слова Божія и подвигахъ благочестія (267). Православные полагали въ немъ богатыя надежды (268).—Въ его знатности и связяхъ, въ его образованіи, въ его замѣчательномъ умѣ, твердости характера и строгой нравственности они видѣли прочный залогъ благосостоянія своей Церкви.—Но это былъ волкъ въ овчей кожѣ, какъ сознались потомъ Православные. Однако пока это сознаніе уяснилось, лицемѣрное православіе и благочестіе Поцѣя ввели въ гибельный обманъ не одного изъ Православныхъ.—Первый и больше другихъ заплатилъ эту тяжелую дань лучшій сынъ Западно-Русской Церкви — князь Острожскій Констан-

тишь. Мы намѣрены говорить о сношеніяхъ князя Острожскаго съ Поцѣемъ по дѣлу Уніи, и такъ какъ эти сношенія имѣли весьма важныя послѣдствія въ исторіи Уніи и подвергались самымъ разнообразнымъ толкованіямъ; то считаемъ необходимымъ поближе познакомиться съ ними и прежде всего съ самимъ лицемъ князя Острожскаго.

Князь Константинъ Острожскій—сынъ знаменитаго героя на полѣ брани и покровителя Западно-Русской Церкви—князя Константина Ивановича (269) наслѣдовалъ отъ отца и любовь къ родинѣ и ревность къ Православію; но вмѣстѣ съ тѣмъ, къ сожалѣнію, наслѣдовалъ и его нерасположеніе къ Государству Московскому (270). Желая всегда истиннаго (по его разумѣнію) добра своей родинѣ, онъ однако, подъ вліяніемъ этого нерасположенія къ Россіи, и по указаннымъ нами (стр. 35) видамъ, считалъ необходимымъ для Литвы тѣснѣйшее соединеніе ея съ Польшею; поэтому, на уніонномъ Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, когда многіе изъ Литовскихъ представителей, не желая окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею, противились Люблинской Уніи и даже удалились изъ сейма, князь Острожскій въ числѣ первыхъ подписалъ актъ соединенія (271) и такимъ образомъ допустилъ величайшее зло для Литвы. Но допустивъ окончательное соединеніе Литвы съ Польшею, въ гражданскомъ отношеніи, онъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы отстранить отъ Православнаго народонаселенія Литвы вліяніе Римскаго-Католичества и Протестантства. Мы видѣли, какія, именно, мѣры употреблялъ онъ вмѣстѣ съ другими ревнителями Православной Вѣры, чтобы достигнуть

этой цѣли. И нѣтъ сомнѣнія, что ревность благочестиваго князя, объединявшая собою благія стремленія всей Западно-Русской Церкви, принесла бы богатые плоды, если бы въ Литвѣ не поселились Іезуиты и своимъ вліяніемъ на гражданскія дѣла, на народъ и на самую Западно-Русскую Церковь не положили сильнѣйшихъ преградъ усиліямъ князя и его сотрудниковъ. Глубоко Православный, благочестивый и неутомимо ревностный князь пришелъ, подобно Львовскому Братству, къ тому убѣжденію, что самыя напряженныя его усилія для блага Западно-Русской Церкви сопровождаются постоянными неудачами, что какая то недовѣдомая, враждебная сила прилагаетъ къ нимъ новыя страданія Православному народу и, какъ этотъ бѣдный народъ, утомленный невыносимыми бѣдствіями, такъ и знаменитый князь началъ приходить къ мысли о необходимости Уніи!

Чрезвычайно важно въ исторіи Уніи прослѣдить этотъ переворотъ мыслей въ князѣ и знать его глубокую думу на краю могилы, и видѣть,—какъ въ этой думѣ, отъ начала до конца, выражалась таже несокрушимая любовь къ Вѣрѣ отцевъ, къ Вѣрѣ любимаго имъ и любящаго его народа, хотя неоспоримо и то, что слѣдствія этой думы были гибельны для этой Вѣры и для этого народа, вопреки намѣреніямъ князя.—Человѣкъ, измѣнившій Вѣрѣ князя, родству и дружбѣ съ нимъ, сохранилъ эту исповѣдь князя (272) на позоръ ему, какъ думалъ этотъ человѣкъ—Поцѣй! Мы излагаемъ эту исповѣдь князя, поставляя его мысли въ логическую послѣдовательность и связь съ происходившими тогда событіями, чего самъ князь не дѣлалъ,

потому что писалъ дружеское письмо, а не ученое изложеніе дѣла.

«Народъ Русскій»,—говоритъ князь въ слѣдъ за Львовскимъ Братствомъ,—«терпитъ гоненіе преслѣдованіе, поруганіе и уничиженіе въ порядкахъ, канонахъ и церемоніяхъ и отъ этого сталъ лѣнивъ въ благочестіи и многіе переходятъ въ различныя секты (273).» Размышляя объ этихъ бѣдствіяхъ Западно-Русской Церкви,—бѣдствіяхъ давнихъ и глубоко вкоренившихся, князь не разъ переносился мыслію къ Церкви Восточной, но и тамъ видѣлъ страданія ея отъ невѣрныхъ Турокъ. — Изъ письма князя къ Поцѣю, изъ котораго мы заимствуемъ всѣ эти мысли, вовсе невидно, чтобы онъ при этомъ обращалъ свои взоры на Православную Россію, чего очень естественно было бы ожидать, потому что она не разъ принимала подъ свою защиту Православныхъ Литовцевъ; но не безъизвѣстны были ему страданія Россіи и Церкви въ послѣдніе годы царствованія Іоанна IV.—Все это заставляло его призадумываться надъ страданіями святой соборной и Апостольской Церкви и изыскивать средства, при пособіи которыхъ можно было бы привести Церковь Христову всѣхъ Церквей начальнѣйшую (Православную т. е. въ ея первоначальное состояніе (до перваго своего пункту, цѣлю и клобы), когда еще не было раздѣленія Церквей. Въ этихъ размышленіяхъ князь пришелъ къ мысли о соединеніи Церквей и «не славы ради Богъ вѣсть, но оплакивая паденіе Церкви Христовой и поруганіе ея, ради еретикъ и тѣхъ самыхъ Римлянъ, которые нѣкогда были братьями» Православныхъ, князь «осмѣлился чрезъ своихъ мѣстныхъ духовныхъ

лицъ совѣщаться о нѣкіихъ нужныхъ рѣчахъ Писанія святаго съ папскимъ Легатомъ Поссевиномъ» около 1582 года. Но тогда не было никакого успѣха «Богу не изволившу», какъ выражается князь, «нашея ли ради пользы и блага или зла не вѣмъ. Но теперь сбысться», продолжаетъ князь, «яко годѣ Богу бѣ». Какимъ же образомъ сбылось, откуда видно, что соединеніе Церквей угодно Богу? Князь не говоритъ этого прямо,— потому что обстоятельства и назначеніе письма требовали осторожности (274). Но нельзя не видѣть, что здѣсь разумѣетъ князь. Выше онъ говоритъ, что хотя самъ онъ размышлялъ какимъ бы образомъ привести Церковь Христову въ состояніе до раздѣленія Церквей и хотя у него было постоянно желаніе этого соединенія, «но какъ видно», говоритъ князь «достойная достойными созыдатися и честная честными совершатися обыче и чрезъ годныхъ людей годныя рѣчи справованы бываютъ» (совершаемы, исполняемы). Затѣмъ, описываетъ неудачную бесѣду о соединеніи Церквей съ Поссевиномъ и наконецъ заключаетъ «и тако сбысться, яко годѣ Богу бѣ» и проситъ Поцѣя предложить на разсужденіе собора дѣло Уніи. Очевидно, князь хотѣлъ выразить ту мысль, что соединеніе Церквей могутъ устроить только предстоятели Церквей и ихъ только усилія благословитъ Богъ успѣхомъ. Но такъ какъ теперь нѣкоторые Епископы уже думаютъ объ Уніи, то надобно полагать, разсуждалъ князь, что это угодно Богу. «И тако сбысться, яко годѣ Богу бѣ» конечно князь теперь еще не зналъ, по чьему внушенію и по какимъ побужденіямъ Епископы замышляютъ Унію, какъ это узналъ послѣ, иначе

никогда бы не сказалъ, что это дѣло угодно Богу.— Поэтому и теперь князь «не можетъ оставить этого желанія» (видѣть соединеніе Церквей) и, имѣя намѣреніе вскорѣ отправиться для излеченія въ страны, близкія къ Папѣ, проситъ Поцѣя, какъ своего друга (вельцѣ ласковаго господина и пріятеля) и еще болѣе, какъ достойнаго святителя (паче же служителя теплаго въ любви вѣры Христовой), со всѣмъ усердіемъ приступить къ этому дѣлу и стараться, чтобы на предстоящемъ соборѣ всѣ духовные—Митрополитъ и Епископы—внимательно о томъ разсудили и совѣщевались, нельзя ли положить начала, если не къ соединенію (згодѣ, съѣдиненію), что лучше всего, то, по крайней мѣрѣ, къ улучшенію положенія Православныхъ, а онъ (князь), съ своей стороны, не пощадитъ никакихъ заботъ для этого дѣла. Но какъ бы не довѣряя Западно-Русскимъ Святителямъ, онъ нѣсколько разъ напоминаетъ имъ, чтобы положено было «законное, справедливое начало соединенія, чтобы на соборѣ рѣшено было что нибудь хорошее» и въ заключеніе поручаетъ Поцѣю пригласить къ участію въ этомъ дѣлѣ Іерарховъ Восточныхъ и Московскаго Патріарха.

Что князь Острожскій разумѣлъ подъ Уніею, дѣйствительно, Православное соединеніе Церквей, это видно прежде всего изъ того, что онъ предпринималъ соединеніе съ Латинскою Церковію не одной Западно-Русской Церкви, но всей Восточной. — Самъ Поцѣй засвидѣтельствовалъ намъ, что князь имѣлъ Православный взглядъ на Унію.—Поцѣй, который, конечно, зналъ хорошо настоящій образъ мыслей князя. Желая въ послѣдствіи времени успѣшнѣе подѣйство-

вать на князя и склонить его къ своей Уніи, Поцѣй, въ одномъ письмѣ къ нему, даетъ объ Уніи такое понятіе: «я считаю эту Унію необходимою, но не такую Унію, чтобы намъ совершенно претвориться въ иной видъ, но оставаясь также и исправивъ только нѣкоторыя вещи (рѣчи—отъ Польскаго rzecz—вещь), въ чемъ мы больше упорствовали, нежели держались истины» (275). Очевидно, что Поцѣй старался подладить рѣчь свою подъ образъ мыслей князя и доказать, что принятая имъ (Поцѣемъ) Унія не противорѣчитъ Православію, которое, слѣдовательно, сильно защищалъ князь отъ всякихъ измѣненій въ Уніи, о чемъ, дѣйствительно, мы находимъ свидѣтельство у Поссевина, который писалъ Папѣ, что у князя питается схизма (276). Еще яснѣе и опредѣленнѣе даетъ понятіе о своей Уніи самъ князь, въ отвѣтѣ на приглашеніе къ Уніи Поцѣя Папы Климента VIII-го, въ 1598 году. Я признаю необходимымъ, отвѣчаетъ Папѣ князь, чтобы о соединеніи Церквей судъ произносили Отцы Греческіе, а я, съ своей стороны, готовъ употребить всѣ усилія для достиженія высокой цѣли—соединить обѣ Церкви, но иначе, какъ двѣ дщери одного Господа, не отнимая ни у одной принадлежащей ей чести и славы (277).—Такъ думалъ князь объ Уніи и этимъ взглядомъ проникнуты, дѣйствительно, его условія Уніи, которыя онъ приложилъ къ своему письму къ Поцѣю и просилъ предложить собору на обсужденіе. Они не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго Православію. Сущность ихъ въ первыхъ четырехъ пунктахъ:

1) Мы должны остаться, говоритъ Князь, при всѣхъ обрядахъ (278), какъ содержитъ ихъ Восточная Церковь.

2.) Гг. Римляне не должны обращать нашихъ Церквей въ костелы,

3.) Не должны они принимать въ Католичество Православныхъ, еслибы (даже) кто пожелалъ, а тѣмъ болѣе, не принуждать.

4.) Духовные наши должны быть въ такой же чести, какъ и Римскіе, особенно же стараться, чтобы Митрополитъ и Епископы въ сенатѣ и на сеймахъ имѣли мѣсто.—Все, что мы можемъ сказать не одобрительнаго объ этихъ условіяхъ Уніи князя и обо всей его попыткѣ къ соединенію Церквей—это то, что несчастныя обстоятельства Западно-Русской Церкви, при которыхъ высоко цѣнилось и не такое горячее усердіе къ ея благу, какъ усердіе князя, выдвинули знаменитаго мірянина на слишкомъ высокое мѣсто и побудили его принять въ дѣлахъ Вѣры такое участіе, которое было выше его силъ и внѣ Церковныхъ правилъ.—И это доказало самое дѣло гораздо даже лучше, чѣмъ искреннее сознаніе князя въ его немощи для такого труднаго и неназначеннаго ему Богомъ подвига.

Какъ Поцѣй привелъ въ исполненіе мысли князя объ Уніи,—это мы увидимъ послѣ. Теперь скажемъ лишь, что въ настоящее время онъ затаилъ въ душѣ своей слова князя, не сказалъ объ нихъ никому изъ Западно-Русскихъ Іерарховъ, прибывшихъ тогда уже на соборъ (279), и отвѣтилъ князю словесно, что это дѣло чрезвычайно трудное и что онъ боится взяться за него. — Какъ такъ? Поцѣй — лучшее орудіе Іезуитовъ боится взяться за Унію?! Возможно-ли повѣрить этому?—Дѣйствительно, онъ боялся взяться за ту Унію, которую предлагалъ ему князь Острожскій или,

лучше сказать, онъ не ожидалъ никакой пользы отъ такой Уніи. Возможная и самая лучшая по его убѣжденію Унія, для которой предназначили его Іезуиты, была та, изъ которой устранено было бы участіе Церкви Греческой, Русской (280) и участіе самаго князя; а что, дѣйствительно, удерживало Поцѣя на время и отъ этой послѣдней Уніи, такъ это то, что онъ еще не зналъ теперь навѣрно, кто и какъ «списался» на Унію, и то, что Митрополитъ, по его убѣжденію, былъ сильнымъ противникомъ Латинянъ (281).

Дѣйствительно, Митрополитъ вовсе не участвовалъ въ замыслѣ Уніи и, какъ нельзя лучше, доказывалъ теперь свою ревность къ Церкви неутомимымъ преслѣдованіемъ одного изъ подписавшихся на Унію Епископовъ—Гедеона (282),—правда, не за Унію, а за притѣсненіе Львовскому Братству; но это въ то время было одно и тоже. Защищать Львовское Братство—оплотъ Западно-Русскаго Православія, открывшее недавно Патріарху замыслъ Епископовъ на Унію, о чемъ не могъ не знать Митрополитъ,—значило, говоримъ, тоже самое, что преслѣдовать виновниковъ Уніи и готовить имъ низложеніе.—Но и надъ самимъ Митрополитомъ снова собиралась теперь гроза, еще болѣе страшная, чѣмъ прежняя, отъ ударовъ которой онъ палъ духомъ и вѣрою Православною.

Западно-Русскую Церковь, какъ мы видѣли, волновали зловѣщіе слухи и еще болѣе зловѣщія неурядицы, которые грозили расточить по разнымъ сектамъ Православное стадо, вслѣдъ за нѣкоторыми Архипастырями. Вѣсти обо всемъ этомъ доходили до Константинополя

и Патріархъ Іеремія увидѣлъ, что Западно-Русская Церковь находится теперь въ крайней опасности. Онъ не имѣлъ возможности разобрать и провѣрить всѣ эти извѣстія; но во всѣхъ ихъ для него было совершенно ясно и несомнѣнно одно, — что Западно-Русскій Митрополитъ дурно управляетъ своею Паствою. Дѣйствительно, эта вина падала на Михаила тяжкимъ бременемъ. Теперь въ пять лѣтъ своего правленія (1589—1593), онъ не съумѣлъ подчинить своей власти своевольныхъ Епископовъ и исправить или низложить недостойныхъ, какъ между ними, такъ и въ низшемъ духовенствѣ, не съумѣлъ устроить благочиніе церковное и обезпечить для Православнаго народа безпрепятственное (со стороны духовенства) пользованіе средствами спасенія. — Мы видѣли, какъ трудно и даже невозможно было Митрополиту сдѣлать все это; но онъ не раскрылъ этой трудности, этой невозможности передъ своимъ Патріархомъ, не обратился къ нему за совѣтомъ и этимъ, значитъ, самъ призналъ себя виновнымъ во всемъ, что ни дѣлалось въ его Церкви.—Патріархъ прислалъ Митрополиту грамоту, которою за нерадѣніе о благѣ Западно-Русской Церкви и за потворство злу осуждалъ его на временное запрещеніе (283).—Вмѣстѣ съ тѣмъ или около этого времени, Патріархъ непремѣнно требовалъ низложенія съ Епископской каѳедры Гедеона Болобана (284). Объ эти грамоты вызвали весь остатокъ ревности Михаила Рогозы ко благу Западно-Русской Церкви; но это было послѣднее и самое опасное возбужденіе дѣятельности человѣка, подавленнаго трудностями своего служенія.

Наступило время собора 1594-го года. Митрополитъ своевременно разослалъ пригласительныя грамоты и лучшіе люди Западно-Русской Церкви поспѣшили явиться въ Брестъ. Особенною ревностію отличились Братства. Они едвали не всѣ прислали на соборъ своихъ депутатовъ. Въ грамотѣ соборной упоминаются послы Братствъ — «Виленскаго, Львовскаго, Берестейскаго, Краснославскаго, Гольшанскаго, Городецкаго, Галицкаго, Бѣльскаго и многихъ другихъ» (285). Такое сосредоточеніе лучшихъ силъ Западно-Русской Церкви обѣщало много добрыхъ послѣдствій. Дѣйствительно, теперь ясно обнаружилось, куда направляются эти лучшія силы Западно-Русской Церкви, появившіяся на соборѣ едвали не въ первый разъ въ полномъ своемъ составѣ. Братство Львовское принесло новую жалобу на своего Епископа Гедеона и требовало, чтобы соборъ судилъ его (286). Братство Виленское для устраненія всѣхъ подобныхъ столкновеній Братствъ съ Епископами, предложило, чтобы съ этого времени постоянно былъ въ Литвѣ Экзархъ Патріаршій (287). Всѣ Братства требовали чтобы соборъ точно опредѣлилъ ихъ отношенія къ мѣстнымъ духовнымъ властямъ и узаконилъ обычный кругъ Братскихъ дѣйствій (288). Но лишь только соборъ началъ свои совѣщанія объ этихъ дѣлахъ, какъ Латиняне противопоставили ему сильную преграду. Въ то время, не было въ Литовско-Польскомъ Государствѣ короля Сигизмунда: онъ ѣздилъ въ Швецію, чтобы получить по смерти отца Шведскую корону и соединить ее съ Литовско-Польскою. Латиняне воспользовались этимъ обстоятельствомъ и вооружились противъ Митрополита Михаила

за созваніе собора въ такое необычное время. Краковскій Архіепископъ (примасъ) написалъ къ Михаилу письмо, въ которомъ доказывалъ что, по опредѣленію сейма 1593 г., никто не имѣетъ права составлять съѣздовъ въ отсутствіе короля (289). Вѣроятно, намѣреніе Латинянъ противодѣйствовать Православному собору еще прежде извѣстно было многимъ Епископамъ, потому что почти никто изъ нихъ неприѣхалъ на соборъ. Изъ Іерарховъ на соборѣ были только—Митрополитъ, Ипатій Поцѣй, какъ мѣстный Епископъ Брестской Епархіи, и Кириллъ Терлецкій, прибывшій сюда, какъ сейчасъ увидимъ, для согласованія дѣйствій собора (290). Но Митрополитъ не смутился этою двойною неудачею. Теперь его сильно поддерживали лучшіе люди Западно-Русской Церкви и недавняя строгость Патріарха. Онъ отвѣтилъ примасу, что на основаніи же сейма 1593 г. имѣетъ право рѣшать судныя дѣла и, не обращая вниманія на отсутствіе многихъ Епископовъ, приступилъ къ рѣшенію важнѣйшаго изъ этихъ дѣлъ (291). Разсмотрѣна жалоба Львовскаго Братства на Гедеона Болобана и постановлено лишить святительскаго сана и каѳедры этого неисправимаго Епископа (292). Другія дѣла Братствъ не могли быть теперь рѣшены, потому что они выходили изъ круга дѣлъ судебныхъ. Но соборъ не желалъ оставить ихъ безъ вниманія и изложилъ въ видѣ проэкта, имѣющаго получить утвержденіе на будущемъ соборѣ, слѣдующія постановленія: утверждены всѣ прежнія Братства и запрещено учреждать новыя въ угоду и для славы Епископовъ; духовенство Братское въ ставропигіальныхъ Братствахъ подчинено Митрополиту, а въ другихъ—мѣстнымъ Епископамъ

намъ. Направляя дѣла Братствъ къ истинной пользѣ Церкви, соборъ утвердилъ за ними право имѣть школы, типографіи и проповѣдниковъ, по предупреждая въ тоже время зло, постановилъ, чтобы въ Братскихъ школахъ, типографіяхъ и на каѳедрахъ не оглашалось ничего противнаго Вѣрѣ и Іерархіи (293).

Само собою разумѣется, что все это были дѣла самыя непріятныя для Кирилла и онъ, недожидаясь окончанія собора, удалился изъ Бреста подъ какимъ то предлогомъ и поспѣшилъ на свиданіе съ Гедеономъ въ Жидичинъ, гдѣ оба они, въ присутствіи генеральнаго возная, признали соборъ не дѣйствительнымъ (294). Здѣсь—то, безъ всякаго сомнѣнія, оба они согласились идти уже прямо къ Уніи. Авторъ Перестроги ясно даетъ понять, что здѣсь именно Кириллъ склонилъ Гедеона на Унію, склонилъ разумѣется, вторично (295). Съ этимъ замысломъ оба Епископа съ поспѣшностію поѣхали въ Сокаль, гдѣ нашли Діонисія Хелмскаго и Михаила Перемышльскаго, которые, вѣроятно, выжидали здѣсь извѣстій о дѣйствіяхъ собора. На этомъ совѣщаніи, по словамъ Гедеона, Епископы постановили отправить Кирилла къ Митрополиту съ просьбою о благословеніи и затѣмъ—къ королю съ жалобою на притѣсненія, для чего даны были Кириллу бланкеты за подписью всѣхъ присутствовавшихъ (296). Но это ложное свидѣтельство. Авторъ Перестроги говоритъ (297), что здѣсь Кириллъ склонилъ къ Уніи и Михаила Перемышльскаго, который подобно Гедеону находился въ немилости у Митрополита, — и Діонисія, котораго, впрочемъ, небыло большого труда склонить къ этому, потому что онъ еще въ 1591

году охотно далъ свое согласіе на Унію и имѣлъ тѣ-же побужденія не отставать отъ нея. Сводя всѣ эти свидѣтельства, мы думаемъ, что дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.—Епископы, собравшіеся въ Сокалѣ, согласились принять Унію; но они ясно видѣли, что безъ Митрополита ничего не могутъ сдѣлать. Поэтому, они отправили къ нему Кирилла съ порученіемъ склонить Михаила на свою сторону и, въ случаѣ успѣха,—представить королю дѣло объ Уніи, для чего и дали Кириллу мембрамы. Чтоже побуждало теперь Кирилла такъ усердно хлопотать объ Уніи? Мы думаемъ, что его встревожило грозное движеніе всѣхъ Братствъ, явившихся на соборъ, и особенно ихъ требованіе, чтобы въ Литвѣ постоянно былъ Патріаршій Экзархъ, который, очевидно, скорѣе другихъ могъ разрушить весь замыслъ Кирилла, не говоримъ уже о томъ, что онъ лишилъ бы его самаго чести быть Экзархомъ. Съ другой стороны, одно обстоятельство обѣщало теперь вѣрный успѣхъ Уніи. Митрополитъ былъ въ немилости у Патріарха и теперь подвергся гнѣву Латинянъ. Могло ли быть лучшее время для убѣжденій его къ Уніи? Но Кириллъ почему-то замедлилъ своею поѣздкою къ Митрополиту и дѣла будущихъ Уніятовъ пришли въ очень затруднительное положеніе.—Митрополитъ явно сталъ на сторонѣ Братствъ и рѣшился привести въ исполненіе соборное опредѣленіе противъ Гедеона. Онъ написалъ письмо къ гетману Польскому, Яну Замойскому, о которомъ зналъ, что онъ расположенъ къ Львовскому Братству, прося его позаботиться, чтобы король утвердилъ низложеніе Гедеона (298). Одно уже это обращеніе Митрополита къ Яну Замой-

скому, непримиримому врагу Іезуитовъ (299), ясно показываетъ, что до сихъ поръ Митрополитъ вовсе не причастенъ былъ замыслу на Унію и не имѣлъ намѣренія преслѣдованіями склонить къ ней Гедеона, какъ это инымъ кажется.—Но во всякомъ случаѣ выборъ этотъ былъ неудаченъ. Замойскій ненавидѣлъ Іезуитовъ, но какъ Латинянинъ, не чуждъ былъ желанія видѣть въ Литвѣ Унію. Зная, конечно, о замыслѣ на Унію нѣкоторыхъ Епископовъ, какъ первый сановникъ, имѣвшій постоянныя сношенія съ дворомъ, онъ, вѣроятно, отвѣтилъ Митрополиту, что, вмѣсто преслѣдованій виновныхъ Епископовъ, лучше бы подумать объ Уніи.—По крайней мѣрѣ, можно думать, что онъ извѣстилъ Кирилла или Гедеона о письмѣ къ нему Митрополита. Кириллъ Терлецкій поспѣшилъ къ Митрополиту и плодомъ этого свиданія было совершенно неожиданное отъ Митрополита дѣло. Онъ собственноручно написалъ условія Уніи и вручилъ ихъ Кириллу для представленія королю черезъ того же гетмана Яна Замойскаго (300). Что привело Михаила къ такому необычайному шагу? Говорятъ—инструкція Іезуитская, которою Митрополитъ давно уже, такъ сказать, отъ юности руководствовался и по которой онъ долженъ былъ до послѣдняго времени скрывать свое участіе въ Уніи. Но это нелѣпость, которой никакъ нельзя принять, какъ это мы уже показали и не разъ еще будемъ имѣть случай показывать.—Мы видѣли, что Митрополитъ испытывалъ постоянныя неудачи въ исполненіи своихъ обязанностей и подвергся справедливому осужденію отъ Патріарха, какъ Іерархъ, не съумѣвшій исполнять своего долга.—Теперь же онъ вооружилъ противъ себя и

Польское Правительство за созваніе собора въ отсутствіе короля. Между тѣмъ, не могъ онъ не знать, что мысль объ Уніи волнуетъ народъ, что объ ней писалъ къ Поцѣю самъ князь Острожскій и что теперь Епископы начинаютъ уже это дѣло.—Вѣроятно Кириллъ, очень искусно раскрылъ теперь все это передъ Митрополитомъ: не даромъ Митрополитъ назвалъ его потомъ зміемъ райскимъ (301). Митрополитъ склонился на эти внушенія, но онъ предполагалъ ввести такую Унію, которая не измѣнила бы ни догматовъ, ни обрядовъ, ни учрежденій Православной Церкви, т. е. Митрополитъ въ этомъ случаѣ впадалъ въ тоже заблужденіе, какому подвергся было князь Острожскій и которое значительно распространилось въ народѣ, именно — будто въ Литвѣ возможна была Унія съ Латинскою Церковію, безъ нарушенія чистоты Вѣры Православной. Этотъ взглядъ на Унію Митрополитъ выдерживалъ, какъ увидимъ, до послѣдней крайности; но не такъ были щекотливы другіе поборники Уніи и въ особенности Кириллъ и Ипатій, которымъ теперь открылось обширное поприще самой недобросовѣстной дѣятельности.

Кириллу нужно было только согласіе Митрополита на Унію. Больше онъ не требовалъ отъ него ничего. Не спрашивая его совѣтовъ и наставленій, онъ сталъ самъ, самовластно устроивать дѣло,—прокладывая себѣ, какъ думали многіе, путь не только къ Уніи, но и къ митрополичьей каѳедрѣ.—Онъ отправилъ все дѣло къ Яну Замойскому и вскорѣ получилъ отъ него извѣстіе, что король хочетъ видѣться съ Митрополитомъ и съ нимъ самимъ (302). Кириллъ рѣшился устра-

нить до времени Михаила и просилъ черезъ гетмана, чтобы ему прежде самому видѣться съ королемъ (303). Но одно обстоятельство замедлило его поѣздку къ королю; ему пришлось устроить еще одно дѣло въ Литвѣ. До сихъ поръ онъ не имѣлъ рѣшительныхъ совѣщаній объ Уніи съ Поцѣемъ. Очень можетъ быть, что Кириллъ, хотя увѣренъ былъ въ склонности Поцѣя къ Уніи, но боялся допускать его пока къ участію въ ней, думая, что Поцѣй, родственникъ и другъ князя Острожскаго легко можетъ выдать его грозному князю, а можетъ быть онъ боялся и того, чтобы Поцѣй своимъ усердіемъ къ Уніи не уменьшилъ его будущихъ наградъ. Но Поцѣй постарался вывести Кирилла изъ этой нерѣшительности и самъ поспѣшилъ къ нему. Пресловутые виновники Уніи сошлись у столь же знаменитаго поборника ея, Латинскаго Луцкаго Епископа, князя Бернарда Мацѣёвскаго. Подозрительный, напуганный Кириллъ съ боязнію открылъ Поцѣю свою затѣю, взявъ съ новаго сотрудника своего клятву, что тайна будетъ сохранена вѣрно. Умный Поцѣй, хотя заставилъ себя убѣждать къ Уніи, но вскорѣ, какъ увидимъ, показалъ, что привести ее въ исполненіе суждено не Кириллу, а ему. Онъ пересмотрѣлъ всѣ списки на Унію, узналъ о письмѣ гетмана (304) и теперь же или вскорѣ составилъ съ Терлецкимъ грамоту къ Папѣ, на которой оба они подписались, оставивъ мѣсто для будущихъ подписей Митрополита и другихъ Епископовъ (305). Очень вѣроятно, что тогда же, въ концѣ 1594 года, происходили совѣщанія съ другими Епископами и составлены условія Уніи (306).—Все шло по мысли Терлецкаго: въ одномъ только расходился съ нимъ Поцѣй.

Онъ считалъ необходимымъ переговорить еще съ Митрополитомъ, принималъ на себя эту обязанность и убѣждалъ Кирилла подождать общаго рѣшенія и тогда уже ѣхать въ Польшу (307). Но мы видѣли, что Кириллъ устранилъ Митрополита отъ главнаго участія въ Уніи, опасаясь стать позади. Теперь онъ еще болѣе опасался этого, потому что переговоры Поцѣя съ Митрополитомъ, безъ соизволенія, стѣснили бы его дѣйствія. Онъ видѣлъ теперь двухъ соперниковъ своей будущей чести и славы и рѣшился не уступать имъ первенства. Предоставивъ Поцѣю сноситься съ Митрополитомъ по его собственному усмотрѣнію, онъ поспѣшилъ въ Краковъ (308).

Поцѣй и Митрополитъ поставлены были теперь въ очень непріятное положеніе; но это непріятное положеніе, какъ сейчасъ увидимъ, вызывало въ томъ и другомъ совершенно различныя чувства и дѣйствія.—Не получая никакого отвѣта на свое предложеніе объ Уніи, Митрополитъ сильно безпокоился и не зналъ, что предпринять далѣе. Письмо Поцѣя отъ 16-го Генваря (1595г.) съ извѣстіемъ, что уже всѣ Епископы «списались» на Унію и что Кириллъ, какъ слышно, собирается въ Краковъ (309), еще болѣе встревожило его. Онъ увидѣлъ, что Епископы поступаютъ самовольно и злоупотребляютъ его довѣренностію. Теперь онъ пришелъ въ сильное раздумье и рѣшился открыть мученія своей совѣсти лучшему другу своему и покровителю, князю Ѳеодору Скумину воеводѣ Новогрудскому. — Онъ послалъ ему копію съ письма Поцѣя, говорилъ, что боится Уніи, и просилъ Скумина защищать всѣми силами Православную Церковь на предстоящемъ сеймѣ. Но по скры-

тности и еще болѣе изъ страха, онъ не открылъ князю своей вины,—своего участія въ Уніи, напротивъ старался скрыть это и, предполагая, что Скуминъ узнаетъ обо всемъ на сеймѣ, просилъ не вѣрить никакимъ слухамъ (310). Но, какъ увидимъ, предосторожность эта оказалась совершенно напрасною и много повредила Михаилу, потому что лишила его довѣренности и помощи лучшихъ людей того времени.—Между тѣмъ, Поцѣй снова смутилъ Михаила новымъ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ, что Кириллъ пользуется чрезвычайнымъ вниманіемъ Латинянъ, что онъ неутомимо дѣйствуетъ въ пользу Уніи,— уѣхалъ уже въ Краковъ и, очень вѣроятно, что оставитъ всѣхъ позади (311). Досада, тревога Поцѣя едва ли были притворны и могли быть очень заразительными. Въ тоже время, случилось обстоятельство, которое ввело Михаила въ новое заблужденіе и въ послѣдствіи должно было поколебать остатокъ его настоящей твердости въ Православной Вѣрѣ. Гедеонъ, Еп. Львовскій, стѣсненный до крайности Братствомъ, не утерпѣлъ дождаться окончанія переговоровъ объ Уніи и, составивъ соборъ изъ единомышленныхъ духовныхъ своей Епархіи, принялъ ее, какъ видно, довольно открыто (312). Послѣ этого, онъ считалъ себя вправѣ получить особенныя милости отъ Митрополита противъ Братства Львовскаго и съ этою цѣлію пріѣхалъ къ Михаилу (въ Февралѣ 1595 г.) (313). Но, видно, разговаривая съ Митрополитомъ, онъ пораженъ былъ его незнаніемъ дѣла Уніи и нерасположеніемъ къ ней. Митрополитъ умолялъ Гедеона сообщить ему вѣрныя свѣдѣнія объ Уніи и даже заклиналъ Евангеліемъ сказать всю правду. Гедеонъ

понялъ, что дѣло идетъ совершенно иначе и перевернулъ весь планъ свой. Онъ увѣрилъ Митрополита, что ничего не знаетъ объ Уніи и самъ нисколько въ ней неповиненъ.—Митрополитъ повѣрилъ, далъ Гедеону *поднесеный листъ*, т. е. грамоту, возстановляющую его на Епископской каѳедрѣ, далъ право судиться съ Братствомъ и обязалъ слѣдить за Уніею и доносить ему обо всемъ.— Ободренный этимъ, онъ немедленно написалъ къ князю Острожскому письмо, въ которомъ извѣщалъ его о своемъ разговорѣ съ Гедеономъ и просилъ также самого князя слѣдить за онымъ зміемъ райскимъ—Терлецкимъ (314). Но вдругъ ниспроверглись всѣ планы и надежды Митрополита. Онъ узналъ, что Гедеонъ жестоко обманулъ его, скрывъ свое участіе въ Уніи, между тѣмъ, какъ принялъ ее соборомъ.—Но этого мало: онъ увидѣлъ, что уступкою Гедеону сильно вооружилъ противъ себя Львовское Братство, самое расположенное къ нему до сихъ поръ (315). Понятно, что послѣ всего этого и оба князя—Скумінъ и Острожскій не могли благопріятно смотрѣть на Митрополита, тѣмъ болѣе, что къ нимъ начали уже доходить темные слухи и объ его участіи въ Уніи. Поэтому, если они отвѣчали теперь же на его письма, то едва ли эти отвѣты были пріятнаго содержанія.

Между тѣмъ, возвратился изъ Кракова Терлецкій (въ Февралѣ или Мартѣ 1595 г.).—Вѣсти привезенныя имъ были очень пріятны для Поцѣя. Хотя мы никакъ не думаемъ, чтобы Терлецкій восхвалялъ въ Краковѣ усердіе Поцѣя къ Уніи; но здѣсь достовѣрно знали это усердіе другими путями.—Поэтому Сигизмундъ прислалъ Поцѣю черезъ Терлецкаго похвальную грамоту,

убѣждая его безостановочно идти къ Уніи. Остальное поручалось Терлецкому сказать словесно (316). Что именно приказано было сказать, это открывается изъ послѣдующихъ обстоятельствъ. Рѣшено было, что Митрополиту не нужно ѣхать въ Краковъ самому, а дать только письменное согласіе на Унію и препоручить все дѣло Терлецкому и Поцѣю, которымъ приказано послѣ этого пріѣхать снова въ Краковъ (317).

Какъ Поцѣй и Терлецкій убѣдили теперь Митрополита дать это согласіе,— не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; знаемъ только, что Михаилъ, запутавшій свои отношенія къ людямъ новаго движенія въ Западно-Русской Церкви и не поддерживаемый никѣмъ изъ нихъ очень способенъ былъ снова склониться на внушенія виновниковъ Уніи. Поспились потомъ слухи, что теперь онъ далъ Поцѣю и Терлецкому условія Уніи и письменную довѣренность вести переговоры по этому дѣлу (318). Съ этими бумагами и отправились въ Краковъ уже вмѣстѣ Поцѣй и Терлецкій (надобно полагать—въ Апрѣлѣ 1595 г.) и прибыли туда послѣ сейма (въ концѣ Апрѣля или въ первыхъ числахъ Мая.)— Король утвердилъ всѣ требованія будущихъ Уніятовъ (319); но, какъ гласила молва, Поцѣй и Терлецкій вели тайные переговоры съ Іезуитами и сдѣлали очень много уступокъ въ пользу Латинской Церкви и въ ущербъ своей.—Послѣдніе пункты Уніи король и отправилъ къ Папѣ, а Поцѣя и Терлецкаго возвратилъ въ Литву съ приказаніемъ составить привилную грамоту объ Уніи къ Папѣ и готовиться въ Римъ.—Условлено было, кажется напередъ, что въ недѣлю о Самарянинѣ, 18 Мая 1595 г., Митрополитъ и Поцѣй съ

Терлецкимъ съѣдутся въ Кобринѣ. Сюда и прибыли послѣдніе въ назначенный срокъ; но Митрополитъ непріѣхалъ. Поцѣй и Терлецкій узнали, что онъ опять колеблется. Они написали къ нему самое жесткое письмо, въ которомъ укоряли въ измѣнѣ, грозили гнѣвомъ короля и назначали ему явиться поскорѣе въ Брестъ (320). Объ этомъ прислано было и королевское повелѣніе (321). Но Митрополитъ и послѣ этого не поѣхалъ на совѣщаніе, а взялъ шесть недѣль на размышленіе (322). Что же смутило опять Митрополита? Въ Литву дошли извѣстія о совѣщаніяхъ Поцѣя и Терлецкаго съ Латинянами и распространился слухъ, что они совершенно предаютъ Латинянамъ свою Церковь.—Митрополитъ пришелъ въ ужасъ и снова поколебался въ замыслѣ на Унію. — Дѣйствительно, положеніе его сдѣлалось безвыходнымъ. Онъ склонялся на Унію, но, какъ показываютъ всѣ его письма и всѣ его дѣйствія до послѣдняго дня жизни, искренно любилъ свою церковь и не желалъ, чтобы Унія измѣнила въ ней что нибудь, кромѣ внѣшней зависимости отъ высшаго Іерарха въ Церкви.—Теперь же онъ увидѣлъ, что дѣло устроивается иначе и попалъ между двухъ огней,—съ одной стороны, страхъ за Вѣру, за наству и стыдъ за уклоненіе отъ своего первѣйшаго долга, съ другой,—стыдъ и страхъ передъ королемъ и Поцѣемъ и Терлецкимъ за уклоненіе отъ данныхъ обѣщаній и возбужденныхъ надеждъ!—Любопытно теперь знать, какъ вышелъ Михаилъ изъ этого, дѣйствительно, ужаснаго положенія? Выйти изъ него можно было какимъ нибудь рѣшительнымъ дѣйствіемъ въ пользу Православныхъ или будущихъ Уніятовъ; но на это не доставало ни умѣнья, ни рѣшимости у опутан-

наго свѣтями Уніи и смущеннаго до крайности Михаила. — У него теперь не было ни яснаго пониманія слѣдствій настоящаго хода событій, ни рѣшимости неуклонно преслѣдовать ясно усмотрѣнныя вдали цѣли. Онъ способенъ былъ только отсрочить минуту послѣдняго рѣшенія и искать опоры у лучшихъ людей того времени, которымъ обязанъ былъ своимъ тяжелымъ служеніемъ въ Западно-Русской Церкви. Онъ написалъ письма опять къ князьямъ—Ѳеодору Скумину и Острожскому, извѣщая ихъ о дѣйствіяхъ Епископовъ, и спрашивалъ, что ему дѣлать: соглашаться ли на Унію или противодѣйствовать ей, не обращая вниманія ни на какія угрозы? Изъ смущенной души Митрополита исторглись теперь и мысли добрыя, доказывавшія въ немъ любовь къ Церкви, и—мысли шаткія, обличавшія изнеможеніе души и голосъ своекорыстія. Онъ увѣряетъ князей, что не думаетъ измѣнять своему долгу, что только согласіе князей можетъ склонить его къ Уніи; но если не будетъ этого согласія, то онъ никакъ не посмѣетъ идти противъ вѣрныхъ сыновъ и готовъ пострадать за Церковь. Но какъ бы призадумавшись надъ тѣмъ, что будетъ съ этою Церковью, когда Терлецкій сдѣлается Митрополитомъ, какъ уже это обѣщано, и когда начнутъ преслѣдовать всѣхъ за противодѣйствіе Уніи, что также объявлено отъ имени короля, онъ высказываетъ такую мысль; «пусть такъ, пусть низложатъ меня, я добровольно оставлю каѳедру; но я желалъ бы оставить (послѣ себя) Матерь нашу Церковь не подъ ярмомъ, а при правахъ и преимуществахъ, а этого можно было бы достигнуть, если-бы обезпечены были постановленіями тѣ

именно артыкўлы (условія Уніи), которые я вамъ посылаю (323).

Но теперь прошло уже то время, когда предполагали возможнымъ осуществленіе Уніи, безобидной для Западно-Русской Церкви, и когда не считалось преступленіемъ разсуждать объ ней и даже дѣлать попытки къ открытому совѣщанію, какъ это дѣлалъ князь Острожскій. — Теперь дѣйствія Поцѣя и Терлецкаго убѣдили Православныхъ, что нечего распутывать этотъ неразрѣшимый узелъ,—его нужно разсѣчь въ своихъ убѣжденіяхъ и отвергнуть всякое помышленіе о какой бы то ни было Уніи.—Поэтому, колебаніе Митрополита между Православною Церковію и Уніею, хотя и вынужденное жестокимъ его положеніемъ, не вызвало въ князьяхъ—Острожскомъ и Скуминѣ сочувствія и желанія подкрѣпить Митрополита. Напротивъ, оно возбудило сомнѣніе въ его вѣрѣ и любви къ Церкви.—Одинъ безразсудный поступокъ со стороны Митрополита увеличилъ еще болѣе это сомнѣніе.—Дѣйствія Поцѣя и Терлецкаго вызвали всеобщее негодованіе и всѣ обращались къ Митрополиту съ вопросами: далъ ли онъ Епископамъ свое полномочіе (324)? Малѣйшая обмолвка съ его стороны подвергла бы и его такому же негодованію, что̀ въ настоящее время было бы для него невыносимо, потому что онъ уже возбудилъ противъ себя гнѣвъ и поборниковъ Уніи. — Михаилъ рѣшился не раздражать вдругъ обѣихъ сторонъ и скрылъ опять свое участіе въ Уніи. Но онъ очень плохо разсчиталъ: теперь противъ него были явныя улики. Краковскіе слухи приносили извѣстіе, что и Митрополитъ участвуетъ въ Уніи. Особенно достовѣрно извѣстно бы-

ло это Скумину, которому прислали изъ Кракова даже всѣ списки на Унію.—Ѳеодоръ Скуминъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ передалъ Михаилу всѣ эти извѣстія и вмѣсто совѣта и помощи заключилъ письмо жесткимъ укоромъ ему въ двоедушіи и измѣнѣ Церкви (325).—Понятно, что такой отвѣтъ не могъ поддержать Митрополита въ его рѣшимости противодѣйствовать Уніи. Но, что еще замѣчательнѣе,—князь Скуминъ въ этомъ же жесткомъ отвѣтѣ Михаилу обнаружилъ шаткость и собственнаго взгляда на Унію.—Онъ подобно Михаилу не отвергалъ возможности Уніи и говорилъ, что если это дѣло Божіе, то безполезно будетъ сопротивленіе ему; а если нѣтъ, то погибнетъ само собою.—Такимъ образомъ, Скуминъ съ двухъ сторонъ ослаблялъ Митрополита и какъ бы говорилъ ему — дѣйствуй, какъ укажутъ обстоятельства.—Митрополитъ, какъ сейчасъ увидимъ, дѣйствительно послѣдовалъ этому указанію и съ изумительною безхарактерностію склонялся то на ту, то на другую сторону, явно подчиняя свои дѣйствія теченію обстоятельствъ.

Не знаемъ, что отвѣчалъ Михаилу князь Острожскій, но есть основаніе думать, что онъ еще не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній объ его участіи въ Уніи и думалъ, что Митрополитъ останется на сторонѣ Православныхъ (326). Впрочемъ, обстоятельства самаго князя были далеко не таковы, чтобы жестоко осуждать въ Уніи Митрополита, еслибы онъ и зналъ его участіе въ ней. Князь самъ, какъ мы видѣли, участвовалъ въ Уніи и теперь, кажется, узналъ, что Поцѣй разглашаетъ объ этомъ въ народѣ. — Князь рѣшился выйти изъ этого двусмысленнаго положенія и, оставляя въ сторонѣ Ми-

трополита, старался показать всѣмъ, какъ нужно смотрѣть на дѣло Поцѣя и Терлецкаго. Онъ объявилъ въ окружной грамотѣ, что не участвуетъ вовсе въ замыслѣ Епископовъ и убѣждалъ всѣхъ стоять твердо въ Православіи и не обольщаться никакою Уніею (327). Въ тоже время, князь Острожскій приготовилъ и другой ударъ будущимъ Уніятамъ. Гедеонъ Болобанъ, недавно принявшій Унію соборомъ, пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что она не приноситъ ему никакой пользы. Братство также, какъ и прежде, не уступаетъ ему ни въ чемъ, а между тѣмъ всѣ теперь возстаютъ противъ Уніи и, если придется кому пострадать отъ этого волненія, то конечно ему прежде всѣхъ. Очень вѣроятно, что и самоволіе Поцѣя и Терлецкаго, устроявшихъ Унію по собственному усмотрѣнію къ явному вреду Церкви, сильно вооружало Гедеона, который едвали до сихъ поръ рѣшалъ вопросъ, какъ устроится Унія, не разрушитъ ли она въ самой основѣ Православную Церковь. Теперь, когда всѣ возстали противъ этой гибели, приготовляемой Уніею, нельзя было не рѣшать подобнаго вопроса и рѣшать, именно не въ пользу Уніи. — Гедеонъ рѣшился оставить Поцѣя и Терлецкаго со всѣми благами будущей Уніи и перейти на сторону Православныхъ. Съ этою цѣлію онъ еще въ началѣ Іюня 1595 года отправился къ князю Острожскому съ прозьбою примирить его съ Львовскимъ Братствомъ. — Князь съ полною готовностію обѣщалъ это посредничество, написалъ немедленно письмо къ Братству, а Гедеона убѣдилъ склонить на свою сторону и Михаила Перемышльскаго и дѣйствовать противъ Уніи открыто (328). Гедеонъ очень любилъ всякаго рода

борьбу, а тѣмъ болѣе такую, которую теперь могъ одобрить и поддерживать всякій Православный, не говоримъ уже о князѣ Острожскомъ. По какъ начать ее? Какъ выпутаться изъ Уніи, смыть съ себя прошедшее пятно и пріобрѣсть довѣренность Православныхъ? Тогда очень не любили искренняго раскаянія въ своихъ грѣхахъ. Унія основалась на коварствѣ и обманѣ и этими своими свойствами заражала даже тѣхъ людей, которые рѣшались ей противодѣйствовать. Ими заразился и Гедеонъ и рѣшился употребить это оружіе противъ самой Уніи.—Еще въ Мартѣ 1595 года носились слухи, что Поцѣй и Терлецкій пользуются мембрамами или бланкетными листами за подписью Епископовъ и на нихъ пишутъ грамоты объ Уніи (329). Въ настоящее время, какъ увидимъ, они дѣлали тоже самое дѣло, о чемъ едвали не зналъ Гедеонъ.—Гедеонъ рѣшился теперь воспользоваться этими обстоятельствами и 1-го Іюля 1595 года въ судѣ Владимірскомъ подалъ извѣстную уже намъ протестацію, въ которой очищалъ себя совершенно отъ Уніи и объявлялъ, что если есть какія либо грамоты на Унію съ его подписью, какъ носятся объ этомъ слухи; то эти грамоты написаны обманомъ на бланкетахъ, данныхъ Кириллу Терлецкому для составленія жалобы къ королю на преслѣдованія Церкви. — Въ судѣ присутствовали князь Острожскій и другіе знаменитые люди,—поэтому нельзя было суду не принять этой протестаціи и нельзя было не повѣрить ей всякому, кто не зналъ хода событій (330). — Митрополитъ немедленно откликнулся на это противодѣйствіе Уніи и, какъ-бы подражая князю Острожскому и Гедеону, написалъ грамоту въ ко-

торой говорилъ, что не думаетъ измѣнять Вѣрѣ, не думаетъ принимать Уніи и послалъ эту грамоту къ Виленскому Братству черезъ своего Протонотарія Григорія, которому приказывалъ прочитать ее въ общемъ собраніи членовъ Братства.—Но онъ и теперь сдѣлалъ одну ошибку, которая испортила все дѣло. Въ этой же грамотѣ онъ грозилъ судомъ духовнымъ членамъ Братства, особенно Стефану Зизанію за распространеніе неблагопріятныхъ объ немъ слуховъ и сужденій (331). Братство Виленское взволновалось больше прежняго и немедленно отправило депутацію къ князьямъ Скумину и Острожскому съ документами несомнѣннаго участія Митрополита въ Уніи (332).

Раздались теперь со всѣхъ сторонъ требованія, чтобы поскорѣе созвать соборъ и порѣшить окончательно съ недостойными Пастырями.—Съ этою цѣлію Православные повторили свою прозьбу, Константинопольскому Патріарху, чтобы поскорѣе пріѣхалъ его Экзархъ, и узнавъ, что уже ѣдетъ извѣстный многимъ Литовцамъ великій Протосинкелль Константинопольской Церкви Никифоръ, ожидали его съ величайшимъ нетерпѣніемъ (333).

Что же дѣлали въ это время два виновника всего этого волненія—Поцѣй и Терлецкій? Сначала они осуждены были на бездѣйствіе взятою Митрополитомъ отсрочкою.—Но такъ какъ можно было опасаться, что Митрополитъ просрочитъ на цѣлые годы и можетъ быть навсегда, а между тѣмъ изъ Кракова присылались постоянно понужденія и все было уже приготовлено къ поѣздкѣ въ Римъ, даже заложены церковныя имѣнія (334); то Поцѣй и Терлецкій рѣшились сами устроить

дѣло и еще 12-го Іюня 1595 г., написали грамоту на Унію, съѣхавшись вѣроятно у Діонисія Збируйскаго, Епископа Хелмскаго.—Грамота составлена легко,—на блапкетахъ (335); но въ ней сильно отразилось вліяніе тогдашнихъ обстоятельствъ и понятіе объ Уніи Митрополита, котораго теперь Поцѣй и Терлецкій старались чѣмъ нибудь задобрить.—Подробное содержаніе этой грамоты мы изложимъ послѣ, чтобы яспѣе видѣть, какъ Поцѣй и Терлецкій самовольно отступали отъ нея. Теперь же скажемъ только, что по этой грамотѣ Унія не должна была ничего измѣнять въ Западно-Русской Церкви и состоять въ одномъ почетномъ признаніи главенства Папы, т. е. въ этой грамотѣ уничтожалось то условіе Уніи, какое по признанію Латинянъ всѣхъ вѣковъ считалось необходимымъ для Уніи,—разумѣемъ безусловную власть Папы въ жизни, въ практикѣ Церкви. — Этою грамотою, несообразность которой съ Латинствомъ долженъ былъ признать каждый Латинянинъ, понимавшій ученіе своей Церкви о главенствѣ Папы, Поцѣй и Терлецкій, какъ будто, теперь хотѣли показать, что обвиненіе противъ нихъ въ конечной измѣнѣ своей Церкви несправедливо.—Кому же они думали показать это? Конечно, не Іезуитамъ, не Нашѣ и даже не будущимъ родамъ, потому что всѣмъ имъ они доказали совершенно другое, по своимъ они желали показать это, своихъ старались увлечь въ этотъ двойной обманъ.—Очень можетъ быть, что они рекомендовали содержаніе этой грамоты Гедеону, Михаилу Перемышльскому, Митрополиту и, вѣроятно, имѣли въ виду познакомить съ нею и самого князя Острожскаго.—Но мы видѣли, какое разочарованіе подготовля-

лось имъ со всѣхъ сторонъ.—Никакъ имъ теперь нельзя было расчитывать на дѣйствіе этой грамоты. Нужно было обратиться къ другимъ средствамъ, чтобы спасти себя и Унію отъ угрожавшей гибели.—Они напали было на Гедеона, и Кириллъ Терлецкій поспѣшилъ подать противъ него антипротестацію, угрожая въ тоже время судомъ самого короля (336). Но не время было теперь заводить процессъ.—Тяжело имъ было теперь оставаться въ Литвѣ, въ кругу грозныхъ враговъ, которымъ не доставало только Патріаршаго Экзарха, чтобы лишить возможности Поцѣя и Терлецкаго ѣхать въ Римъ въ санѣ Православныхъ Епископовъ, но и безъ Патріаршаго Экзарха Православные могли это сдѣлать, еслибы Митрополитъ окончательно склонился на ихъ сторону,—потому что, въ такомъ случаѣ, съ нимъ было бы еще два Епископа (Гедеонъ и Михаилъ)—условіе, очень достаточное по церковнымъ законамъ для низложенія виновныхъ Епископовъ.—Соображая всѣ эти обстоятельства, мы думаемъ, что Поцѣй и Терлецкій пришли теперь къ одной изъ величайшихъ нелѣпостей въ жизни человѣческой. Поѣздка въ Римъ и Унія представлялись теперь имъ самымъ горькимъ плодомъ ихъ дѣйствій и въ тоже время самымъ желаннымъ, на который они должны были броситься съ поспѣшностію жаднаго дитяти, потому что рядомъ съ этимъ плодомъ висѣлъ плодъ еще болѣе горькій и вполнѣ достойный Епископской измѣны—судъ и проклятіе Церкви и народа.—Но человѣкъ по свойственному ему чувству самосохраненія никогда не рѣшится броситься въ одну изъ такихъ крайностей, если видитъ малѣйшую средину между ними.—

Поцѣю и Терлецкому смутно представилась эта средина и они бросились отыскивать ее со всею предпріимчивостію одного изъ нихъ (Терлецкаго) и проницательностію другого (Поцѣя), чѣмъ дѣйствительно они обладали въ немалой степени.—Они воспользовались всеобщимъ настроеніемъ умовъ,—раздавшимся со всѣхъ сторонъ требованіемъ собора и, какъ по всему видно, внушили Митрополиту, что склоняются на это требованіе и готовы просить короля, чтобы дѣло Уніи прежде рѣшено было на всеобщемъ соборѣ или съѣздѣ.—Нельзя было придумать лучшаго средства, чтобы склонить на свою сторону Митрополита. Мы видѣли, что этотъ несчастный Митрополитъ, запутанный въ Унію и сохранившій однако до сихъ поръ любовь къ своей Церкви, никакъ не могъ уяснить себѣ—къ какой сторонѣ пристать и въ своемъ изнеможеніи протягивалъ руки то къ той, то къ другой. Мысль о примиреніи этихъ двухъ сторонъ, мысль о томъ, что онъ по праву станетъ между ними въ серединѣ, какъ первый судья ихъ дѣйствій, должна была представляться ему самою счастливою.—Онъ сейчасъ же плѣнился этою мыслію и думая, что теперь же можетъ по праву стать въ этой серединѣ, объявилъ Поцѣю и Терлецкому и черезъ нихъ королю, что не чуждается Уніи, готовъ принять ее, если она прежде поѣздки депутатовъ въ Римъ рѣшена будетъ на общемъ соборѣ духовныхъ и мірянъ (337).

Нечего и говорить, какъ обрадовались Поцѣй и Терлецкій такому обороту дѣла и съ какою поспѣшностію должны были отправиться въ Краковъ.—Но на пути — въ Люблинѣ они имѣли самую непріятную

встрѣчу.—Въ тоже самое время, какъ Поцѣй и Терлецкій коварно пользовались всеобщимъ желаніемъ собора, Православные старались привести въ исполненіе это желаніе. Князь Скумпнъ написалъ къ князю Острожскому письмо, въ которомъ просилъ его похлопотать, чтобы король дозволилъ созваніе всеобщаго собора (338).—Въ слѣдствіе ли этого письма или и независимо отъ него, князь Острожскій отправился въ Польшу и вотъ, въ Люблинѣ онъ встрѣтился съ Поцѣемъ и Терлецкимъ. Устроилъ эту встрѣчу князь Заславскій, и хотя Уніятскій писатель, горячій защитникъ Поцѣя, отзывается благосклонно объ этомъ вмѣшательствѣ князя Заславскаго, но мы думаемъ, что оно было крайне непріятно Епископамъ.—Это подтвердилось и на самомъ дѣлѣ.—Кириллъ Терлецкій держался въ отдаленіи отъ князя, котораго немилость такъ прекрасно оправдывалъ теперь, и хранилъ приличное настоящему случаю молчаніе. Но Поцѣй, родственникъ и очень недавній еще другъ князя, не могъ не высказаться и высказаться откровенно, потому что пойманъ былъ въ расплохъ. Лицемѣрить, обманывать теперь было очень трудно, да и поздо уже.—Поцѣй открылъ князю все дѣло, показалъ всѣ грамоты, касавшіяся Уніи, со слезами умолялъ его самаго принять участіе и даже палъ передъ нимъ на колѣни, къ униженію своего сана. Князь теперь ясно понялъ, какъ искажена его православная мысль о соединеніи Церквей и какъ самовольно и далеко зашли въ этомъ дѣлѣ Западно-Русскіе Іерархи. Всѣ разсужденія съ ними и увѣщанія были бы теперь совершенно излишни. Мудрый князь терпѣливо выслушалъ все, не обнаруживъ гнѣва, и

только сказалъ, что безъ всеобщаго собора подобное дѣло невозможно. Уніятскій писатель, которому мы до сихъ поръ слѣдовали, говоритъ, что князь даже выразилъ благодарность Поцѣю (339). Но въ душѣ князя, какъ сейчасъ увидимъ, былъ уже готовъ судъ надъ недостойными Епископами и нѣтъ сомнѣнія, что проницательный Поцѣй теперь же понялъ мысли князя, иначе онъ и не падалъ бы передъ нимъ на колѣни со слезами.—Надобно думать, что послѣ этой встрѣчи дальнѣйшее путешествіе Поцѣя и Терлецкаго въ Краковъ было довольно грустное.

По пріѣздѣ своемъ въ Краковъ, они прежде всего обратили вниманіе своихъ покровителей на свое опасное и безвыходное положеніе. Они представили, что въ Западно-Русской Церкви сильно возстаютъ противъ нихъ міряне и ожидаютъ только прибытія Патріаршаго Экзарха, чтобы низложить ихъ съ Епископскихъ каѳедръ, — что въ слѣдствіе этого два Епископа—Гедеонъ и Михаилъ Перемышльскій отстали отъ Уніи и еще болѣе волнуютъ народъ, самаго же главнаго, — что Митрополитъ колеблется и даже переходитъ на сторону Православныхъ, вовсе не сказали. — Они только обвинили Протонотарія Григорія, приписывали ему все волненіе въ Вильнѣ по случаю грамоты Митрополита и говорили, что онъ привозилъ туда подложныя грамоты (измышленыя) (340).—Польское Правительство позаботилось прежде всего устранить всякую опасность отъ Поцѣя и Терлецкаго. Съ этою цѣлію Сигизмундъ издалъ универсалъ ко всѣмъ пограничнымъ чиновникамъ, которымъ приказывалъ не впускать въ предѣлы Литовско-Польскаго Государства

никого отъ Константинопольскаго Патріарха (341). Въ тоже время Сигизмундъ потребовалъ Гедеона на судъ, (342) взялъ такъже назадъ свое обѣщаніе сдѣлать Протонотарія Григорія Полоцкимъ Епископомъ и тоже потребовалъ его къ себѣ. (343) Затѣмъ, онъ излилъ щедрыя милости на будущихъ Уніятовъ. Окружною грамотою Сигизмундъ уравнялъ будущую Уніятскую Іерархію во всѣхъ правахъ съ Латинскою; (344) но такъ какъ эта милость была довольно неопредѣленна и могла подавать поводъ къ недоразумѣніямъ; то король издалъ новую грамоту, въ которой уже опредѣленно обозначаетъ разныя ихъ преимущества, на дѣлѣ далеко меньшія, чѣмъ тѣ, какими пользовались Латинскіе духовные (345).—По-видимому, довольно уже было написано жалованныхъ и запретительныхъ грамотъ: можно было бы, кажется, успокоиться Польскому Правительству и не обременять королевской канцеляріи лишнимъ дѣломъ. Но нѣтъ! Унія Литовская — это было такое больное дѣтище, которое нужно было лечить самыми разнообразными и самыми искуственными лекарствами. Сигизмундъ счелъ нужнымъ еще написать нѣсколько грамотъ. Онъ послалъ Митрополиту особую милостивую грамоту, въ которой то хвалитъ его за усердіе къ Уніи, то доказываетъ пользу и законность ея и поощряетъ Митрополита мужественно вести это дѣло (346). — Въ тоже время король счелъ нужнымъ обратиться къ другому знаменитому лицу, отъ котораго также много зависѣлъ успѣхъ Уніи — къ князю Острожскому. — Сигизмундъ и князя также, какъ Митрополита, убѣждаетъ къ Уніи, придавая очевидно весьма большое значеніе тому, на чьей сторонѣ будетъ князь. Но тутъ же старается и

уничтожить это значеніе. — Сигизмундъ отказываетъ въ открытомъ соборѣ при участіи мірянъ, доказывая, что такой соборъ не можетъ принести пользы, что міряне обязаны безпрекословно идти за своими Пастырями, а не вмѣшиваться въ дѣла Церкви (347). — Но изъ Литвы постоянно приходили новыя требованія собора. Князь Острожскій прямо и рѣшительно высказалъ эту прозьбу. — Самъ Митрополитъ просилъ объ этомъ же. Уніятскій писатель говоритъ, что даже Поцѣй и Терлецкій искренно просили короля дозволить созваніе общаго собора или правильнѣе съѣзда 348) и въ грамотѣ Сигизмунда къ князю Острожскому, дѣйствительно, есть подтвержденіе словъ Уніятскаго писателя (349).—Но если въ самомъ дѣлѣ Поцѣй и Терлецкій просили короля допустить теперь общій съѣздъ, то мы должны сказать, что Господь смѣжилъ имъ очи, чтобы они не видѣли своей гибели, потому что всѣмъ было понятно, чего нужно ожидать отъ такого собора теперь, когда Унія еще не утверждена Папою, а Поцѣй и Терлецкій еще подъ властію Православной, Церкви, которая тогда со дня на день ожидала Патріаршаго Экзарха.—Но Польское правительство на этотъ разъ было далеко проницательнѣе Поцѣя и Терлецкаго. Сигизмундъ, правда, далъ согласіе на созваніе собора и приказалъ даже заготовить универсалъ, но удержалъ его въ канцеляріи и сталъ высматривать, каково въ Литвѣ настроеніе умовъ и есть ли хоть какая нибудь вѣроятность, что на предполагаемомъ соборѣ дѣло Уніи не погибнетъ. Съ этою, между прочимъ, цѣлію онъ отпустилъ Поцѣя и Терлецкаго назадъ въ Литву на четыре недѣли. Особенное вниманіе

Сигизмунда обращено было на князя Острожскаго. Онъ слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями и искалъ въ нихъ или явнаго доказательства въ пользу Уніи или въ противномъ случаѣ—предлога къ рѣшительному отказу въ соборѣ. Согласія на Унію нечего было ожидать, потому что князь теперь же писалъ къ Поцѣю самое жесткое письмо (350). Поэтому, начали искать въ дѣйствіяхъ князя предлога къ рѣшительному отказу въ соборѣ. Усердіе шпіоновъ увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ. Въ это время (въ Августѣ 1595 г.) происходилъ въ Торунѣ съѣздъ всѣхъ Литовско-Польскихъ Протестантовъ для примиренія въ дѣлахъ вѣры и взаимнаго содѣйствія въ борьбѣ съ Латинянами. Князь Острожскій отправилъ на этотъ съѣздъ своего посла съ предложеніемъ Протестантамъ заключить союзъ съ Православными для болѣе успѣшной борьбы съ общими врагами. Въ инструкціи, данной послу по этому случаю, употреблены были довольно рѣзкія выраженія противъ Папы, Латинянъ вообще и даже противъ короля. Инструкція эта была перехвачена и сношенія князя съ Протестантами представлены были Сигизмунду въ такомъ видѣ, что князь безславно поноситъ передъ еретиками Сына Божія, Папу, укоряетъ короля въ неудачной попыткѣ получить Шведскую корону и грозитъ выставить противъ него двадцать тысячъ войска.—Сигизмундъ и Іезуиты воспылали гнѣвомъ, поручили одному сенатору, родственнику князя написать ему строгій выговоръ, отказались рѣшительно дозволить созваніе собора и послали приказъ Поцѣю и Терлецкому ѣхать поскорѣе въ Краковъ, чтобы оттуда прямо отправиться въ Римъ (351).

Поцѣй и Терлецкій и безъ этого приказа ѣхали уже въ Краковъ (352). Срокъ, данный имъ, выходилъ, а жить въ Литвѣ, въ кругу взволнованнаго народа имъ было очень неудобно.—Но не думайте, что они это непріятное и опасное время провели смирно.—Мы говорили, что Кириллъ задумалъ было вести процессъ съ Гедеономъ за его протестацію противъ грамоты на Унію, написанной на бланкетѣ. Говорили мы также, что тогда Кириллу не время было вести этотъ процессъ. Теперь еще менѣе было средствъ и времени къ этому дѣлу. Но нельзя же было оставить Гедеона въ покоѣ. Кириллъ поступилъ такъ, какъ обыкновенно поступаютъ люди, когда чувствуютъ совершенное свое безсиліе вредить врагу, а между тѣмъ никакъ не могутъ отказаться отъ желанія сдѣлать ему хоть какой нибудь вредъ. Онъ снова обратился къ бланкетамъ и написалъ на одномъ изъ нихъ 27-го Августа 1595 г., грамоту слѣдующаго содержанія. Епископы, будто-бы, теперь собрались у Кирилла въ Луцкѣ и дали взаимное клятвенное обязательство ни въ какомъ случаѣ не отставать отъ Уніи и предавать анаѳемѣ всякаго міянина, который будетъ противодѣйствовать Уніи.—Какъ видите,—придумано было очень естественное дѣло.—Два Епископа — Кириллъ и Ипатій, отправляясь въ далекій и такой необычный для Православныхъ Іерарховъ путь (въ Римъ), собираютъ къ себѣ своихъ единомышленныхъ братій, прощаются съ ними и берутъ съ нихъ обѣщаніе, что они не оставятъ ихъ въ такомъ трудномъ и опасномъ замыслѣ, какъ Унія (353). По достовѣрность этого, повидимому самаго естественнаго факта подрывается тѣмъ, что въ этой прощаль-

ной грамотѣ находятся подписи только тѣхъ Епископовъ, которые были въ Сокалѣ, т. е. Кирилла, Михаила Перемышльскаго, Гедеона и Діонисія и точь въ точь въ такомъ порядкѣ, какъ въ подложной грамотѣ на Унію, составленной недавно передъ тѣмъ, но нѣтъ подписей ни Поцѣя, которому естественно было присутствовать при такомъ торжественномъ случаѣ, ни Іоны Гоголя, который любилъ даже два раза подписываться на одной и тойже грамотѣ,—разъ какъ Архимандритъ, другой—какъ нареченный Епископъ.—Цѣль у Кирилла при составленіи этой грамоты была та, чтобы смутить народъ Православный и поселить въ немъ недовѣрчивость къ Гедеону и Михаилу Перемышльскому.

На пути въ Краковъ теперь, какъ и въ предшествующее путешествіе, Поцѣю и Терлецкому случилась снова непріятность. Митрополитъ узналъ объ ихъ намѣреніи ѣхать прямо въ Римъ и послалъ за ними гонца—Протонотарія Григорія съ повелѣніемъ возвратиться въ Литву. Въ тоже время онъ написалъ къ Ѳеодору Скумину письмо, въ которомъ объявлялъ, что Поцѣй и Терлецкій ѣдутъ въ Римъ противъ его воли (354). Объ этомъ же Митрополитъ приказалъ Григорію объявить въ судѣ во Владимірѣ,—области князя Острожскаго (355).—Но Поцѣй и Терлецкій теперь дошли уже до такого состоянія, что не могли обращать вниманія ни на приказанія Митрополита, какъ своего Архипастыря, ни на какое бы то ни было противодѣйствіе Уніи.—Теперь каждый день нужно было опасаться новыхъ неудачъ для Уніи. Медленность, раздумье, совѣстливость могли бы только вредить это-

му беззаконному предпріятію. Поцѣй и Терлецкій рѣшились немедленно ѣхать въ Римъ и предложить Папѣ Унію отъ лица всей Западно-Русской Церкви, т. е. руководствоваться подложною грамотою — съ подписями всѣхъ Епископовъ (356),—не обращая никакого вниманія на то, что три Іерарха (Митрополитъ, Гедеонъ и Михаилъ Перемышльскій) и весь народъ не соглашались на Унію.—Вотъ сущность этой грамоты: Западно-Русскіе Іерархи просятъ Римскаго Первосвященника оставить ихъ при вѣрѣ, таинствахъ и обрядахъ Восточной Церкви, ни въ чемъ непарушая ихъ, но оставляя такъ, какъ было въ древности, при единеніи Церквей,—утвердить за себя и за своихъ преемниковъ, что эти условія Уніи никогда небудутъ нарушены. Въ такомъ случаѣ, т. е. когда все это будетъ принято, мы поручили, говорятъ Западно-Русскіе святители, упомянутой братіи нашей (Поцѣю и Терлецкому) отъ имени всѣхъ насъ—Архіепископа и Епископовъ, всего духовенства и ввѣренныхъ намъ отъ Бога овецъ признать подчиненіе столицѣ св. Петра и поклониться твоей святынѣ, какъ верховному пастырю Церкви Христовой. И если получимъ то, чего просимъ, тогда тебѣ и твоимъ преемникамъ будемъ покорны и желаемъ всегда оставаться подъ властію твоей святыни, что́ и утверждаемъ своими подписями и печатями (257). — Въ дополненіи къ этой грамотѣ или собственно въ условіяхъ Уніи требовалось, чтобы Папа только утверждалъ, а не назначалъ Митрополита, и чтобы Іерархія Уніятская вообще была независима какъ отъ Папы, такъ и отъ Латинскаго духовенства (358).

Въ этой грамотѣ, какъ мы уже замѣчали и какъ это очевидно изъ ней самой, говорится объ Уніи съ особенною осторожностію и Православіе Западно-Русское во всемъ, кромѣ Римскаго догмата о главенствѣ Папы, ограждается такъ рѣшительно и точно, что произвольное толкованіе въ пользу Римской Церкви очень мало имѣло здѣсь мѣста. По этой грамотѣ, повторяемъ, Унія должна была состоять въ одномъ признаніи главенства Папы — и признаніи такомъ, которое Русская Церковь должна была выражать, напримѣръ, въ сношеніяхъ съ Папою, также при возглашеніяхъ во время Богослуженія, но не въ учрежденіяхъ своихъ и догматахъ, на которые здѣсь не дается Папѣ никакой власти. Но такой Уніи никогда не желали Іезуиты, и если грамота на такую Унію нужна была для успокоенія совѣсти такихъ людей, какъ Митрополитъ, Михаилъ Перемышльскій и Гедеонъ Львовскій, то для Папы и Латинянъ она была совершенно безполезна и ее одну никакъ не могли Іезуиты посылать къ Папѣ.—Поэтому, мы принимаемъ съ полною довѣрчивостію извѣстіе Польскаго писателя, заимствованное имъ изъ какихъ-то старинныхъ рукописей, что Поцѣй и Терлецкій независимо отъ этой грамоты составили еще въ Краковѣ новыя условія Уніи,—условія, въ основѣ которыхъ лежатъ опредѣленія Флорентійскаго Собора, но съ такими измѣненіями и прибавленіями, которыя давали Литовской Уніи совершенно иной видъ. Вотъ эти условія:

1.) Духовенство и міряне Восточнаго Исповѣданія подчиняются Папѣ;—

2.) Принимаютъ *новый календарь;*

3.) Обряды, таинства и особенно Литургію будутъ совершать по древнему чину;

4.) Касательно ученія о Св. Духѣ будетъ признано, что какъ Греки, такъ и Римляне вѣруютъ православно, только не разрѣшили еще взаимныхъ недоразумѣній;

5.) Другіе предметы, какъ то; принятіе міряпами Евхаристіи подъ однимъ или двумя видами — будутъ *предоставлены на судъ Папы.*—При этомъ обѣ стороны увѣряли себя взаимно, что на будущее время не будутъ усматривать въ этомъ никакого различія и что, какъ теперь *Владыка* Русскій (который—Поцѣй или Терлецкій—неизвѣстно, вѣроятно Поцѣй) *принималь Евхаристію подъ однимъ видомъ изъ рукъ Краковскаго Архіепископа, такъ и Латинскій Епископъ будетъ принимать это таинство подъ двумя* (Православными) *видами для утвержденія единства.*

6.) Король на ближайшемъ сеймѣ будетъ присутствовать при Литургіи, совершаемой Владыкою Русскимъ на Русскомъ (Славянскомъ) языкѣ.

7.) Владыкамъ Русскимъ можно совершать Богослуженіе въ костёлахъ и на оборотъ—Епископамъ Римскимъ въ церквахъ.

Далѣе предоставляются права: Владыкамъ—мѣсто въ Сенатѣ, всему духовенству—свобода отъ налоговъ, *народу по городамъ*—права общія съ Латинянами. Весь этотъ договоръ для полной силы и прочности будетъ подтвержденъ на сеймахъ и внесенъ въ Конституціи (359).

Такимъ образомъ, Поцѣй и Терлецкій отступили не только отъ своей подложной и лицемѣрно благовид-

ной грамоты, но и отъ всѣхъ, когда-либо данныхъ имъ инструкцій: потому что никогда и нигдѣ не было поручено имъ предоставлять на будущее усмотрѣніе Папы рѣшеніе спорныхъ вопросовъ и вступать въ такое единеніе съ Латинянами въ практикѣ церковной, которое простиралось бы до совершеннаго безразличія въ исповѣданіи Вѣры. Но это было только преддверіе ихъ полной измѣны Православію. Вскорѣ самовластные вводители Уніи сдѣлали гораздо бо́льшія уступки въ пользу Латинства и въ ущербъ Восточному Вѣроисповѣданію. Они согласились принять весь составъ ученія Римской Церкви, согласились сблизить Западно-Русскую Церковь съ Латинскою до такой степени, что самое существованіе Уніи навсегда—дѣлалось невозможнымъ и только для народа и то на нѣкоторое время должны были остаться наружныя отличія. — Съ такими-то уступками, съ такою Уніею или, лучше сказать, съ такою то полною измѣною своему Вѣроисповѣданію отправились въ Римъ прославленные между Латинянами Епископы Западно-Русскіе—Ипатій Поцѣй и Кириллъ Терлецкій!

Въ послѣднихъ числахъ Сентября 1595 года Поцѣй и Терлецкій, обласканные и обезпеченые королемъ и Іезуитами, уѣхали изъ Кракова (360) и прибыли въ Римъ въ Ноябрѣ того же года (361). — Папа Климентъ VIII, напередъ уже извѣщенный объ Уніи Литовской и придавая этому событію значеніе обще-Русское (362), старался, какъ можно больше, выказать передъ Западно-Русскими Епископами свою благосклонность къ нимъ и величіе Папскаго престола. Послы сперва допущены были къ нему въ частной ау-

діецій для предварительныхъ совѣщаній по дѣлу Уніи, а потомъ — для утвержденія ея въ торжественномъ собраніи всѣхъ кардиналовъ и другихъ сановниковъ Папскаго двора. — Двукратное поклоненіе Папѣ, сперва при входѣ въ залу Ватикана, а потомъ у престола, на которомъ сидѣлъ Климентъ и, наконецъ, цѣлованіе ногъ Папы были первыми знаками подчиненія ему Западно-Русскихъ Святителей; но въ тоже время были и первымъ явнымъ уклоненіемъ Поцѣя и Терлецкаго отъ соборной грамоты, въ которой говорилось, что если Папа изъявитъ согласіе (очевидно не наединѣ, а торжественно) на предложенные пункты Уніи и обѣщаетъ (опять не наединѣ, а открыто, въ собраніи) за себя и за своихъ преемниковъ — никогда не нарушать ихъ; тогда любезная братія (Ипатій и Кириллъ) поклонятся ему. — Далѣе, для формы Поцѣй и Терлецкій прочитали соборную грамоту Западно-Русскихъ Іерарховъ и чтобы хотя сколько-нибудь сообразоваться съ ея предписаніями, просили Папу сохранить непарушимо обряды Западно-Русской Церкви, по обрядамъ они дали самое частное значеніе; потому что при этомъ перечисляли частныя въ нихъ разности Восточной Церкви отъ Римской, не ограждая цѣлости всѣхъ обрядовъ и вовсе не говоря о сохраненіи вѣры вообще (363), о чемъ говорится въ грамотѣ,—это второе уклоненіе отъ собственнаго обязательства. Но Поцѣй и Терлецкій не остановились на этомъ. Они рѣшились дѣйствовать съ неограниченнымъ произволомъ и измѣнить своей Церкви отъ догмата до самаго несущественнаго обряда. Исповѣданіе вѣры, произнесенное ими въ присутствіи Папы и всего конклава съ клятвою —

сохранить его всегда, — заключаетъ въ себѣ краткое изложеніе всего ученія, обрядовъ и учрежденій Римской Церкви, такъ что безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что Поцѣй и Терлецкій приняли не Унію Флорентійскую, какъ многіе ошибочно думаютъ до сихъ поръ, но чистое Латинство (364). — И такое исповѣданіе они произносили отъ имени всѣхъ Іерарховъ, духовенства и мірянъ Западно-Русской Церкви и еще болѣе, отъ всѣхъ Россіянъ!—Папскій секретарь привѣтствовалъ Поцѣя и Терлецкаго, какъ единовѣрныхъ отъ лица Папы и всей Римской Церкви. Въ память такого славнаго событія — возсоединенія, будтобы, всѣхъ Русскихъ выбита была медаль съ надписью: Ruthenis receptis (на возсоединеніе Русскихъ) (365), а виновникамъ его — Поцѣю и Терлецкому учреждаемы были богатыя празднества (366). Вскорѣ однако значительно уменьшилось въ Римѣ торжество по случаю Уніи. Поцѣй и Терлецкій получили изъ Литвы самыя дурныя вѣсти и принуждены были сообщить Папѣ имена виновниковъ ихъ (367). Они доложили, что Гедеонъ Львовскій и Михаилъ Перемышльскій отказались отъ Уніи. Кто не былъ обманутъ теперь въ дѣлѣ Уніи, не можемъ никакъ доискаться, — развѣ только одни Литовскіе Іезуиты! За предѣлами гроба, передъ судомъ Божіимъ вся тяжесть этого обмана пала на Іезуитовъ и взлелѣянныхъ ими дѣтищъ — Поцѣя и Терлецкаго; но въ жизни, передъ судомъ человѣческимъ она легла и на многихъ неповинныхъ, а всю тяжесть этого обмана понесъ на своихъ плечахъ несчастный Западно-Русскій народъ, сначала съ рѣшительнымъ и необычайно — упорнымъ намѣреніемъ сбросить ее на

главу ея виновниковъ, но потомъ, мало по малу, ослабѣвая и покаряясь ея неотразимому гнету.

Въ Литвѣ, какъ мы уже замѣчали, событіе это вызывало самыя неблагопріятныя для Уніи чувства и дѣйствія. — Здѣсь поднялось грозное волненіе, которое готовилось подавить Унію прежде, чѣмъ она будетъ объявлена всенародно, на соборѣ. — Слухи объ измѣнѣ Вѣрѣ всѣхъ Владыкъ и о самовольныхъ уступкахъ Римскимъ Католикамъ Поцѣя и Терлецкаго въ Краковѣ и потомъ въ Римѣ быстро разносились въ Литвѣ и приводили въ ужасъ и негодованіе всѣхъ Православныхъ, дорожившихъ древнимъ Православіемъ, какъ завѣтною святынею предковъ и единственнымъ успокоеніемъ души среди гоненій и бѣдствій отъ Латинянъ (368). Переписывались знаменитые вельможи — Патроны Церкви (369), собирались и переписывались Братства (370), раздавалась съ церковныхъ каѳедръ сильная проповѣдь на тексты объ Антихристѣ и послѣдней кончинѣ міра. Особенно сильно заговорили Братскіе проповѣдники, мрежду которыми больше другихъ выдвигался скромный клирикъ Стефанъ Зизаній. Народъ съ жадностію слушалъ эти проповѣди и вѣрилъ каждому слову. Унія теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, находила себѣ сочувствіе въ Литовско-Русскомъ народѣ. Распространилось убѣжденіе, что она влечетъ за собою ниспроверженіе всего Восточнаго Православія, что теперь вездѣ введено будетъ Латинство. Къ этому убѣжденію присоединилось естественно и другое — что Іерархи Западно-Русской Церкви — предатели Православія, что они теперь недостойны своего сана и повиновенія со стороны Паствы (371). Пользл

осуждать такого приговора народа Литовско-Русскаго. Всѣ пастыри Западно-Русскіе тогдашняго времени (1595 г.) болѣе или менѣе участвовали въ Уніи и были виновны въ ней, хотя, какъ мы видѣли, не въ одинаковой мѣрѣ и главное, почти всѣ они жестоко были обмануты. Но тогда было трудно и даже невозможно опредѣлять степень виновности каждаго изъ нихъ и, судя поэтому, осуждать одного болѣе, другого менѣе, третьему прощать все. Дѣло Уніи происходило скрытно и коварно; трудно было отличить вѣрные слухи отъ ложныхъ, а улики явныя, несомнѣнныя были не у всѣхъ. Даже лучшіе люди того времени, отъ которыхъ не могло укрыться дѣло Уніи, многаго не знали и многое смѣшивали (372). Неудивительно послѣ этого, что обличенія ревнителей Западно-Русской Церкви противъ Владыкъ не всегда были справедливы, а это по нашему убѣжденію и было главною причиною успѣха Уніи.

Среди этого волненія и приготовленій къ упорной борьбѣ съ врагами Вѣры, Митрополитъ Михаилъ Рогоза, какъ естественно было и ожидать, находился въ самомъ затруднительномъ положеніи, и если можно думать, что виновники Уніи навѣрное расчитывали, что Митрополитъ будетъ приведенъ къ ней силою обстоятельствъ; то, поистинѣ, они не могли избрать лучшаго къ тому средства, какъ совершенно предоставить его силѣ этихъ обстоятельствъ—въ жертву отчаянія. Какъ высшій пастырь Западно-Русской Церкви, онъ первый долженъ былъ дать Православнымъ отчетъ въ дѣйствіяхъ подчиненныхъ ему Епископовъ и первый отвѣчать за весь ходъ Уніи.—Онъ теперь первый и подвергся нареканіямъ и обличеніямъ. Особенно сильно и не-

утомимо преслѣдовалъ его своими проповѣдями Стефанъ Зизаній (373). Но не съ этой стороны Митрополиту не было покоя. Къ нему отовсюду шли запросы отъ всѣхъ Братствъ, отъ Ѳеодора Скумина и князя Острожскаго, дѣлается ли съ его вѣдома и по его приказанію все то, что дѣлаютъ Епископы (374). Митрополитъ, какъ мы видѣли, принималъ участіе въ Уніи, но не разъ отказывался отъ нея и старался было остановить поѣздку въ Римъ Поцѣя и Терлецкаго. Теперь онъ не желалъ и не думалъ вводить Уніи и мы не можемъ не раздѣлить такого убѣжденія съ умнѣйшимъ и самымъ свѣдущимъ человѣкомъ того времени ,Львовскимъ Братскимъ священникомъ—авторомъ Перестроги, который высказываетъ твердую увѣренность въ томъ, что теперь Митрополитъ чуждался Уніи (375).—Не желая Уніи и старался оправдаться передъ Православными, Митрополитъ написалъ окружную грамоту, въ которой слагалъ съ себя всякую отвѣтственность за дѣла Поцѣя и Терлецкаго, изъявлялъ готовность пострадать за Православную Вѣру и убѣждалъ всѣхъ стоять въ ней твердо, не обольщаясь ничѣмъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ и въ окружной грамотѣ и въ письмахъ къ Ѳеодору Скумину и князю Острожскому, что всѣ слухи объ его намѣреніи измѣнить Православію — ложны. Есть извѣстіе, что онъ даже донесъ Патріарху о самовольныхъ дѣйствіяхъ Поцѣя и Терлецкаго (376). Но всѣ его усилія оправдаться были напрасны. Однажды пробужденное подозрѣніе въ такомъ важномъ дѣлѣ—подозрѣніе въ измѣнѣ Вѣрѣ первыхъ ея защитниковъ и хранителей не легко могло уничтожиться. Обстоятельства, между тѣмъ, какъ нельзя болѣе, усп-

ливали и подтверждали это подозрѣніе. Православные мало знали или не обращали вниманія на то, что Митрополитъ, не смотря на всѣ убѣжденія короля принять Унію, взялъ отсрочку на раздумье, просилъ совѣта Ѳеодора Скумина, князя Острожскаго и, не видя въ нихъ согласія, а въ Поцѣѣ и Терлецкомъ замѣчая готовность предать измѣнническски Вѣру на произволъ Латинянъ, запретилъ виновникамъ Уніи ѣхать въ Римъ. Этого, говоримъ, Православный народъ незналъ хорошо или не счелъ нужнымъ разслѣдовать, но теперь всѣ почти узнали, что есть какія—то грамоты на Унію самого Митрополита, писанныя къ королю,—очевидно, пункты Уніи, посланные Сигизмунду черезъ Замойскаго и потомъ черезъ Поцѣя,—грамоты, о которыхъ, опять говоримъ, не разсуждали и не могли разсуждать,—когда они писаны и признаётъ ли ихъ теперь Митрополитъ дѣйствительными; но всѣмъ было ясно, что и Митрополитъ причастенъ Уніи и что, какъ первый Пастырь, онъ во всемъ виновенъ. Поэтому, грамотѣ Митрополита защитительной не повѣрили, продолжали осуждать его и готовили ему судъ, ожидая съ величайшимъ нетерпѣніемъ Патріаршаго Экзарха, о которомъ писали многократно прозьбы Патріарху (377). Никто не заговорилъ ни слова въ пользу Митрополита, ни князь Острожскій, ни даже другъ Михаила Ѳеодоръ Скуминъ: всѣ теперь, какъ и прежде, требовали отъ него одного—созвать соборъ (378). Цѣль этого собора была понятна. На немъ Митрополитъ долженъ былъ или осудить всѣхъ виновниковъ Уніи и рѣшительною мѣрою положить конецъ ей или, въ противномъ случаѣ, ожидать себѣ суда. Самому Митропо-

литу необходимо нужень былъ этотъ соборъ, если не для осужденія Уніи и ея виновниковъ, то для защищенія себя отъ сильныхъ нареканій, которыя возрастали со дня на день и грозили его безопасности.—Уступая этому всеобщему требованію и самъ надѣясь отыскать послѣднее убѣжище, Митрополитъ снова обратился къ Сигизмунду съ прозьбою дозволить соборъ (379).

Посмотримъ теперь, какъ понималъ Сигизмундъ дѣла Литвы и какъ исполнялъ всеобщія требованія цѣлаго народа Литовско-Русскаго.—Онъ все зналъ, что дѣлалось въ Литвѣ и имѣлъ полную возможность видѣть со всею ясностію, что задуманная Іезуитами Унія не встрѣчаетъ никакого сочувствія въ томъ народѣ, для котораго, очевидно, должна была бы служить средствомъ къ вѣчному спасенію и мирной жизни съ Латинянами. Но не въ правилахъ Іезуитскихъ было обращать вниманіе на сочувствія и требованія народныя, какъ бы они ни были законны. Какъ наука, такъ и жизнь по правиламъ Іезуитскимъ никогда не имѣли никакой связи съ сочувствіемъ и требованіями народовъ (380) и развѣ тогда только прикрѣплялись къ нимъ, когда Іезуитскими же козиями инстинкты и требованія народныя дѣлались нечистыми, порочными,— тогда только наука и жизнь Іезуитская сливались съ ними, т. е. когда между наукою, жизнію Іезуитскою и инстинктами и требованіями народными устанавливалась такая связь и такое единство, какое бываетъ между зломъ и зломъ. Этими началами, конечно, безсознательно руководствовался Сигизмундъ во всю свою жизнь: имъ онъ строго слѣдовалъ и въ настоящія вре-

мена.—Онъ, говоримъ, видѣлъ ясно всеобщее отвращеніе отъ Уніи и всеобщія нареканія на виновниковъ ея; но нисколько не обратилъ на это того вниманія, какое обращаютъ на голосъ народа Государи мудрые и благородные, обязанные къ этому и Богомъ и людьми и собственною выгодою. Онъ, напротивъ, издавалъ универсалы то въ пользу того или другого участника въ Уніи, то въ пользу всѣхъ ихъ и каждаго, кто согласится на Унію (381). Когда же это нечистое средство не производило ожидаемаго вліянія на народъ, напротивъ еще сильнѣе раздражало его; тогда Сигизмундъ обратился къ строгости и запрещалъ всѣмъ мірянамъ вмѣшиваться въ дѣло церковное, основывая это запрещеніе на томъ началѣ, что міряне не должны сами разсуждать о дѣлахъ Вѣры, а обязаны идти за своими Пастырями, куда тѣ укажутъ имъ (382). Но народъ очень ясно понималъ, что король святую заповѣдь Церкви превращаетъ въ настоящемъ случаѣ въ пустой софизмъ, который теперь опровергали тѣже самыя лица, которымъ король повелѣвалъ повиноваться. Два Епископа отступились отъ Уніи и осуждали ее, какъ этимъ дѣйствіемъ своимъ, такъ и всѣмъ извѣстными протестами. Самъ Митрополитъ, подозрѣваемый въ Уніи всѣми, теперь говорилъ противъ нее.—Православные не обратили вниманія какъ на привилегіи, такъ и на запрещенія короля и на тѣ и другія отвѣчали многочисленными протестами противъ Уніи, которыми вездѣ наполнялись Магистраты (383). Народъ волновался больше прежняго и развѣ только глубоко сродившаяся съ нимъ Славянская особенность — покорность предержащей власти—избавила Литву отъ кро-

вопролитія изъ за Уніи раньше, чѣмъ введена была Унія.

Вѣроятно, сильная боязнь этого кровопролитія побудила Сигизмунда исполнить всеобщее желаніе — созвать соборъ; но онъ исполнилъ его такъ, что Православные не имѣли никакой возможности воспользоваться этимъ соборомъ какъ желали; напротивъ соборъ этотъ, какъ увидимъ, нанесъ ударъ самымъ неутомимымъ обличителямъ Уніи и—ея виновниковъ. Недавній опытъ научилъ Сигизмунда недопускать всеобщаго собора или съѣзда—духовныхъ и мірскихъ лицъ. Поэтому, онъ дозволилъ Митрополиту составить соборъ въ Новогрудкѣ только изъ духовенства (384), и то не всего, а лишь своей Эпархіи, почему Митрополитъ разослалъ не окружную грамоту во всѣ Епископіи отъ себя, непосредственно, а послалъ грамоту къ своему Протонотарію, который долженъ былъ повѣстить подвѣдомственное ему духовенство (385). Впрочемъ, король-ли, или самъ Митрополитъ сдѣлали исключеніе для двухъ Епископовъ—Гедеона Львовскаго, перешедшаго, какъ мы говорили, на сторону Православныхъ, и Германа или Григорія, Еп. Полоцкаго, бывшаго прежде Протонотаріемъ у Митрополита и, слѣдовательно, близкаго къ нему человѣка.—Время собора назначено на 25 Генваря 1596 года (386).—Предосторожности короля готовы были, однако, разрушиться. Такъ какъ грамота разослана была слишкомъ рано—въ Октябрѣ 1595 г., то о соборѣ узнали очень многіе духовные и свѣтскіе. Носились слухи, что на соборъ прибудетъ князь Острожскій и другіе знаменитые вельможи. Виленское Братство поспѣшило также воспользоваться этими слу-

хами, хотя къ нему не была прислана грамота (387). Но и эти слухи и желаніе Братства быть на соборѣ не оправдались. Ни князь Острожскій, ни другіе вельможи не посмѣли возстать противъ короля, а Братство Виленское опоздало пріѣхать на соборъ, хотя чрезвычайно спѣшило, имѣя побужденіе больше всѣхъ быть на этомъ соборѣ, какъ сейчасъ увидимъ.—Соборъ не многочисленный, стѣсненный королевскими распоряженіями, походилъ, какъ выражается Виленское Братство, не на соборъ, а на *пьяное смятеніе* (388). Что же произвело это смятеніе? Не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о совѣщаніяхъ этого собора, но по соображенію нѣсколькихъ актовъ, объясняющихъ дѣйствія его, оказывается слѣдующее. Стефанъ Зизаній, какъ мы говорили, громче всѣхъ говорилъ объ измѣнѣ Владыкъ и коварствѣ Латинянъ. Молодой, смѣлый проповѣдникъ не щадилъ никого и безпощадно обличалъ истину.— Въ своихъ проповѣдяхъ онъ называлъ тогдашнее время временемъ антихриста, читалъ объ этомъ одно слово Св. Кирилла Іерусалимскаго (15-е огласительное) и поясняя его называлъ, по примѣру Протестантовъ, Папу—антихристомъ, а Латинянъ и своихъ Владыкъ—его слугами. Въ тоже время онъ написалъ объясненіе Никейскаго собора, въ которомъ опровергалъ главенство Папы и другія нововведенія Римской Церкви. Проповѣди его и объясненіе Никейскаго собора въ томъ же 1595 году были напечатаны въ Вильнѣ и пущены въ народъ (389). Понятно, какое впечатлѣніе они должны были произвесть на Латинянъ (390), на Митрополита и на всѣхъ остальныхъ Владыкъ, не исключая самого Гедеона Болобана, въ искренность обращенія котораго

Православные теперь не очень еще вѣрили (391).— Соборъ Новогрудскій и занялся разсмотрѣніемъ сочиненій Зизанія и отлучилъ его за неправославное ученіе, какъ сказано въ соборной грамотѣ (392).—Конечно, на основаніи этой грамоты и еще лучше—самаго дѣла Стефана Зизанія можно много строить теорій о Іезуитскомъ планѣ дѣйствій Михаила и объ его давнемъ, по скрытомъ усердіи къ Уніи; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что на соборной грамотѣ подписанъ и Гедеонъ, тогда уже отставшій отъ Уніятовъ.— Все, что мы можемъ сказать объ этомъ соборѣ—это то, что онъ дѣйствовалъ по своекорыстнымъ видамъ главныхъ лицъ, присутствовавшихъ на немъ и рѣшительно не оправдалъ возбужденныхъ ожиданій Православнаго народа.—Впрочемъ, и своекорыстные виды не много были удовлетворены. Виленское Братство подало протестъ противъ опредѣленій этого собора (393), и очень справедливый, потому что на немъ Стефанъ Зизаній и два священника Братскіе были осуждены заочно, вопреки правиламъ церковнымъ,—и когда этотъ протестъ не могъ имѣть силы, потому что послѣдовала королевская грамота, также осуждавшая отлученныхъ соборомъ (394); то Виленское Братство взяло своихъ проповѣдниковъ подъ свою сильную защиту и охраняло ихъ безопасность, не смотря ни на соборное опредѣленіе, ни даже на всеобщій, обращенный ко всей Литвѣ (?!) универсалъ короля.—Сильное слово обличителей измѣны виновниковъ Уніи и коварства Латинянъ раздавалось еще сильнѣе и теперь противъ Митрополита было не только общее всѣмъ негодованіе за гибель Церкви, но и личная вражда.—Положеніе его

сдѣлалось безвыходнымъ. Совѣсть говорила въ немъ противъ Уніи вообще и въ особенности противъ Уніи Поцѣя и Терлецкаго; онъ готовъ былъ отказаться отъ той и другой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всѣхъ личныхъ выгодъ, которыя такъ щедро расточалъ король передъ его сильнымъ самолюбіемъ; но недовѣрчивость и негодованіе Православныхъ преслѣдовали его на каждомъ шагу.—Такъ сильна была ненависть Православныхъ къ Уніи и къ людямъ, которыхъ они считали измѣнниками Православной Вѣры. Волненіе Литовско-Русскаго народа въ то время было такъ велико и такъ ясно предвѣщало всеобщее бѣдствіе, что даже многіе изъ Поляковъ—Латинянъ болѣе умные и добросовѣстные съ негодованіемъ смотрѣли на Унію и на Варшавскомъ коронномъ сеймѣ 1596 г. (раньше собора Брестскаго) много было распрей по этому случаю (395).

Въ этомъ волненіи Литовско-Русскаго народа, въ этихъ его усиліяхъ поразить виновниковъ Уніи нельзя не видѣть, повторяемъ, разительнаго доказательства его горячей любви къ Вѣрѣ отцовъ; но нельзя не замѣтить здѣсь и одной темной стороны, которая не замедлила отразиться въ ближайшихъ событіяхъ.—Разгоряченная ревность къ Вѣрѣ лишила защитниковъ Православія возможности спокойно и зрѣло обдумывать средства къ защитѣ этой Вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ дала возможность врагамъ довести дѣло до конца и спасти Унію отъ гибели, которая по всѣмъ расчетамъ казалась неминуемою. Даемъ себѣ право также сказать, что эта же разгоряченная ревность лишила Православныхъ Митрополита, котораго одинъ санъ, одно имя слишкомъ много значили какъ для Православія, такъ и для Уніи.—

Все это отразилось ясно въ томъ неоспоримомъ и для каждаго убѣдительномъ фактѣ, что Православные упустили лучшій случай поразить Унію въ отсутствіе Поцѣя и Терлецкаго. Теперь же когда тѣ возвратились изъ Рима, было уже со всѣмъ другое. Всѣ враги теперь стали лицомъ къ лицу и правое дѣло цѣлаго Литовско-Русскаго народа должно было пасть; потому что обѣ стороны сражались неравнымъ оружіемъ,—Православные открыто, именемъ закона, совѣсти и только угрозою возстанія, а виновники и поборники Уніи— скрытностію, коварствомъ и юридически — законною силою гражданскою.

Мы говорили, что еще въ Римъ пришли къ Поцѣю и Терлецкому дурныя вѣсти о ходѣ Уніи въ Литвѣ и возмутили ихъ радость среди пиршествъ въ кругу кардиналовъ. Поцѣй и Терлецкій обратили на эти вѣсти должное вниманіе и послали письмо къ Краковскому Архіепископу, котораго умоляли принять мѣры къ ихъ безопасности (396). — Какія были приняты новыя мѣры къ безопасности Поцѣя и Терлецкаго, не знаемъ. Очень можетъ быть, что по этому письму запрещено было мірянамъ являться на Новогрудскій соборъ, о которомъ мы уже говорили. — Но успѣха было мало и Поцѣй и Терлецкій, возвратившись изъ Рима, поражены были настроеніемъ умовъ (397) и въ особенности дѣйствіями Митрополита. Они теперь и приступили къ нему съ увѣщаніями и мольбою не отставать отъ Уніи (398) и видно не мало успѣли какъ въ этомъ, такъ и въ козняхъ противъ всѣхъ Православныхъ, когда согласились на вновь раздавшееся требованіе цѣлаго народа, чтобы непремѣнно былъ

всеобщій соборъ какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ людей или, какъ тогда выражались, — съѣздъ для примиренія обѣихъ сторонъ, т. е. Православныхъ и принявшихъ Унію, къ которымъ причислялись и Латиняне, — иначе невозможно и думать, чтобы король, Іезуиты и Поцѣй съ Терлецкимъ — рѣшились допустить такой съѣздъ, еслибы не расчитали, что успѣютъ въ своемъ дѣлѣ, — Уніи.

Не можемъ опять не остановиться на этихъ событіяхъ. — Они опять ясно показали, что Унія не находитъ себѣ сочувствія въ народѣ и можетъ быть введена только развѣ насиліемъ, ибо обманывать уже, казалось, было невозможно. Прежде, многіе изъ Православныхъ смотрѣли на Унію, какъ на неизбѣжное средство къ прекращенію невыносимыхъ притѣсненій, со стороны ожесточенныхъ Іезуитами Латинянъ, надѣясь при этомъ, что Унія будетъ состоять въ одномъ внѣшнемъ подчиненіи Папѣ. Теперь всѣ увидѣли, что ею прикрываются только низкіе виды Владыкъ, измѣнившихъ своему долгу, планы Польскаго Правительства и Римскаго духовенства враждебные Вѣрѣ и народности Литовско-Русскаго народа.—Всѣ убѣдились, что Унія — величайшее зло для Западно-Русской Церкви и влечетъ за собою неизчислимыя бѣдствія для народа: потому-то Православные Русины и противодѣйствовали этому злу съ такою горячностію и такъ пламенно желали охранить святой Завѣтъ Востока, сродившійся съ ихъ жизнію. Такъ смотрѣли на Унію Православные еще прежде, чѣмъ она была обнародована на соборѣ 1596 года (399) и мы скоро увидимъ всю справедливость этого взгляда, — увидимъ, какое

неизмѣримое зло внесла Унія не только въ Западно-Русскую Церковь, но и въ Литовско-Польское государство. Но не такъ смотрѣли на Унію первые ея виновники — Іезуиты. Для нихъ Унія въ настоящемъ своемъ видѣ, — въ томъ видѣ, въ какомъ ее приняли въ Краковѣ и въ Римѣ Поцѣй и Терлецкій, — была величайшимъ дѣломъ, достойнымъ самыхъ напряженныхъ усилій. Они останавливали свои взоры не на ближайшихъ событіяхъ — бѣдствіяхъ народа и государства, а на послѣдней цѣли, къ которой должна была вести Унія Литовско-Русскій народъ подъ ихъ руководствомъ. И нельзя не согласиться, что Іезуиты по ихъ понятіямъ и правиламъ имѣли вѣрный взглядъ на Литовскую Унію. Она сдѣлала чистыми Латинянами и Поляками тысячи душъ — Православныхъ по Вѣрѣ и Русскихъ по народности, а для такой цѣли чего не сдѣлаютъ Іезуиты! Взгляда Іезуитовъ держалась большая часть воспитанныхъ ими Поляковъ, которыхъ тогда уже было много и въ самой Литвѣ — и прежде всѣхъ такъ смотрѣлъ на Унію самъ король — лучшій воспитанникъ и слуга Іезуитовъ. Какъ Государь, онъ долженъ былъ бы первый безпристрастно оцѣнить Унію и взвѣсить ея послѣдствія по крайней мѣрѣ теперь, когда приходилось принимать послѣднее рѣшеніе — вводить или не вводить ее. — Данныхъ для такихъ соображеній было слишкомъ много. Но, повторяемъ, Сигизмундъ не имѣлъ своего образа мыслей и своихъ дѣйствій: онъ думалъ и дѣйствовалъ, какъ думали и дѣйствовали Іезуиты. Поэтому, какъ ни грозно было волненіе народа, какъ ни ясно всѣ предвидѣли бѣдствія Уніи, Сигизмундъ рѣшился ввести ее, и какъ

только узналъ, что Поцѣй подготовилъ дѣло, — дозволилъ (14 Іюня 1596 г.) общій съѣздъ Православныхъ, Уніятовъ и Латинянъ какъ духовнаго, такъ и мірскаго чина (400). Предосторожности взяты были слѣдующія: на соборъ запрещено являться Лютеранамъ и никто изъ вельможъ не долженъ былъ имѣть при себѣ вооруженной силы (401). По областямъ разосланы грамоты, чтобы никто не вмѣшивался въ дѣла, подлежащія духовной власти, чтобы не происходили нигдѣ мятежи и не предпринимались ни тайныя, ни явныя мѣры противъ Митрополита (402). Временемъ открытія собора грамотою Митрополита назначено 6-е Октября 1596 года (403).

Никогда въ Западно-Русской Церкви не было собора, который представлялъ бы собою такую торжественность и величіе, какъ соборъ 1596 года, въ Брестѣ Литовскомъ. На этотъ соборъ прибыли: Никифоръ-Экзархъ Константинопольскаго Патріарха въ Литвѣ и во всемъ Константинопольскомъ Патріархатѣ, человѣкъ извѣстный многимъ даже Латинянамъ своею ученостію и сильными связями въ Константинополѣ (404); Кириллъ Лукарисъ-Экзархъ Александрійскаго Патріарха; Западно-Русскій Митрополитъ Михаилъ съ семью Епископами; Лука Митрополитъ Велиградскій; два Архимандрита съ Святой Горы — Макарій и Матоей; множество Архимандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ Западно-Русской Церкви; далѣе князь Острожскій съ сыномъ—Воеводою Волынскимъ и многочисленною свитою, — послы отъ всѣхъ областей и множество людей всякаго чина и званія (405). Представителями Латинянъ были: главнѣйшіе двигатели Уніи—Луцкій Епи

скопъ Бернардъ Мацѣёвскій, Епископъ Львовскій Димитрій Соликовскій съ Іезуитами, Станиславъ Гомолинскій Епископъ Хелмскій; потомъ, Гетманъ Литовскій князь Николай Радзивиллъ, Канцлеръ Литовскій Левъ Сапѣга и Подскарбій Литовскій Димитрій Халецкій—тоже со свитами (406). Всѣ съѣхавшіеся на соборъ немедленно раздѣлились на двѣ половины. Латиняне соединились съ будущими Уніятами—Поцѣемъ и другими Епископами, неотказавшимися отъ Уніи и взяли чуть-ли не подъ стражу Михаила Рогозу (407).—Патріаршіе Экзархи и другіе представители Восточной Церкви соединились съ двумя Западно-Русскими Епископами—Гедеономъ Львовскимъ, Михаиломъ Перемышльскимъ, князьями Острожскими, послами областными; къ нимъ присоединились почти всѣ духовные и мірскіе представители Православной Западно-Русской Церкви (408). Обѣ половины представляли собою грозное ополченіе; шатры и пушки покрывали окрестности Бреста и когда обѣ стороны измѣрили взаимныя силы, то перевѣсъ на сторонѣ Православныхъ былъ такъ великъ во всѣхъ отношеніяхъ, что привелъ въ ужасъ Уніятскую половину и она обратилась съ тревожными вопросами къ князю Острожскому. Но благородный, благочестивый князь увѣрилъ ее, что спокойствіе не будетъ нарушено (409) и мы думаемъ, что слово князя было выраженіемъ мыслей большинства Православныхъ. Они такъ были увѣрены въ правотѣ своего дѣла и въ сочувствіи цѣлаго народа, что никакъ не думали обращаться къ силѣ безъ прямого вызова противной стороны и, какъ увидимъ сейчасъ, даже совершенно пренебрегли этою силою. Собираясь около Патріаршихъ Экзарховъ, двухъ

своихъ Епископовъ и всего духовенства, они, выжидали, пока Митрополитъ, согласно всегдашнему обычаю, назначитъ имъ мѣсто для собора (410). Но сейчасъ оказалось, что ихъ благородное обѣщаніе не нарушать спокойствія подало поводъ противной сторонѣ устроить противъ нихъ козни. Митрополита не пускали къ нимъ и укрывали отъ всѣхъ поисковъ. Православные узнали, что его даже окружаетъ военная сила. Мало того, они узнали, что Поцѣй, какъ мѣстный Епископъ, приказалъ запереть всѣ Церкви, чтобы лишить соборъ Православный приличнаго мѣста и будущія его дѣйствія церковнаго освященія (411).—Связанные благороднымъ словомъ князя они не посмѣли употребить силу и рѣшились избрать для собора частный домъ, какой можно было найти въ Брестѣ пообширнѣе. — Такой домъ предложили Протестанты (412). — Православные раздѣлились на двѣ половины — духовную и мірскую, установили порядокъ засѣданій въ обѣихъ половинахъ и, освятивъ залу духовнаго собора приличнымъ молитвословіемъ, приступили къ дѣлу (413).—Дѣйствія этого собора въ обѣихъ его половинахъ (духовной и мірской) поражаютъ насъ изумительно – вѣрнымъ знаніемъ церковныхъ и гражданскихъ—Литовско-Польскихъ законовъ и еще болѣе изумительно-строгимъ исполненіемъ ихъ. Всѣ увидѣли теперь, что Митрополитъ и окружавшіе его Епископы предаютъ Латинянамъ свою Церковь и слѣдовательно, подлежатъ суду. Судъ этотъ Православные считали въ правѣ произвести надъ высшимъ своимъ Іерархомъ и Епископами теперь, потому что имѣли на сторонѣ своей представителей Восточныхъ Патріарховъ, уполномоченныхъ произвесть этотъ судъ; —

слѣдовательно, на сторонѣ Православныхъ были судьи по власти выше Митрополита и всѣхъ Западно-Русскихъ Епископовъ, если бы даже съ Митрополитомъ дѣйствовали за одно всѣ Епископы—и Гедеонъ и Михаилъ Перемышльскій.—Званіе Никифора Патріаршаго Экзарха не подлежало никакому сомнѣнію, потому что сами Православные просили Патріарха прислать его въ Литву (414) и теперь имъ представлена была грамота собора всѣхъ Іерарховъ Восточной Церкви, утверждавшая Никифора въ званіи Протосинкелла и Экзарха (415); были далѣе здѣсь лица съ Востока, которые лично знали самаго Никифора и видѣли его грамоту на этотъ санъ (416). Даже сами поборники Уніи совершенно были увѣрены въ дѣйствительности сана Никифора и высказывали сначала гласно такую увѣренность. Они расточали передъ нимъ почести и чувства дружескія, пока не убѣдились, что Никифора нельзя склонить къ Уніи (417).—Имѣя на своей сторонѣ такую строго-каноническую законность власти, Православные не колебались ни минуты ввѣрить этой власти судъ надъ дѣлами Церкви Западно-Русской и каждое дѣйствіе этой канонически-законной власти возвышало въ нихъ довѣріе къ собору.—Экзархъ Никифоръ черезъ пословъ позвалъ Митрополита на судъ, согласно съ церковными правилами судить виновнаго лично. Посланные не находили его; соборъ продолжалъ посылать ихъ для новыхъ поисковъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ посольствъ, Митрополита, наконецъ, нашли въ кругу Латинянъ и получили отвѣтъ, что онъ не явится на соборъ Православныхъ (418). Соборъ теперь имѣлъ право судить виновнаго и заочно также по церковнымъ

правиламъ. Выбранный отъ собора прочиталъ грамоты Никифора къ Митрополиту съ убѣжденіемъ не приставать къ Уніи, писанныя—одна до пріѣзда на соборъ, другая—въ день самаго пріѣзда (419); затѣмъ прочитаны были всѣ «позвы» Митрополиту и послѣдній его отвѣтъ. Виновность его и единомышленныхъ съ нимъ Епископовъ не подлежала никакому сомнѣнію. Но такъ какъ осуждая Митрополита и единомышленныхъ съ нимъ Епископовъ нужно было вмѣстѣ съ тѣмъ и даже, главнымъ образомъ, осудить и Унію; то члены собора, оставивъ въ сторонѣ виновниковъ ея, занялись рѣшеніемъ вопроса объ Уніи. Сдѣлано было опроверженіе ея (420) и затѣмъ духовный соборъ обратился къ мірской половинѣ и потребовалъ ея мнѣній. Съѣздъ Православныхъ мірянъ прочиталъ посольскія инструкціи отъ всѣхъ областей и представилъ духовному собору единогласное мнѣніе, что Уніи не желаетъ весь Литовско-Русскій народъ (421). Тогда соборъ приступилъ къ окончательному рѣшенію: виновные въ Уніи—Митрополитъ и Епископы осуждены на низложеніе съ каѳедръ (422). Опредѣленіе собора послано къ виновнымъ (423); затѣмъ, всѣ члены собора составили протестъ противъ Уніи и Владыкъ, принявшихъ ее (424), и отправили къ королю послов съ прозьбою назначить имъ новыхъ Іерарховъ (425).

Сторона Уніятская дѣлала какъ бы подражаніе Православному собору, но самое слабое и крайне-неудачное, несмотря на святость мѣста, въ которомъ производила свои дѣйствія (въ Каѳедральной Церкви Св. Николая). Въ страхѣ отъ Православныхъ будущіе Уніяты окружили себя военною силою, и вопреки всѣмъ

правилам Церкви допустили въ качествѣ членовъ собора иновѣрцевъ–Латинянъ (426). Далѣе, подобно Православнымъ, они считали нужнымъ снестись съ непринявшими Уніи; но сносились частнымъ образомъ, не съ собора и не черезъ грамоту, а словесно, посредствомъ иновѣрцевъ–Латинянъ (427). На основаніи этихъ частныхъ и канонически незаконныхъ сношеній, они сочли неучаствовавшихъ въ Уніи виновными, руководствуясь при этомъ не обличеніемъ ихъ и ихъ формально – высказаннымъ отвѣтомъ, а тѣмъ убѣжденіемъ, что Уніи всѣ упорно противятся. Еще далѣе, Православный соборъ разсуждалъ объ Уніи и опровергалъ ее. Уніятскому собору нельзя было разсуждать объ ней и вести преній: Унія давно была рѣшена безъ собора и теперь утверждена была уже Папою; разсуждать было не объ чемъ и Уніятскій соборъ, ограничился чтеніемъ Папской утвердительной грамоты на Унію (428). Наконецъ, Православный соборъ, слѣдуя вполнѣ соборнымъ правиламъ (429), допустилъ совѣщательное участіе мірянъ, потому что дѣло касалось всего народа и его гражданскихъ отношеній къ Церкви. Уніятскому собору не кого было спрашивать о мнѣніи народа, потому что на немъ не было ни одного земскаго посла (430). Поэтому Уніятскій соборъ только объявилъ Унію, какъ дѣло рѣшенное, и представилъ отъ себя тоже протестъ королю противъ непринявшихъ Уніи, съ прозьбою низложить силою виновныхъ Епископовъ и принять мѣры противъ народа (431).

Такимъ образомъ мы видимъ, что общій съѣздъ разногласящихъ сторонъ, собравшійся для примиренія ихъ въ дѣлахъ Вѣры, какъ предполагалось въ универ-

салѣ короля и въ грамотѣ Митрополита, вовсе не достигъ этой цѣли; онъ раздѣлился на двѣ половины — Православную и Латинствующую, которыя остались еще болѣе враждебными и каждая по своему рѣшила дѣло Уніи, — одна отвергла ее, другая приняла. Значитъ, произнести окончательный приговоръ о томъ и другомъ соборѣ и принять рѣшеніе того или другаго предоставлено было будущему времени, о которомъ и мы будемъ говорить послѣ. Теперь же скажемъ прежде всего, какъ рѣшали этотъ вопросъ въ настоящее время въ народѣ, когда расходился соборъ и какія были данныя для рѣшенія этого вопроса. Но много ли нужно сказать намъ и объ этомъ? Мы видѣли что весь Литовско-Русскій народъ и прежде и во время самаго собора осуждалъ Унію и виновниковъ ея и произносилъ этотъ судъ совершенно справедливо — и по мыслямъ своимъ и по церковнымъ правиламъ. Остается развѣ сказать то, какое значеніе могло имѣть опредѣленіе того и другаго собора по гражданскимъ законамъ Литовско-Польскимъ; но извѣстно, какое значеніе въ Литовско-Польской конституціи имѣло Veto, сказанное на общенародныхъ съѣздахъ—сеймахъ даже однимъ лицемъ. Оно получало силу закона противъ того рѣшенія, къ которому относилось.—Лица, измѣнившія Православію и принявшія новое рѣшеніе—ввести Унію, услышали со всѣхъ сторонъ Veto отъ лица не только всѣхъ земскихъ пословъ, но и отъ представителей Церковной власти, слѣдовательно, ихъ рѣшеніе должно было для каждаго здравомыслящаго гражданина Литовско-Польскаго, какой—бы Вѣры онъ ни былъ, представляться незаконнымъ, а дѣло Православ-

ныхъ добросовѣстнымъ и юридически справедливымъ.— Но несмотря на всю очевидность и справедливость такого сужденія объ Уніи,—вопросъ объ ней рѣшали въ Литвѣ цѣлыя столѣтія и до тѣхъ поръ не рѣшили окончательно, пока не пала Польша и Іезуиты, запутывавшіе до невѣроятности всѣ средства высказать и осуществить очевидную истину.

Взглянемъ теперь на весь ходъ Уніи 1596 года и покажемъ связь ея съ ближайшими и отдаленными событіями.—Церковная Унія теперь, какъ во времена Ягеллы, Казиміра и Александра, какъ во всей исторіи Церквей, была мыслію посторонней, чуждою самой Православной Церкви.—Но мысль эта, какъ мы видѣли, съ первыхъ дней соединенія Литвы съ Польшею вторгалась въ Литовско-Русскую Церковь путемъ сближенія Русиновъ съ Поляками, путемъ притѣсненій Православныхъ и путемъ намѣренныхъ безпорядковъ въ самой Западно-Русской Церкви. Окончательное соединеніе Литвы съ Польшею и дѣйствія вновь появившихся Іезуитовъ усилили это вліяніе Поляковъ на Русиновъ,—притѣсненія Православныхъ и безпорядки Западно-Русской Церкви. Въ слѣдствіе всего этого, явилось въ этой Церкви не мало людей, потерявшихъ любовь къ Вѣрѣ и Церкви Восточной и ту благородную и святую нетерпимость, которая, при всей христіанской любви къ иновѣрцамъ, никогда не допускаетъ проникнуть въ душу человѣка малѣйшему уравненію истинъ иновѣрной религіи съ истинами исповѣдуемой имъ вѣры. Явилось не мало людей, для которыхъ Римская Церковь была равно свята, какъ и Восточная, и Унія представлялась дѣломъ вполнѣ достойнымъ, а для боязли-

выхъ и порочныхъ людей даже спасительнымъ.—И не одна высшая Іерархія страдала такими людьми: они были и въ низшемъ духовенствѣ и между знатными дворянами и между рыцерствомъ, мѣщанами и крестьянами,—хотя, само собою разумѣется, нигдѣ они не могли составить большинства и получить перевѣсъ собственною силою. Вновь возникшее въ Западно-Русской Церкви движеніе къ улучшенію дѣлъ и исправленіе въ ней зла Патріархомъ Іереміею положили теперь рѣзкую черту различія между людьми, сохранившими чистоту Вѣры среди всѣхъ бѣдствій и соблазновъ, и людьми въ душѣ уже отторгшимися отъ своей Церкви. Борьба, возникшая между этими овцами и козлищами, направляемая кознями Іезуитовъ, сдѣлала Унію для многихъ изъ козлищъ необходимымъ, единственнымъ убѣжищемъ, но сознаніе этой необходимости было поддерживаемо столь разнообразными побужденіями и этими побужденіями Іезуиты такъ искусно опутали даже не думавшихъ никогда объ Уніи, что измѣнили Православію или дѣлали къ этому уже первый шагъ даже такіе люди, которыхъ никто не подозрѣвалъ способными къ этому. Такъ по нашему мнѣнію подготовилась Унія и этимъ только, какъ намъ кажется, и можно объяснить, какимъ образомъ случилось рѣдкое явленіе въ Церковной исторіи, что всѣ предстоятели помѣстной Церкви одного времени измѣняли первому своему долгу—блюсти цѣлость и чистоту ученія своей Церкви.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣйствительныя причины Уніи были выше всѣхъ частныхъ побужденій, расчетовъ и дѣйствій того или другаго дѣятеля Уніи и лежали гораздо глубже въ исторіи Литовско-Русскаго

народа, нежели какъ представляютъ это многіе писатели Православные и неправославные, заинтересованные въ Уніи или непмѣвшіе возможности изучить ее.— Всѣ указываемыя ими причины Уніи были только вызовомъ этого событія, а не причинами, какъ это всегда и бываетъ при всѣхъ великихъ переворатахъ въ жизни народовъ.—Поэтому, напрасны всѣ попытки отыскать одну или нѣсколько ближайшихъ причинъ Уніи. Сколько бы ни трудились изслѣдователи Уніи Литовской придумывать такія причины, изъ этихъ причинъ будетъ слѣдовать Унія Терлецкаго — какъ его частный, личный поступокъ, Унія Михаила Рогозы, Унія Поцѣя и другихъ; но никакъ не будетъ слѣдовать Унія всѣхъ ихъ вмѣстѣ и тѣмъ менѣе — Унія въ Западно-Русской Церкви, какъ событіе, увлекшее тысячи душъ и лежавшее тяжелымъ бременемъ надъ Литовско-Русскимъ народомъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій.

Конецъ перваго тома.

ЗАМѢЧАНІЯ

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ

ДЛЯ ИСТОРІИ ЛИТОВСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ УНІИ.

—

Источники для Исторіи Церковной Уніи чрезвычайно богаты и разнообразны. Литовская Унія явилась въ такомъ государствѣ, въ которомъ важнѣйшія дѣла рѣшались приговоромъ представителей народа и гдѣ до крайности развилась охота и свобода высказывать публично все, что ни придетъ въ голову. Этимъ обстоятельствамъ, очень несчастнымъ для Литовско-Польскаго государства, мы обязаны необычайнымъ богатствомъ высказанныхъ объ Уніи мыслей. Объ Уніи говорилъ открыто цѣлый народъ, а подобный говоръ не можетъ не сохраниться во множествѣ памятниковъ, если этотъ народъ довольно знакомъ съ письменностію, а народъ Литовско-Польскій, дѣйствительно, находился на значительной степени умственнаго развитія съ

самаго начала Уніи и любилъ писать почти настолько же, насколько любилъ судить, да рядить обо всемъ.— Далѣе, Унія была такимъ событіемъ, на которое никто изъ мыслящихъ людей Литовско-Польскаго государства не могъ смотрѣть равнодушно. Объ Уніи пѣли надъ колыбелью младенца и словомъ объ Уніи напутствовали умирающаго. Событіе это обхватывало всѣ думы, желанія и цѣли жизни большинства народа. Понятно, сколько мыслей, чувствъ должно было излиться изъ души этихъ людей?!—Изучая внимательно всѣ эти обстоятельства, невольно приходишь къ заключенію, что весь Литовско-Польскій народъ писалъ исторію Уніи и писалъ не по годамъ, а нерѣдко по днямъ и по часамъ. Но не краснорѣчивыя ли только это выраженія, не преувеличеніе ли? Загляните въ древніе архивы администраціи свѣтской и духовной или, если это вамъ не возможно, разузнайте, сколько тамъ матеріаловъ для Уніи; спросите какого-нибудь библіофила Литовскаго или Польскаго, есть-ли у него какой нибудь памятникъ Уніи,—вы тогда убѣдитесь, что высказанное нами сужденіе объ источникахъ Уніи можетъ имѣть буквальный и самый строгій смыслъ.— Конечно едвали есть между изслѣдователями Уніи такой счастливецъ, который прочиталъ бы, не говоримъ уже, — все, что̀ передано бумагѣ объ этомъ событіи, но лишь все главное, потому что большая часть памятниковъ Уніи разсѣяна по разнымъ, не близкимъ по разстоянію, Архивамъ (наприм. архивъ Святѣйшаго Сунода, Львовскій Митрополичій, архивъ Виленской и Варшавской капитулъ, Библіотеки—Кіевская Университетская и Академическая, Могилевской, Полоцкой,

Виленской Семинаріи, вообще архивы Западно-Русскихъ Консисторій, монастырей) и даже по частнымъ рукамъ. Но не смотря на эту громадность не-общедоступнаго богатства памятниковъ Уніи, никакъ нельзя сказать, что поэтому и изслѣдованія Уніи не могутъ быть вполнѣ удовлетворительны, пока не будетъ обнародовано все это рукописное богатство ея. До сихъ поръ уже обнародовано очень много изъ цѣлой массы источниковъ Уніи. Нашему Правительству мы обязаны громаднымъ трудомъ—изданіемъ 1) Актовъ Западной Россіи, 2) Historica Russiae monumenta, 3) Supplementum ad historica Russiae monumenta, 4) Актовъ Виленскихъ, 5) Актовъ Минскихъ; сюдаже отчасти можно причислить и 6) Памятники Кіевской Коммиссіи.—Въ этихъ изданіяхъ самый прочный и разнообразный матеріалъ для исторіи Уніи. Впрочемъ, мы должны замѣтить, что здѣсь отнюдь нельзя найти всего, что необходимо для основы исторіи Уніи. При внимательномъ изученіи всего этого богатства, дѣйствительно, чувствуется большой недочетъ того же богатства, т. е. такихъ памятниковъ, которые бы пополняли встрѣчаемые здѣсь пробѣлы. Гдѣ же найти пополненіе подобныхъ пробѣловъ?—Неопытный изслѣдователь непремѣнно придетъ къ тому заключенію, что оно находится развѣ въ неизданныхъ еще рукописяхъ или совершенно утрачено. Мы и сами прежде такъ думали, потому что въ примѣчаніяхъ къ Актамъ Западной Россіи (самымъ главнымъ источникамъ для исторіи Уніи) сведены, повидимому, всѣ памятники этого событія, такъ что невольно приходишь къ заключенію: какой необходимый памятникъ здѣсь не указанъ, того уже вѣрно нигдѣ нѣтъ, и та-

кое заключеніе тѣмъ болѣе естественно и, повидимому, справедливо, что въ этихъ примѣчаніяхъ, особенно въ 4-мъ томѣ — самомъ важномъ, очень часто говорится что такой или другой напечатанный здѣсь памятникъ вовсе не былъ извѣстенъ ни нашимъ, ни Уніятскимъ писателямъ (прим. 12, 40, 60, 66, 79...), или что о такомъ или другомъ событіи нѣтъ свѣдѣній въ памятникахъ Уніи (37, 42....). Слѣдовательно, почтенный редакторъ Актовъ, составлявшій эти примѣчанія (покойный протоіерей Григоровичь) пересмотрѣлъ всю Литературу Уніи. Но да не оскорбится память достоуважаемаго редактора первыхъ четырехъ томовъ Актовъ Западной Россіи. Подобныя примѣчанія его совершенно несправедливы. Рѣшительно всѣ, по мнѣнію его, неизвѣстные акты или событія были извѣстны Православнымъ или Уніятскимъ писателямъ и почти всѣ давнымъ давно напечатаны, и мало того, рядомъ съ ними напечатаны давнымъ давно такіе изъ важнѣйшихъ актовъ Уніи, которые были неизвѣстны редактору и изданіе которыхъ составляло бы теперь открытіе, по важности своей не уступающее изданію рукописей (какъ напримѣръ грамота на Унію 1591 года и универсалъ объ этомъ Сигизмунда 1592 года, далѣе грамоты Патріаршаго Экзарха Никифора къ Митрополиту Михаилу Рогозѣ и нѣсколько другихъ). И мы объявляемъ это не къ униженію неоспоримаго достоинства трудовъ почтеннаго редактора актовъ Западной Россіи, а для предохраненія другихъ отъ одного немаловажнаго заблужденія, которому мы сами было подверглись и которое уже повторилось въ статьѣ Православнаго Собесѣдника— «начало Уніи.»—Заблужденіе это состоитъ въ томъ,

будто нечего и искать памятниковъ, неизвѣстныхъ редактору актовъ Западной Россіи. Гдѣ же это драгоцѣнное дополненіе Актовъ Уніи? Въ Западно-Русской полемической Литературѣ Уніи, которая, къ сожалѣнію, не вполнѣ была знакома почтенному редактору актовъ Запад. Россіи —

Извѣстно, что Литовская Церковная Унія гораздо раньше излагалась на бумагѣ, нежели введена была на самомъ дѣлѣ. Еще гораздо раньше 1590 г., начали появляться въ Литвѣ разныя сочиненія, имѣвшія близкую связь съ Уніею или, яснѣе говоря, написаныя объ Уніи и для Уніи. Таковы сочиненія:

1, Моссевита — Moscowia (Wilnà... 1586).

2, O poprawie Kalendarza-Grodzickiego Soc. Ies: (w Wilnie 1587).

3, Его же—O jednej osobie w używaniu Sacramentu ciała pańskiego (тамъ же 1589).

4, O zrądzie i iednosci Kościoła Bożego pod jednym pasterzem—Скарги 1591 года—и какъ опроверженіе ихъ—

5, О единствѣ Вѣры—Василія и —

6, О флорентійскомъ соборѣ—Острожскаго клирика—вѣроятно того же Василія; далѣе, сочиненія Зизанія.

7, Объясненіе Никейскаго собора, 1595 г.

8, Собраніе словъ Кирилла Іерусалимскаго; —вполнѣ изд. 1599 г., но въ отрывкахъ печаталось еще въ 1595 г., — и какъ опроверженіе ихъ —

9, Kąkol , który rozsiewa Zyzanj (przez Żebrowskiego. 1595 г.) и другія.—Правда во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ рѣшаются вопросы большею частію Богословскіе, исторіи почти нѣтъ; но едвали изслѣдова-

тель Уніи оставить ихъ безъ вниманія. Они для него важны, потому что обличаютъ настроеніе умовъ передъ Уніею, сильное желаніе ея въ однихъ и отвращеніе отъ нее въ другихъ, а по мѣстамъ—и проблески плана Уніи.

Далѣе началась,—какъ извѣстно уже очень многимъ, благодаря изданію Актовъ Западной Россіи,—самая дѣятельная переписка объ Уніи, какъ положительное или полемическое изложеніе дѣла. Разумѣемъ время, главнымъ образомъ, отъ 1590 до 1596 г.—Грамоты, универсалы, дружескія и враждебныя письма перелетали изъ Польши въ Литву и изъ одного конца Литвы въ другой.—Многое изъ этой переписки дѣлалось общеизвѣстнымъ тогда же или очень скоро, потому что тогда было время такой напряженной дѣятельности обѣихъ враждебныхъ сторонъ и такъ рѣзко и неожиданно измѣнялись отношенія переписывавшихся лицъ, что тайна Уніи не могла не обнаруживаться. Тогда прежніе друзья дѣлались врагами и старались обнародовать все, что могло вредить врагу въ мнѣніи народа и этимъ колебать Унію или Православіе.—Особенною способностію открывать тайну отличались Братства какъ Православныя, такъ потомъ и Уніятскія. Имѣя многочисленныя связи съ знаменитыми лицами и даже съ высшими, присутственными мѣстами, они узнавали самыя задушевныя тайны своихъ враговъ и пускали ихъ въ народъ. Мы не можемъ здѣсь показать,—гдѣ и что обнародовано изъ этихъ тайнъ; потому что пишемъ не библіографію Западно-Русскую, а только замѣчанія объ источникахъ Уніи. Впрочемъ, читатель найдетъ эти указанія въ примѣчаніяхъ къ нашему труду. Здѣсь

же мы покажемъ только характеристическія черты Западно-Русской полемики и важнѣйшія сочиненія этого рода.

Утвердилось у насъ почти всеобщее мнѣніе, что Литовская Унія введена лишь насиліемъ, преслѣдованіями Православныхъ. Подъ вліяніемъ этого взгляда Унія обыкновенно представляется, какъ картина страданій, мученій, казней,—что, разумѣется, дѣлаетъ исторію Уніи вовсе неинтересною для того, кто ищетъ въ событіи мысли, а не ужасныхъ и нерѣдко безсмысленныхъ сценъ, въ которыхъ представляется, съ одной стороны, буйство, звѣрство, а съ другой, возмутительное страданіе. Что сказать объ этомъ взглядѣ на Унію и объ этомъ способѣ излагать ее? Дѣйствительно, употреблялось тогда много варварскихъ мѣръ для утвержденія Уніи, которыя въ настоящее время способны возбуждать только отвращеніе, особенно если незнать—вездѣ ли эти мѣры могли быть приведены въ исполненіе и однимъ-ли терпѣніемъ и протестами отдѣлывались отъ нихъ Православные. Но мы полагаемъ, что видѣть въ Уніи одно внѣшнее насиліе, одни гоненія значитъ слишкомъ мало понимать страданія и твердость Литовско-Русскихъ Православныхъ во время Уніи и настойчивость поборниковъ Уніи.—Рядомъ съ этими варварскими мѣрами и магометанскими гоненіями употреблялись съ той и другой стороны мѣры чисто европейскія, цивилизованныя—убѣжденія, разсужденія, разсказы въ пользу или противъ Уніи, въ формѣ проповѣдей, публикацій, брошюрокъ, посланій и цѣлыхъ сочиненій.—Такимъ образомъ, подлѣ возмутительной картины гоненій и страданій развертывалась болѣе до-

стойная изслѣдованій и болѣе важная по своимъ послѣдствіямъ картина словеснаго, ученаго спора—картина религіозной полемики. На эту обширную и самую заманчивую въ свое время арену выступали сотни борцовъ самыхъ разнообразныхъ званій, чиновъ, дарованій, образованія и добросовѣстности. Они вооружались самымъ разнообразнымъ оружіемъ, схватывали на лету и поражали или защищали каждое событіе, каждый случай, каждую мысль, если усматривали въ нихъ хоть малѣйшую опору для себя и пораженіе для противниковъ, а типографіи, разсѣянныя тогда по всей Литвѣ, даже по самымъ ничтожнымъ мѣстечкамъ въ родѣ Заблудовья (около Бѣлостока) воспроизводили и обнародовали этотъ горячій и непрерывный споръ. Этимъ то путемъ въ продолженіе слишкомъ двухъ столѣтій (съ конца XVI-го и до начала XIX-го столѣтія) явились въ Литвѣ и Польшѣ тысячи сочиненій объ Уніи на Польскомъ, Западно-Русскомъ и Латинскомъ языкахъ,—сочиненій, которыми теперь наполнены почти всѣ монастыри Литовскіе, Польскіе и Галицкіе, какъ Православные, такъ Уніятскіе и Латинскіе, и которыя еще недавно попадались у бродячихъ книгопродавцевъ, Литовскихъ Евреевъ, а можетъ быть, и теперь еще попадаются.—Конечно, во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ слишкомъ много пустого для людей, мало знающихъ Унію и слишкомъ много стараго, сто разъ повтореннаго—для спеціалистовъ по Уніи; но много между ними такихъ сочиненій, которыя неоспоримо важны и драгоцѣнны для всякаго, кто берется за Унію. Нѣтъ также сомнѣнія и въ томъ, что на первыхъ порахъ очень легко потерять вѣру въ достоинство даже

лучшихъ изъ этихъ сочиненій; потому что истина въ нихъ до такой степени представляется запутанною при самомъ легкомъ сличеніи одного сочиненія съ другимъ, что много нужно терпѣнія, чтобы рѣшиться разобрать всю эту путаницу.—Но отсюда, какъ само собою разумѣется, еще не слѣдуетъ, что въ этихъ сочиненіяхъ нельзя найти истины. Напротивъ, она въ нихъ нерѣдко пробивается слишкомъ ясно и рѣзко. Писались, можно сказать, въ попыхахъ апологіи, критики Уніи или Православія и въ нихъ обнаруживалось все, что только можно было найти неблаговиднаго у противной стороны. Вслѣдъ за тѣмъ, также торопливо писались антикритики и новыя апологіи, въ которыхъ писатели старались подмѣтить и выставить прежде всего обмолвки, недосмотры и вообще промахи своихъ противниковъ. Эти послѣдніе въ свою очередъ писали вновь и уже съ большею осторожностію апологіи и критики и наполняли ихъ также промахами своихъ соперниковъ. Въ этихъ то промахахъ, обмолвкахъ и недосмотрахъ изслѣдователь Уніи найдетъ самый богатый матеріалъ для своего предмета, не говоримъ уже о томъ, что тутъ же онъ найдетъ и такія данныя, которыя не могли быть предметомъ длинныхъ споровъ, какъ, напримѣръ, грамоты и для всѣхъ неоспоримые факты.—Но и это еще не составляетъ всего богатства этихъ сочиненій. Случалось иногда, что одна сторона совершенно утомлялась въ борьбѣ, а между тѣмъ, чувствовала, что молчаніе будетъ для нее ужаснымъ пораженіемъ. Въ такомъ случаѣ, она иногда рѣшалась на необычайное средство,—высказывала часть подноготной истины, не извѣстной противнику и этимъ по-

ражала такія изъ его обличеній, противъ которыхъ, повидимому, ничего нельзя было сказать.—Само собою разумѣется, что открывать все это не легко и возможно не иначе, какъ при изученіи всей Западно-Русской полемики въ связи со всею Литовско-Польскою исторіею; но понятно каждому, какъ необходимо предпринимать такой трудъ и какъ важны при этомъ всѣ тѣ сочиненія, о которыхъ мы говоримъ. Перечислимъ важнѣйшія изъ такихъ сочиненій, поставляя ихъ въ связь между собою и съ исторіею Уніи, насколько это позволяетъ намъ наше знаніе дѣла.

Первымъ открытымъ событіемъ Уніи и въ тоже время первымъ камнемъ преткновенія къ введенію ея въ жизнь Литовско-Русскаго народа былъ безспорно соборъ Брестскій 1596 года, на которомъ объявлена Унія одною половиною его членовъ и отвергнута другою. Двѣ эти половины собора или, лучше, два отдѣльные собора стали руководителями двухъ несоразмѣрно различныхъ по числу и нравственному характеру половинъ Литовско-Русскаго народа—Православной и Уніятской, Для каждой изъ этихъ сторонъ слишкомъ важно было имѣть твердыя убѣжденія въ законности своего собора и беззаконности собора противной стороны и для этого имѣть печатное руководство.—Одновременно явилось два такихъ руководства съ той и другой стороны,

1.) О Брестскомъ Соборѣ—анонимъ (писалъ Іезуитъ Петръ Скарга.) Въ немъ излагается дѣяніе Уніятскаго собора Брестскаго, осуждается Соборъ Брестскій Православный (оборона Брестскаго Собора) и приложены Богословскія разсужденія объ Уніи. Издано 1597 го-

ла—книга очень рѣдкая; печаталась отдѣльно и въ собраніи сочиненій Скарги. Мы не могли найти ея и должны были ограничиться изложеніемъ и опроверженіемъ ей содержанія въ Апокрисисѣ.

2.) Въ томъ же 1597-мъ году появилось такое же сочиненіе отъ лица Православныхъ подъ заглавіемъ: Ekthesis abo krótkie zebranie spraw, ktore się działy na partykularnym, to iest, pomiastnym Synodzie w Brzesciu Litewskim. W Krakowie roku od stworzenia swiata 7104, A od wcielenia Pana naszego Jesusa Chrystusa 1597. Кто писалъ—неизвѣсто. Въ сочиненіи этомъ тоже очень рѣдкомъ (есть въ Императорской Публичной Библіотекѣ) изложены дѣянія Православнаго Брестскаго Собора по порядку четырехдневныхъ его засѣданій; помѣщены двѣ грамоты къ Митрополиту Михаилу Рогозѣ Никифора—Патріаршаго экзарха; далѣе—изложены причины Уніи или частнѣе—причины отступленія Митрополита и единомышленныхъ ему владыкъ и соборное опредѣленіе противъ нихъ съ многочисленными подписями присутствовавшихъ на соборѣ духовныхъ лицъ,

Оба эти сочиненія написаны одновременно и потому не имѣютъ полемическаго характера по отношенію другъ къ другу.—Они составляютъ преддверіе къ полемикѣ по дѣлу Уніи и неоцѣнены, какъ по своей древности, такъ еще болѣе потому, что весьма богаты историческимъ содержаніемъ. Они вызвали два собственно полемическія сочиненія, столь же замѣчательныя по богатству историческихъ данныхъ и по необычайнымъ усиліямъ авторовъ высказать все. Первое—

3.) Апокрисисъ, або отповѣдь на книжки (множественное число «книжки», какъ видно изъ содержа-

нія Апокрисиса, не означаетъ нѣсколькихъ сочиненій, а главы—xięgi, книжки одного сочиненія, о съборѣ берестейскомъ именемъ людій старожитной релѣи греческой черезъ Христофора Филалета (псевдонимъ) врихлѣ дана.—Посвящено Яну Замойскому съ тою цѣлію, чтобы всѣми уважаемое имя Замойскаго спасло сочиненіе отъ сожженія Латинянами. Въ посвященіи обозначенъ 1597 мѣсяцъ Октябрь по старожитному, т. е. по старому стилю.—Содержаніе этой книги слѣдующее: Часть 1. О поступкѣ Суподальномъ въ берестью релѣи Греческой. Часть 2. О околичностяхъ поступку людей релѣи Греческой. Часть 3. О монархіи, албо единовластіи костельномъ папежовъ римскихъ, (разсужденія объ Іерархіи, ея отношеніяхъ къ мірянамъ и о соборахъ). Часть 4. О наганахъ (укоризнахъ) патріархіи царигородской и похвалахъ едности (Уніи) а сполечности (соединенія) съ римскимъ костеломъ.—Крашевскій (Wilno т. 4 стр. 141—142) говоритъ, что писалъ это сочиненіе Мелетій Смотрицкій, но это совершенно несправедливо: и слогъ, и взглядъ здѣсь не Смотрицкаго. Другіе говорятъ, что писалъ это сочиненіе какой-то Христофоръ Бронскій. Уніятскіе и Латинскіе писатели утверждали, что написалъ эту книгу Протестантъ. Мнѣніе это настолько справедливо, что разсужденія Апокрисиса о Церкви и Соборахъ дѣйствительно неправославны.—Они изложены въ третьей части Апокрисиса и изслѣдователь Уніи могъ бы ихъ оставить безъ всякаго вниманія, еслибы ему не было извѣстно, что Уніяты разборомъ этихъ разсужденій третьей части Апокрисиса смутили не одного изъ Православныхъ христіанъ Западно-Русскихъ.—Но эти неправославныя раз-

сужденія третьей части Апокрисиса нисколько не унижаютъ историческаго достоинства первой, второй и четвертой части его.—Здѣсь все почти исторія и исторія необычайно дѣльная. Множество грамотъ, самыхъ повидимому недоступныхъ автору и множество очевиднѣйшихъ фактовъ дѣлаютъ эту книгу настольною для изслѣдователя Уніи. Жаль только, что и она тоже довольно рѣдкая книга,—впрочемъ попадается чаще прежнихъ, (есть въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи). Сочиненіе это, не смотря на неправославныя мысли третьей части, долгое время составляло гордость многихъ Западно-Русскихъ Православныхъ. Они прямо говорили Уніятамъ съ насмѣшкою, что противъ этой книги не написано ничего дѣльнаго. (Weryficatia—предисловіе). Понятно, послѣ этого, какъ желательно и, въ то же время, какъ трудно было Уніятамъ найти дѣльнаго критика этой книги. Не скоро они нашли его, а между тѣмъ, предстоящій такому писателю трудъ еще болѣе увеличился. Появилось въ слѣдующемъ году сочиненіе подъ именемъ—

4.) Клирика Острожскаго о Флорентійскомъ Соборѣ изд. 1598 и въ слѣдующемъ, кажется, году—образцовое сочиненіе Львовскаго священника —

5.) Перестрога.—Сочиненіе это объясняетъ сношенія Западно-Русской Церкви съ Константинопольскимъ Патріархомъ,—тайныя дѣйствія виновниковъ Уніи (не вездѣ, впрочемъ, вѣрно), дѣйствія собора 1596 года,—далѣе, говоритъ о страданіяхъ и мученической кончинѣ Патріаршаго Экзарха Никифора и въ концѣ разсуждаетъ о главенствѣ Папы весьма рѣзко, но очень

дѣльно.—Съ этими то всѣми сочиненіями Экгезисомъ Апокрисисомъ и Перестрогою и пришлось бороться тому Уніятскому писателю, котораго, какъ мы сказали, искали Уніяты.—Этотъ трудъ принялъ на себя, какъ говорятъ (напр. Стебельскій) грекъ Аркудій, прибывшій изъ Рима съ Поцѣемъ. Онъ писалъ свое опроверженіе на Латинскомъ языкѣ. Даніилъ Ланчицкій издалъ его въ польскомъ переводѣ въ 1600 году. Заглавіе этого сочиненія таково:

6.) Ἀντίῤῥησις abo Apologia przeciwko Krzystofowi Philaletowi który niedawno wydał kziażki imieniem Starożytnej Rusi religij greckiej przeciwko ksiażkom o Synodzie Brzeskim napisanym w roku pańskim 1597... Dla wiadomości wszystkim miłośnikom zgody i iedności i przeciwnikom jej na przestrogę niadawno wydaną... (въ предисловіи стр. 5.)—Задача автора, какъ мы сказали, была очень трудная и это онъ самъ созналъ. Въ началѣ своего сочиненія онъ говоритъ, что... podobnoby i sam diabel z piekla wylazszy nie mogł gorzey nieprawdy zmyslec и въ противоположность псевдонимному автора Апокрисиса—Христофоръ Филалетъ называетъ его Diawolofor i Philosophopseudis. Съ этимъ то, такъ сказать, псевдонимнымъ Діаволофоромъ и Философопсевдомъ авторъ борется тѣмъ же оружіемъ, которое самъ осуждаетъ въ немъ, т. е. всевозможною ложью въ родѣ того, что виновники Уніи открыто составляли свой замыселъ на Унію, что на Унію сначала всѣ были согласны, что Никифоръ былъ самозваннымъ Экзархомъ и т. под. нелѣпостями.—Но все это оказывалось слабымъ и недостаточнымъ.—Поэтому авторъ прибѣгъ къ тому чрезвычайному средству, о которомъ мы прежк

де говорили. Онъ высказалъ значительную долю истины, описавъ ходъ совѣщаній на Унію Епископъ, въ подтвержденіе чего напечаталъ нѣсколько неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ актовъ, какъ напримѣръ, грамоту на Унію 1592 г., нѣкоторыя письма Поцѣя къ князю Острожскому, письмо объ Уніи князя Острожскаго къ Поцѣю и указалъ на собственноручные пункты Уніи Михаила Рогозы, писанные въ 1594 г.—Вообще признаній у автора этого очень много что́ собственно дѣлаетъ его сочиненіе драгоцѣннымъ памятникомъ Уніятской полемики.—Въ Императорской Публичной Библіотекѣ есть и Русскій переводъ этой чрезвычайно рѣдкой книги.

Послѣ этой полемики, продолжавшейся непрерывно въ продолженіе четырехъ лѣтъ и необычайно оживленной, противники положили перья какъ бы для кратковременнаго отдыха или, лучше сказать,—для того, чтобы бороться въ судахъ именемъ закона и на площадяхъ въ шумныхъ и нерѣдко кулачныхъ спорахъ. Уніяты истощили свои усилія въ Антирризисѣ, а Православные посмѣялись надъ этими усиліями и, кажется, ничего не написали въ отвѣтъ ему. Такъ по крайней было въ 1608 г. Уніяты написали только нѣсколько брошурокъ подъ заглавіемъ.

1.) Heresiae, Ignorantiae, Polityka popow i mieszczan Bractwa Wilenskiego и—

2.) Harmonia albo concordantia wiary, Sacramentów i Ceremoniy Cerkwi Orientalnej z Kosciołem Rzymskim. Эти сочиненія вызвали на поприще полемики даровитѣйшаго и образованнѣйшаго человѣка, который слишкомъ двадцать лѣтъ волновалъ умы всѣхъ и который сдѣлалъ и для Православія и для Уніи столько добра

и зла, что заслужилъ у Православныхъ названіе оракула и потомъ отверженника, а у Латинянъ и Уніятовъ имя Савла и Павла. Говоримъ о Мелетіѣ Смотрицкомъ, плодовитѣйшемъ писателѣ и самомъ непостоянномъ человѣкѣ, который и учеными трудами и дѣлами равно доказалъ и любовь свою къ Православію и любовь къ Уніи и всею своею жизнію завѣщалъ потомству развѣ одну мысль разумную и не противорѣчивую, что въ тѣ времена необычайно трудно было сохранить невредимыми убѣжденія Православной Вѣры даже для лучшихъ людей по уму, образованію и жизни.—Мы намѣрены изложить въ особой статьѣ жизнь и труды этого человѣка, чрезвычайно замѣчательнаго и,—смѣемъ сказать,—до сихъ поръ мало понятаго, а теперь только вкороткѣ изложимъ его участіе въ полемикѣ Уніятской.

Противъ всѣхъ указанныхъ нами сочиненій появилась книга подъ заглавіемъ.

7.) Antigrafi albo odpowiedź na Script uszczypliwy przeciwko ludziom Starożytnej Religij Greckiej od Apostatow Cerkwie Wzchodniej wydany, ktoremu tytuł Heresiae, Ignorantiae i Polityka Popow i Mieszczan Bractwa Wileńskiego tak i na xążkę rychło potym na objasnienie tegoż Scriptu wydaną nazwiskiem Harmonią W Wilnie r 1608 przez iedne go brata bractwa cerkiewnego Wilenskiego Religiej Sfarożytnej Greckiej w porywczo mydana.—Мы думаемъ, что сочинилъ эту книгу Смотрицкій. Написана она поспѣшно и большею частію догматическаго содержанія, но въ ней пробивается замѣчательная способность писать и оцѣнивать мѣры Уніятовъ къ распространенію Уніи.—Болѣе дѣль-

ное и въ свое время чрезвычайно важное сочиненіе вышло изъ подъ пера Смотрицкаго въ 1610 году подъ заглавіемъ.

8.) Θρῆνος to iest Lament jedynej powszechnej Apostolskiej Wzchodniej Cerkwie z objasnieniem dogmat wiary, —pierwiej z greckiego na Słowienski, a teraz z Słowienskiego na Polski przetłomaczony przez Theophila Orthologa, teyże Wschodniej Cerkwie syna, w Wilnie r. 1610 (Есть въ Императорской публичной Библіотекѣ и въ Литовской Семинарской).—Основою для этого сочиненія послужило изложеніе Вѣры Кирилла Лукариса (такъ думаетъ М Евгеній) впрочемъ, не то, которое подъ его именемъ издано было въ послѣдствіи Протестантами, но которое Лукарисъ написалъ въ Литвѣ будучи ректоромъ Острожской школы и которое Мелетій перевелъ теперь на Польскій языкъ и приложилъ въ концѣ своей книги, какъ сокращеніе всѣхъ главныхъ мыслей, изложенныхъ въ самомъ Θρήνοσ.—Мысли эти изложены въ Θρήνοσ въ формѣ Элегіи, главныя положенія которой могутъ быть представлены въ слѣдующемъ порядкѣ: чистое, святое ученіе Церкви искажается еретиками и схизматиками и Церковь терпитъ отъ нихъ жестокія страданія, но всегда готова принять ихъ.—Всѣ эти положенія примѣняются къ Церкви Константинопольской, Западно-Русской и обставляются обличеніями и увѣщаніями Уніятамъ. — Поэтому Θρήνοσ при своемъ элегическомъ и догматическомъ характерѣ заключаетъ въ себѣ по мѣстамъ историческія свѣдѣнія, объясняющія тогдашнее состояніе Западно-Русской Церкви.—Сочиненіе это въ томъ же году вызвало опроверженіе, написанное даровитѣй-

шимъ человѣкомъ того времени Петромъ Скоргою, котораго Латиняне и Уніяты называли вторымъ Златоустомъ.—Скарга обратилъ вниманіе въ своемъ сочиненіи на самую беззащитную часть Оршноса, т. е. на чувства и потому далъ даже такое названіе своей книгѣ, которое должно было вызывать улыбку въ каждомъ,—именно онъ такъ назвалъ свое опроверженіе Оршноса.

9.) Na treny y Lamenty Theophila Orthologa do Rusi przestroga r. 1610. Сочиненіе краснорѣчивое, но очень небогатое историческимъ содержаніемъ. Въ такомъ же родѣ написано было въ 1612 году и другое опроверженіе Оршноса Мороховскимъ подъ заглавіемъ—

10.) *Παρηγορεῖα* albo utulenie uszczypliwego lamentu cerkwie Wschodniej zmyslonego Theophila Orthologa w Wilnie 1612 r. (есть въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Литовской Семинаріи).—Оба эти сочиненія тѣмъ только и замѣчательны, что показываютъ, какъ сильно дѣйствовалъ на умы Оршносъ, который потому особенно нравился Православнымъ и возмущалъ Уніятовъ, что выставлялъ на видъ самую сильную опору Православныхъ и укоръ Уніи—неразрывную связь и согласіе Западно-Русской Церкви съ Церковію Вселенской. Уніяты приготовили опроверженіе этой мысли съ совершенно новой стороны.—Мы разумѣемъ высказанную Поцѣемъ мысль объ Уніи въ Западно-Русской Церкви въ древнія времена и объ разногласіи ея съ Греческою. Эту мысль, какъ видно изъ Перестроги (Акт. Запади. Росс. т. 4 № 149 стр. 229), Поцѣй высказывалъ еще въ 1598–9 году. Въ это вре-

мя онъ собиралъ древніе памятники Западно-Русской Церкви и издалъ книгу подъ заглавіемъ —

11.) Księga przywilejow jedności, — въ которой изложилъ королевскія грамоты прежнихъ временъ, предоставлявшія Русинамъ тѣ или другія права. Поцѣй всѣ эти грамоты относилъ только къ Уніятамъ. Между этими памятниками древности онъ нашелъ будто-бы грамоту о посольствѣ Русскихъ къ Папѣ Сикету IV-му 1476 года. Въ 1605 году онъ засвидѣтельствовалъ свой памятникъ въ Магистратѣ и издалъ его (тогда же) подъ заглавіемъ —

12) Poselstwo do Papierza Rzymskiego Syxta IV od duchowienstwa i od ksiażąt i Panow Ruskich 1476 rok. Wilno 1605 rok. (есть въ Литовской Семинаріи). Насмѣшки Православныхъ надъ этимъ памятникомъ и еще болѣе ихъ протесты противъ Поцѣя разгорячили до крайности его ревность. Онъ ознаменовалъ свое пребываніе въ Вильнѣ въ 1604 — 8 году невыносимыми преслѣдованіями Православныхъ и чуть было самъ не сдѣлался жертвою ярости народной. — Тогда Уніяты подумали опять о мѣрахъ убѣжденія и старались было устроить открытое состязаніе съ Православными; но эта затѣя долго имъ не удавалась и наконецъ около 1617 года, хотя состоялась, но кончилась ничѣмъ. — Но нельзя же было Уніятамъ не высказать гласно заготовленныхъ доказательствъ Уніи и опроверженій Православія. Тогдашній Уніятскій Митрополитъ Вельяминъ Рутскій приказалъ одному изъ защитниковъ Уніи на неудачномъ преніи Льву-Кревзѣ написать защиту Уніи (которую, слѣдовательно, сильно опровергли на состязаніи), —

Креуза издалъ въ 1617-мъ году такое сочиненіе подъ заглавіемъ —

13) Obrona Jedności Cerkiewnej, albo dowody którymi się pokazuje, iż Grecka Cerkiew z Łacińską ma bydź zjednoczona. Podane do druku za roskazaniem przewielebnego w Bogu Oyca Jego M—sci Oyca Iozefa Wielamina Rutskiego... W Wilnie przez Oyca Leona Kreuze Archimandrytę Wileńskiego roku 1617 w drukarni Leona Mamonicza.—Въ этомъ сочиненіи авторъ старался доказать двѣ главныя мысли—1) что Унія всегда существовала въ Западно-Русской Церкви и 2) что теперь она введена законно и добросовѣстно. Съ этою цѣлію онъ излагаетъ каталогъ Западно-Русскихъ Митрополитовъ мнимыхъ Уніятовъ и исторію Уніи Брестской, затѣмъ помѣщаетъ длинный трактатъ о единствѣ Церквей, главенствѣ Папы и т. п.—Книга эта, очень рѣдкая, особенно замѣчательна, какъ первый Уніятскій каталогъ Митрополитовъ Западно-Русскихъ какъ и первое обстоятельное изложеніе доказательствъ мнимой древности Уніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что Православные очень скоро отвѣтили бы на это сочиненіе, но неожиданныя обстоятельства уклонили на время, какъ Православныхъ, такъ и Уніятовъ отъ этого предмета. Прибытіе въ Литву Патріарха Ѳеофана въ 1620 году, убіеніе Витебскаго Архіепископа Іосафата Кунцевича въ 1623 году, за тѣмъ путешествіе Мелетія на Востокъ и его измѣна Православію заняли умы всѣхъ и дали другое направленіе Уніятской полемикѣ.

Прибывшій въ Литву Патріархъ Ѳеофанъ, поставилъ въ 1620-мъ году Митрополита и нѣсколькихъ Епископовъ для Западно-Русской Церкви. — За это,

какъ самъ Патріархъ, такъ и поставленные имъ Іерархи подверглись самымъ злостнымъ клеветамъ и преслѣдованіямъ, которыя распространены съ удвоенною силою и противъ всѣхъ Православныхъ. Въ полемикѣ того времени и занялись разборомъ этихъ вопросовъ.— Въ 1621 году Мелетій—одинъ изъ посвященныхъ тогда Епископовъ—написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ —

14) Weryficatia niewinności: y omylnych po wszystkiej Litwie i Białej Rusi rozsianych, żywot y uczciwe cnego narodu Ruskiego o upad (sic) przyprawić zrządzonych nowin, pod Miłosciwą Pańską i Oycowską naywyższej i pierwszej po Panu Bogu narodu tego cnego Zwierzchnosci i brzegu wszelkiej sprawiedliwości obronę podane. Chrześciańskie uprzątnienie (*). Lipsius безъ означенія года изданія (1621 см. стр. 3 на оборотѣ). Цѣль сочиненія—защитить Православныхъ противъ клеветы, будто они измѣняютъ отечеству и готовы предаться Туркамъ. И такъ какъ эта клевета вызвана была прибытіемъ Патріарха Ѳеофана въ Литву и рукоположеніемъ Іерарховъ Западно-Русской Церкви: то авторъ въ

(*) Примѣчаніе. Чтобы понять смыслъ этого запутаннаго заглавія, нужно читать его въ слѣдующемъ порядкѣ словъ: Weryficatia niewinności y Chrześciańskie uprzątnienie omylnych nowin rozsianych po wszystkiej Litwie i Białej Ruci, zrządzonych przyprawic o upad (sic) żywot y uczciwe cnego narodu Ruskiego podane (aprzątnienie) pod Miłosciwą Pańską i Oycowską obronę naywyższej i pierwszej po Panu Bogu narodu tego cnego zwierzchnosci i brzegu wszezkiej sprawiedliwo'ci.

опроверженіе ея излагаетъ дѣйствія Патріарха въ Литвѣ и доказываетъ законность постановленія новыхъ Епископовъ. Сочиненіе это очень важно для исторіи того времени, но по языку своему, въ высшей степени темному и неправильному, едвали достунно мало знающимъ Польскій языкъ. Заглавіе—лучшее доказательство нашего сужденія. Второе изданіе этой книги, которымъ и мы пользовались, находится въ Библіотекѣ Литовской и С. П. Духовной Семинаріи.

Сочиненіе это вызвало самую горячую полемику между двумя Братскими монастырями Виленскими—Свято-Духовскимъ Православнымъ и Свято-Троицкимъ тогда Уніятскимъ.—Противъ перваго изданія Weryficatij написано —

15.) Sowita wina... 1621;—противъ втораго изданія —

16.) List do zakonnikow Monastera Cerkwie Stego Ducha Wilenskiego na ich przedmowę w Waryficatij jakoby niewinnosci ich powtore wydanej położona odpisany W Wilnie 1621.—Оба эти сочиненія вызвали. —

Obronę Weryficatij, изданную того же года Св. Духовскимъ Братствомъ. Противъ нея уніяты Троицкаго Братства написали—

18.) Examen Obrony въ томъ же 1621 году. Тогда же написано—

19. Ἔλεγχος и

20. Ἀντέλεγχος. —

Содержаніе всѣхъ этихъ сочиненій — мнимая виновность Православныхъ, не принимавшихъ Уніи, или защита невинности ихъ и обличенія козней Уніятовъ.—

Въ это время приготовленъ былъ отъ лица православныхъ громадный трудъ извѣстный подъ именемъ —

21.) Полинодіи, составленный Захаріемъ Копыстенскимъ въ 1622 г.—Въ этомъ сочиненіи какъ бы собраны и разсмотрѣны всѣ прежніе вопросы Уніи, такъ что заглавіе сочиненія вполнѣ оправдывается содержаніемъ его. По неизвѣстной намъ причинѣ трудъ этотъ не былъ напечатанъ (нѣкоторыя только главы изданы въ книгѣ о единой Вѣрѣ).

Новое случившееся тогда событіе представило новыя данныя для полемики въ этомъ же родѣ.—Витебскіе православные христіане, выведенныя изъ терпѣнія изувѣрнымъ фанатизмомъ тамошняго Уніятскаго Епископа Іоасафа (Józefata) Кунцевича, убили его (1623 г.) Отвѣтомъ на это со стороны поборниковъ Уніи была жестокая казнь виновныхъ и безвинныхъ въ этомъ преступленіи. Но едвали не тяжелѣе этихъ казней были для всѣхъ Православныхъ — жизнеописанія, некрологи Кунцевича, панегирики и стихотворенія ему, наконецъ— канонизація его, учрежденіе праздника и службы въ честь безспорно – искренняго и благочестиваго, но до крайности нечистоваго и изувѣрнаго фанатика Іоасафа, котораго только Римская Церковь могла вѣнчать вѣнцемъ св. христіанскаго мученика, но не судъ Божій.—Даже лучшіе Латиняне въ Литвѣ, знавшіе Кунцевича, не могли по совѣсти признать справедливымъ этотъ вѣнецъ;—доказательствомъ служитъ превосходное письмо поборника Уніи Льва Сапѣги къ Кунцевичу, въ которомъ Гетманъ обличаетъ изувѣрнаго Епископа въ ложной его ревности и предсказываетъ ему смерть? (Истор. изв.

объ уніи Бант. Каменск. стр. 75—84). Чѣмъ однако отвѣчали Православные на всю эту святотатственную театральность? Не знаемъ другаго ихъ оружія противъ нея, кромѣ оружія Казаковъ. Прямаго отвѣта на всю манифестацію Уніятовъ, по случаю стерти Іосафата Кунцевича, нужно было, повидимому, ожидать отъ извѣстнаго уже намъ писателя, именно Мелетія Смотрицкаго и тѣмъ болѣе, что онъ самъ не мало содѣйствовалъ возстанію Витебскихъ христіанъ своими посланіями. Но онъ теперь уѣхалъ изъ Литвы на Востокъ.—Зачѣмъ?—спросятъ, можетъ быть, насъ.—Чтобы избавиться отъ суда королевскаго за участіе въ возмущеніи Витебскомъ и убійствѣ Іосафата,—говорятъ одни, и для полнаго и всесторонняго изученія Восточной Вѣры и Церкви,—какъ говоритъ самъ Мелетій. Посмотримъ какъ было дѣйствительно. Рѣшаемъ этотъ вопросъ потому, что онъ имѣетъ неразрывную связь съ дальнѣйшимъ ходомъ Уніятской полемики.

Въ это путешествіе Мелетій отправился съ самыми дурными и недостойными его сана предначертаніями будущихъ занятій на Востокѣ. Еще на пути въ Константинополь онъ высказывалъ передъ своими спутниками свое предубѣжденіе противъ Восточной Церкви и утверждалъ, что она заражена ученіемъ протестантскимъ —Такой образъ мыслей въ Мелетіѣ, знаменитѣйшемъ до сихъ поръ защитникѣ Восточной Церкви, былъ бы для насъ совершенно непонятнымъ и даже невѣроятнымъ, если бы мы не знали изъ Уніятскихъ писателей (Weryficatiy Obrony) и Православныхъ (Antidotum), что Мелетій, будучи въ Вильнѣ, еще до 1620 года имѣлъ тайныя сношенія съ Іезуитами и по ночамъ, переодѣв-

шись ходилъ слушать ихъ уроки, за что однажды получилъ очень назидательный урокъ (палочный) отъ Православныхъ. (Случилось это, когда Мелетій былъ еще міряниномъ). Искреннее, повидимому, раскаяніе, принятіе монашества и славные труды показывали въ Мелетіѣ совершенную перемѣну: но на дѣлѣ она была очень нерѣшительная и тайныя посѣщенія Іезуитовъ повторялись только съ большею осторожностію. Не удивительно послѣ этого нисколько, что Мелетій, давно приготовленный Іезуитами къ измѣнѣ той Церкви, которую такъ горячо защищалъ, и теперь смущенный убійствомъ Кунцевича, сталъ усматривать въ Церкви Восточной дурное. Въ Константинополѣ и другихъ странахъ Востока онъ уже не способенъ былъ видѣть ни того величія, истины и святости, которыми недавно такъ восхищался въ своемъ Ориносѣ, ни даже мнимаго, уже любимаго имъ Латинства, которое усматривали тамъ многіе Уніятскіе писатели.—То и другое согрѣвало бы его душу истинною или ложною любовію къ Восточной Церкви; но душа Мелетія согрѣта была теперь любовію къ Іезуитамъ, которая всегда была холоднымъ льдомъ по отношенію ко всему, что даетъ силу и самостоятельное существованіе Восточной Церкви.—Мелетій увидѣлъ вездѣ на Востокѣ какъ и въ Литвѣ то, что Іезуиты больше всего ненавидѣли—протестантство. Онъ ловилъ каждую фразу Патріарха Кирилла Лукариса, смотрѣлъ сквозь свою призму на всѣ обычаи и разсужденія Восточныхъ христіанъ и привезъ въ Литву убѣжденіе, что на Востокѣ, какъ и въ Западно-Русской Церкви нѣтъ истины православной.—Но какъ высказать это нечестивое убѣжденіе, за которое Право-

славные въ областяхъ Казацкихъ могли повторить надъ Мелетіемъ Витебскую исторію съ Кунцевичемъ? Мелетій высказалъ это убѣжденіе весьма хитро! Въ тѣ времена Католики и Уніяты необычайно лукаво смущали умы Православныхъ. Они то проповѣдывали, что на Востокѣ Церковь погибла отъ невѣрныхъ Турокъ и еретиковъ, то провозглашали, что истинное въ ней ученіе есть Латинское, то утверждали, что Западно-Русская Церковь не знаетъ вовсе ученія Восточной Церкви и сама наполнена заблужденіями протестантскими: въ заключеніе всегда и вездѣ предлагали Унію и теперь сильно хлопотали, чтобы устроить съѣздъ Православныхъ и Уніятовъ для совѣщаній по дѣлу Уніи. Изъ всего этого выходилъ необычайный хаосъ мнѣній, которыя могли смутить не одну православную душу, не одного Смотрицкаго. Теперь Православнымъ рѣшительно необходимо было имѣть краткое и ясное изложеніе своей Вѣры съ полемическимъ характеромъ, т. е. отчетливымъ изложеніемъ пунктовъ ея ученія сравнительно съ пунктами другихъ Вѣроисповѣданій, по преимуществу Уніятскаго, чтобы каждый Православный зналъ свою Вѣру и не смущался никакими навѣтами враговъ.—Въ Кіевѣ теперь (1624—1628.) сильно хлопотали объ изданіи такого руководства и вотъ, тогдашній Митрополитъ Іовъ Борецкій поручилъ Мелетію написать такое руководство или, какъ тогда выражались, пункты различія Православной Вѣры отъ другихъ, по преимуществу Латинской.—Мелетій зналъ, что эти пункты будутъ служить прежде всего руководствомъ на предстоящемъ соборѣ 1628 г., на которомъ предполагали разсуждать объ Уніи. Онъ на-

писалъ Апологію своего путешествія на Востокъ, о которомъ его спутники разказали не мало дурнаго и за которое Православные сильно укоряли его: тутъ же онъ разобралъ въ пользу Латинства всѣ пункты различія отъ него ученія Восточной Церкви и послалъ въ печать подъ заглавіемъ—

22.) Apologia peregrynacij do stron wschodnich... 1628 г.— Въ этой Апологіи онъ высказываетъ свой взглядъ на Восточную и Западно-Русскую Церковь и предлагаетъ Православнымъ принять Унію. Не предполагая, что его сочиненіе сдѣлается извѣстнымъ раньше времени, онъ спокойно пріѣхалъ въ Кіевъ, надѣясь вѣроятно приготовить пока умы въ свою пользу. Но здѣсь уже были свѣжіе листы его печатной Апологіи —Соборъ 1628 года занялся разсмотрѣніемъ ихъ и судомъ надъ Мелетіемъ. Смотрицкому въ Кіевѣ, среди казаковъ ничего не оставалось дѣлать, какъ отказаться отъ своихъ мыслей и молить о прощеніи. Но какъ только онъ получилъ свободу (ушелъ отъ Православныхъ), то немедленно написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ—

23.) Protestatia przeciwko Soborowi w tym roku 1628 w dniu Augusta miesąca w Kijowie Monastern Pieczarskim obchodzonemu uczyniona przez ukrzywdzonego na nim Meletiusza Smotrzyckiego nuncupowanego Archiepiskopa Polockiego, Episkopa Witepskiego i Mscislawskiego, Archimandrytę Wilenskiego; Dermańskiego: do przezacnego narodu Ruskiego... we Lwowie 1628 г.—Въ этой книгѣ Смотрицкій доказываетъ искренность и основательность своихъ убѣжденій, изложенныхъ въ Апологіи, и то, что онъ по принужденію отказался отъ нихъ на соборѣ 1628 года. Съ тѣхъ поръ Смотрицкій сталъ за-

кимъ же горячимъ проповѣдникомъ Уніи и обличителемъ Православной Церкви, какъ прежде былъ защитникомъ Православія и обличителемъ Уніи—и какъ прежде, такъ и теперь онъ старался заслужить названіе оракула, думая, что противъ него не найдется равносильнаго борца, но совершенно неосновательно. Вскорѣ же появилось противъ него сочиненіе—

24.) Antidotum albo warunek przeciw Apologiej jadem napełnionej którą wydał Melety Smotrycki niesłusznie Cerkiew Rożą Prawosławną w niej pomawiając herezią i schizmą dla niektorych Scrybentow. W porywczo przygotowany i podany: przez wielebnego w Chrystusie Oyca Andrzeja Mużyłowskiego protopopa X. Słcukiego i Kopylskiego; drukowano w roku 1629. Сочиненіе это написано собственно противъ Апологіи Смотрицкаго, какъ и видно изъ самаго заглавія; но когда оно отдано было въ печать, то появилась протестація Смотрицкаго. Авторъ Antidotum упомянулъ объ ней и сдѣлалъ краткое сужденіе въ приложенномъ къ своему труду тогда же Аппендиксѣ (Appendix).—Авторъ здѣсь замѣчаетъ, что протестація не стоитъ отвѣта. Мелетій поспѣшилъ представить Православнымъ для опроверженія новыя сочиненія:

25.) Exethesis (не надобно смѣшивать съ Ekthesis), albo expostulatia to jest rosprawa między Apologią i Antidotem o ostatek błedow, hereziy i klamstw Zyzaniowych, Orthologowych i Klerykowych (Zyzania—объясненіе Никейскаго собора, Orthologa—Θρῆνος—собственное—Смотрицкаго и о единой Вѣрѣ Кирика Острожскаго) uczyniona przez.... Meletiusza Smotrzyckiego... 1629.—Тогда же

онъ издалъ и другое сочиненіе въ родѣ Θρῆνος, только противоположныхъ мыслей подъ заглавіемъ —

26) Paraenesis albo napomnienie od w Bogu Wielebnego Meteliusza Smotrzyskiego.... do przezacnego Bractwa Wilenskiego S. Ducha; a w osobie iego do wszystkiego tej strony narodu Ruskiego; uczynione anno 1628. W Krakowie. Здѣсь Мелетій излагаетъ почти тѣже мысли, что и въ Exethesis и обставляетъ ихъ вездѣ оправданіемъ своей измѣны. На эти сочиненія и по преимуществу на протестацію Смотрицкаго отвѣтилъ Геласій Диплицкій сочиненіемъ подъ заглавіемъ —

27.) Апологія, иначе погибель (отъ ἀπόλλυμι погибаю — каламбуръ, въ противоположность названію сочиненія Мелетія Апологіи — отъ ἀπολογέω защищаю) изд. 1632 года. Апологіи этой мы не могли найти и потому неможемъ изложить отчетливо главныхъ ея мыслей. Отвѣчалъ ли чѣмъ-нибудь на это сочиненіе Смотрицкій, — не знаемъ. Можно думать что онъ теперь успокоился отъ трудовъ бурной своей жизни и проводилъ остальныхъ нѣсколько лѣтъ (ум. 1633 г.) въ уединеніи и тишинѣ въ своемъ Дерманскомъ монастырѣ. — Жизнь его описана въ рѣдкомъ сочиненіи Suszy —

28.) Saulus et Paulus sive Meletius transformatus, изданномъ въ Римѣ въ 1666 г. (Есть въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Литовской Семинаріи.

Съ прекращеніемъ полемическихъ трудовъ Мелетія совпадаетъ начало царствованія Владислава IV и начало новой, лучшей жизни для Литовско-Русскаго, Православнаго народа. Самъ король созналея тогда торжественно и открыто, что Унія — дѣло незаконное и

что Западно-Русская Церковь должна быть возстановлена и ограждена гражданскими правами. Вопросъ объ этихъ правахъ сталъ теперь самымъ главнымъ. Правильное рѣшеніе его было необходимо, какъ для цѣлаго Литовско-Русскаго народа, такъ въ особенности для возстановленной недавно Западно-Русской Іерархіи, которую жестоко преслѣдовалъ Сигизмундъ III-й. Православные поспѣшили рѣшить этотъ вопросъ на основаніи исторіи и представили королю одно за другимъ два сочиненія по этому предмету; первое—

29.) Synopis, albo krótkie spisanie praw, przywilejow, swiebody (sic), wolności od nayjaśnieyszych królow Polskich.... przezacnemu, starowiecznemu narodowi Ruskiemu nadanych.... nakształt rocznych dziejow Ruskich w osobie obywatelow koronnych i W. X. Litewskiego Religij Starożytnej Grekiej w Chistusie braci duchownych i swieckich Bractwa Cerkiewnego Wileńskiego uprzywilejowanego изд. 1632 года.

Тогда же Братство Виленское издало и другое, дополнительное сочиненіе съ описаніемъ разсужденій на Generalnej Convocatij, на которой рѣшался вопросъ о правахъ Православныхъ и Уніятовъ. Заглавіе этого сочиненія таково:

30.) Supplementum Synopsis, albo zupełnieysze objaśnienie krótkiego spisania praw, przywilejów.... то есть Синопсиса, tudzież manifestatio prawdziwa progressu sprawy na przeszłej Generalnej pod interregnum Convocatiej Warszawskiej ludzi Starożytnej Religiej Greckiej z niektorymi P.P. initami.... mianego, z revelacią nieomylą inszych leszcze processow strony zuniowanej nie każdemu po te czasy wiadomych. Przez tych że oby-

Watelow braci w Chrystusie Bractwa Wileńskiego naswiat wydane.. —Въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ двѣ главныя мысли: Унія въ Западно-Русской Церкви въ прежнія времена не было и Православные съ древнихъ временъ имѣли въ Литовско-Польскомъ Государствѣ разныя права.—Особенно замѣчательно второе сочиненіе. Въ немъ излагается и исторія Уніи 1596 г. (оба находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ,— послѣднее безъ конца).

На оба эти сочиненія Уніяты отвѣтили тоже двумя сочиненіями. Первое дополненное сочиненіе Поцѣя—

31.) Prawa i przywileje od nayjaśnieyszych Królow Ich Mści Polskich i W Xięstwa Litews. nadane obywatelom korony Polskiej i W. X. Litw: Religiej greckiej w Jedności z S. Kosciołem Rzymskim będącym. Przez bractwo Wilenskie przenaysw: Troycy w jedności Cerkiewnej będące na swiat wydane 1632.—

Второе сочиненіе видоизмѣненіе jedności Kreuzy.

32.) Iedność swięta Cerkwie Wschodniej i Zachodniej od początku wiary Stej Kotolickiey obficie roskrzewiona w ruskie kraje od przyięcia krztu s. szczęsliwie zawitała· Prawami i przywilejami od nayiaśnieyszych Królow I. M. Polskich potężnie warowana przeciw Skryptowi Synopsis nazwanemu, rocznymi dziejami ruskimi otytułowanemu nowo wystawiona przez bractwo Wileńskie przen. Troycy w jednosci z S. Kościołem Rzymskim będace. 1632 г.—Теперь Уніяты кажется въ первый разъ разширили свою мысль объ Уніи прежнихъ временъ и стали доказывать, что она существовала не только въ Западно-Русской Церкви, но и во всей Россіи со временъ Св. Владиміра. — Далѣе къ этимъ но-

вымъ изслѣдованіямъ приложены старыя (Скарги)—о единствѣ всей Восточной Церкви съ Римскою. Въ такомъ же родѣ появилось у Уніятовъ черезъ двѣнадцать лѣтъ новое сочиненіе подъ заглавіемъ.—

33.) Hierarchia abo o Zwierzchności w Cerkwi Bożej od Wielbn: Oyca Iana Dubowicza Archimandrytę Monastera Dermańskiego w druk za dozwoleniem Starszych podana. we Lwowie w drukarni Coll: soc: Iesu 1644 г.—Сокращеніе—Obrony jedności Kreuzy i Jedności Stej—Виленскаго Уніятскаго Братства.

Что побуждало Уніятовъ такъ усиленно доказывать Унію путемъ историческихъ и догматическихъ изслѣдованій, когда она теперь уже полстолѣтія существовала на дѣлѣ и должна была бы кажется, сама себя доказывать и оправдывать? Ужели отвращеніе отъ нея Православныхъ требовало такихъ усиленныхъ мѣръ или сама Унія находилась тогда въ опасности и нуждалась въ такихъ изысканныхъ лекарствахъ?—То и другое совершенно справедливо; но не эти обстоятельства были главными причинами такой плодовитости Уніятскихъ писателей.—Имъ наскучила борьба съ отдѣльными лицами. Они старались теперь присоединить Православныхъ къ Уніи добровольно, цѣлою массою, на общемъ соборѣ. Къ этому-то они и подготовляли умы указанными нами сочиненіями объ Уніи и теперь не разъ уже дѣлали попытки составить общій съѣздъ Православныхъ и Уніятовъ.—Но всѣ эти попытки были напрасны и кончались только изданіемъ напыщенныхъ сочиненій о безуспѣшномъ дѣлѣ. Такъ мы имѣемъ высокопарное слово объ Уніи, произнесенное предъ *Уніятами* (?!) на Львовскомъ соборѣ 1629, на которомъ

предполагалось соединить Православныхъ съ Уніятами, произнесенное Іезуитомъ Bembus и—еще болѣе вычурное, смѣха достойное по тому обстоятельству, которымъ вызвано, сочиненіе Уніятскаго Митрополита Жоховсскаго, подъ заглавіемъ —

34.) Colloquium Lubelskie między zgodną, a niezgodną bracią narodu Ruskiego vigore Constituciej Warszawskiej, na dzien 24 Stycznia anno 1680 złożone, lubo stałoscią motum, podaje jednak te sprawe Boże, dobywszy głosu jedności Stej. X. Cyprian Żochowski... Metropolita Kijowski... do uwagi wiekom. Informaciej rzeczy Pospolitej. Deciziej I. K. M. P. N. Miłosciw: przypisując Coll. Societ. Sesu Leopoli.—

Въ этомъ сочиненіи, переполненномъ до безсмыслія Латинскими словами, Жоховскій описываетъ,—съ какою торжественностію собрались Уніяты въ Люблинѣ для примиренія съ Православными и какъ Виленское Православное Братство въ то самое время, когда всѣ Уніяты съѣхались въ Люблинъ, выхлопотало у короля повелѣніе собору разойтись, потому что безъ сношенія съ Константинопольскимъ Патріархомъ Православные не могутъ разсуждать объ Уніи и принимать ее,—далѣе, какъ соборъ Уніятскій горевалъ объ этомъ и, не *поймавъ добычи*, долженъ былъ разъѣхаться по навѣту схизматиковъ.—Но нельзя же было Уніятамъ теперь, какъ во времена Креузы (1617 г.) не разразиться заготовленными доказательствами въ пользу Уніи. Жоховскій принялъ на себя этотъ трудъ и, вѣроятно, по особенной расположенности къ исторіи написалъ,—вмѣсто схоластическихъ преній объ Уніи, исторію ея. Изслѣдователь Уніи чрезвычайно долженъ

быть благодаренъ Жоховскому за это и особенно за изданіе разныхъ грамотъ изъ времень начала Уніи.— Эти случайныя и совершенно неожиданныя обстоятельства и сдѣлали Colloquium Lubelskie очень важнымъ сочиненіемъ въ ряду источниковъ исторіи Уніи.—Отвѣчалъ-ли кто изъ Православныхъ Жоховскому какимъ-либо сочиненіемъ,—не знаемъ; но едва ли и нужно было отвѣчать: лучшій отвѣтъ на Colloquium Lubelskie въ немъ самомъ,—въ его комическомъ содержаніи.—

Здѣсь мы должны остановиться въ нашемъ обзорѣ исторической части полемики Уніятской и ограничиться общими замѣчаніями о дальнѣйшемъ ея развитіи —Съ половины XVII-го столѣтія Литовско-Польская полемика объ Уніи приняла такое направленіе, которое до крайности затрудняетъ общій обзоръ ея произведеній въ связи и порядкѣ.—Объ Уніи до сихъ поръ (до половины XVII ст.) переговорили и переспорили очень много, а между тѣмъ, часто приходилось говорить и спорить сызнова, сначала, какъ бы съ азбуки, потому что постоянно встрѣчались старые и новые враги и друзья Уніи, которые не знали и не хотѣли знать прежней полемики. Потому-то въ то время такъ часто появлялись сочиненія, въ которыхъ повторялось одно и тоже, что говорилось уже сто разъ, хотя конечно въ каждомъ почти изъ такихъ сочиненій есть что-нибудь свое, что-нибудь взятое изъ современнаго быта,—и зоркій, привычный глазъ увидитъ въ этомъ хаосѣ не мало объясненій исторіи Уніи. Вотъ, первая причина, почему мы затрудняемся перечислять эти сочиненія. Мы можемъ безъ всякаго намѣренія съ нашей стороны, разочаровать новыхъ изслѣдователей

Уніи,—можемъ перечислить такія сочиненія, которыя имъ покажутся пустыми и лишними. Пусть лучше они сами ищутъ ихъ, когда окажется нужнымъ, а найти ихъ очень не трудно, потому что они перѣдкія.—Далѣе. Съ половины XVII-го столѣтія по всей Литвѣ распространилось уже Іезуитское образованіе, — его получали даже многіе Православные, а извѣстно, къ чему ведетъ Іезуитское образованіе. Оно подавляетъ охоту и способность находить живую истину и располагаетъ довольствоваться одними формами, искуственностію,—словомъ схоластикою (Iarsz. Obr. Litw: т. 3. § 39: Hist. szkół w Koronie i w W Księst: Lit: Łukasz: т. 1 стр. 252–266). Отъ того-то полемика Уніи того времени чаще и чаще обращалась къ отвлеченнымъ схоластическимъ тонкостямъ и такъ сказать—ремесленной обработкѣ предмета, въ которой форма, условные пріемы—главное и единственное дѣло.—Отрѣшенность отъ жизни и живой мысли составляетъ, дѣйствительно, отличительную черту сочиненій того времени, хотя опять мы должны сказать, что не обо всѣхъ ихъ можно сдѣлать такое сужденіе и даже иногда не обо всемъ содержаніи несомнѣнно пустого по основной мысли сочиненія; потому что не всѣ писатели подчинялись такому направленію и не всякій подчинившійся оставался ему вѣренъ.—Саковичъ писалъ, напримѣръ, пустое сочиненіе Okulary staremu Kalendarzowi, но писалъ также и Ἐπανόρθωσις (1642 г.), въ которомъ наряду съ нелѣпостями помѣщаетъ и событія, стоющія всякаго вниманія.—Говоримъ мы это собственно объ исторической части полемики, потому что съ этой стороны только разсматриваемъ ее.—

Наконецъ, послѣднею и самою главною причиною историческаго оскудѣнія полемики было состояніе самой Уніятской Церкви. Она теперь—въ XVII и XVIII столѣтіи далеко уже ушла на пути къ указанной ей цѣли—далеко удалилась отъ Православія, отъ первоначальнаго даже своего вида и, какъ раба, одѣлась въ убранство своей госпожи—Латинской Церкви по ея волѣ, но безъ малѣйшаго вкуса.—Обращаться при такомъ порядкѣ вещей смѣло и добросовѣстно къ исторіи было очень неудобно Уніятамъ, потому что вездѣ, даже въ прошедшей жизни самой Уніи было слишкомъ много обличеній противъ нее.—Гораздо лучше было писать и спорить о Богословскихъ вопросахъ и то не отъ лица Уніи, а отъ лица Латинства, потому что въ Уніи тогда не было почти ничего своего, кромѣ Богослужебныхъ книгъ и то уже испорченныхъ. Что же касается до Православныхъ Литовско-Русскихъ, то они теперь, какъ и всегда, не любя словопреній, и имѣя на своей сторонѣ истину и правоту дѣла, тогда только спорили, когда заставляла крайность и спорили почти всегда о томъ, что необходимо было защищать или опровергать. Такимъ образомъ, и ихъ сочиненія невольно подчинялись схоластическому направленію Уніятскихъ и Латинскихъ сочиненій.—Но изслѣдователь Уніи впалъ бы въ самую грубую ошибку, еслибы на этомъ основаніи сталъ думать, что тогдашняя Литература Уніи не стоитъ вниманія и не вознаградитъ при изысканіяхъ его тяжелыхъ трудовъ. Напротивъ, она стоитъ этихъ трудовъ и имѣетъ не мало весьма замѣчательныхъ произведеній. Совѣстно теперь было мыслящимъ и благонамѣрен-

нымъ Уніятамъ обращаться къ своей исторіи; но не такъ смотрѣли на вещи Іезуиты и лучшіе ихъ воспитанники въ Уніятской Церкви. Они напротивъ думали, что теперь-то и есть самое лучшее время, когда въ опроверженіе схизмы (такъ они называли всегда Православное, Восточное Вѣроисповѣданіе) и въ пользу Уніи можно представить побольше данныхъ. Въ такомъ духѣ написалъ весьма богатое сочиненіе Кулеша —

35.) Wiara Prawosławna pismem Stym, soborami, Oycami Stymi, mianowicie Greckiemi y Historyą Kościelną przez X. Jana Aloyzego Kuleszę Societatis Iesu Theologa obja niona. Od przyiętej unij(?!) Boga z człowiekiem roku 1504.—Въ этомъ сочиненіи авторъ выставилъ до трехъ тысячъ пунктовъ, въ которыхъ по мысли его заключается осужденіе мнимой схизмы и оправданіе Уніи. Въ такомъ же духѣ и еще болѣе замѣчательное по неоспоримой учености автора сочиненіе—

36.) Specimen Ecclesiae Ruthenicae съ Appendix— Кульчинскаго, изданное въ Римѣ 1733 года.—Съ нимъ имѣетъ самую тѣсную связь трудъ общества издателей Acta Sanctorum (Болландистовъ), особенно второй томъ, въ которомъ изложена исторія Уніи. Наконецъ, съ этимъ же взглядомъ на вещи появилось въ Литвѣ, въ концѣ XVIII столѣтія сочиненіе Стебельскаго —

37.) Żywoty SS. Eufrozyny i Parascewij z Genealogią Xiążąt Ostrożskich i Chronologią przez X. Stebelskiego 1783 r.—Wilno.—Сочиненіе это весьма богато источниками, тщательными изслѣдованіями и отличается хорошимъ изложеніемъ; но въ немъ видѣнъ воспитанникъ Іезуитовъ, который на все смотритъ по своему и вездѣ видитъ Унію.—«Поэтому-то», скажутъ намъ,

«это сочиненіе, какъ и всѣ прежнія, и не стоятъ вниманія; въ нихъ нельзя найти истины.»—Конечно нельзя, если руководствоваться только ими, а не поставлять ихъ въ связь съ другими произведеніями тогдашней полемики, въ которыхъ обнаруживается совершенно противоположное направленіе. — Уничиженіе отъ Латинства Уніятской Церкви отзывалось горькимъ чувствомъ въ лучшихъ Уніятахъ. Они таили ненависть къ своей самоуправной госпожѣ—Латинской Церкви, съ любовію обращались къ послѣднимъ остаткамъ Православія въ своей Церкви и начали принимать мѣры къ огражденію ихъ отъ конечнаго разрушенія.—Подъ вліяніемъ такого настроенія умовъ составился соборъ Уніятовъ въ Замостьѣ въ 1720 году и на немъ Уніяты постарались хоть какъ-нибудь опредѣлить свое ученіе. До насъ сохранилось не мало экземпляровъ дѣянія этого собора на Латинскомъ и Польскомъ языкахъ подъ заглавіемъ—

38.) Synodus Provincialis Ruthenorum habita in civitate Zamoscia 1720; издано 1724 г., или Synod Prowincialny.... Богатымъ дополненіемъ и объясненіемъ главной мысли этого собора служатъ —

39.) Описанія разныхъ конгрегацій Уніятовъ, которыя (конгрегаціи) очень часто составлялись во времена Уніи, но немногія изданы въ свѣтъ, а тѣмъ менѣе въ подлинномъ видѣ. Послѣднія описанія конгрегацій большею частію въ рукописяхъ и хранятся въ разныхъ монастыряхъ Литовскихъ.—Этимъ мы и закончимъ обзоръ нашъ полемическихъ собственно сочиненій объ Уніи и обращаемся къ другимъ источникамъ ея.—

Считаемъ совершенно излишнимъ дѣломъ доказывать ту мысль, что безъ основательнаго знанія всей

Литовско-Польской исторіи невозможно браться за исторію Уніи и что, слѣдовательно, историческія произведенія Литовско-Польскія необходимы для изслѣдователя Уніи.—Произведенія эти распадаются прежде всего на двѣ половины—на сочиненія собственно Польскихъ писателей и сочиненія природныхъ Литовцевъ. У насъ, какъ и въ Польшѣ, привыкли не допускать этого различія на томъ основаніи, что Литва и Польша до возсоединенія Уніятовъ будтобы были одно и тоже по настроенію мыслей. Но мы даемъ себѣ право назвать такое мнѣніе весьма неосновательнымъ.—Какъ ни долго продолжался союзъ Литвы съ Польшею и какъ ни тѣсно онъ завязывался безчисленными нитями и узлами; но въ настроеніи умовъ, въ чувствахъ и правахъ жизни той и другой страны всегда было болѣе или менѣе рѣзкое различіе, котораго не могли сгладить никакія усилія заблужденій и страстей человѣческихъ.—Различіе это отразилось и во взглядахъ Литовскихъ и Польскихъ писателей на Литовско-Польскій союзъ—вопросъ безусловно-необходимый въ исторіи Уніи.—Польскіе писатели разсматривали его болѣе съ свѣтлой стороны, умалчивая о горькой истинѣ, Литовскіе легче и скорѣе выступали изъ этой очень пробитой колеи и нерѣдко представляли истину въ самомъ чистомъ видѣ.—Конечно, мы не должны думать, что это различіе обнаруживалось всегда и вездѣ, что оно высказывается во всѣхъ Литовско-Польскихъ историческихъ сочиненіяхъ,—такое мнѣніе тоже былобы большимъ заблужденіемъ; но очень важно прослѣдить, когда и какъ оно пробивалось наружу въ исторической Литовско-Польской Литературѣ.

Было время—очень большое по пространству (съ начала XVII и до конца XVIII-го стол.), когда объединеніе Литвы (Латинской ея части и только нѣкоторой Уніятской) и Польши достигало высшаго своего развитія. Тогда о Литовско-Польскомъ союзѣ почти совершенно одинаково писали какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ. То было время повсемѣстнаго господства Іезуитовъ и ихъ взглядовъ на вещи,—взглядовъ, которые были одинаковы какъ въ Литвѣ, такъ и въ Польшѣ.—Въ такомъ духѣ отчасти написана извѣстная —

40.) Kronika Stryikowskiego, изданная въ первый разъ въ 1582 году. Впрочемъ, Стрыйковскій меньше другихъ подчинился взгляду на вещи Іезуитовъ. Онъ, кажется, не у нихъ получилъ воспитаніе (учился только въ небольшой школѣ въ Бжезинахъ), служилъ у разныхъ вельможъ, въ войскѣ Королевскомъ и путешествовалъ на Востокъ. Среди этихъ обстоятельствъ онъ имѣлъ случай пріобрѣсть навыкъ къ независимому образу мыслей и безпристрастному взгляду на событія. Изученіе первоначальныхъ Литовскихъ и Русскихъ памятниковъ исторіи еще болѣе содѣйствовало этому. Поэтому-то въ Хроникѣ Стрыйковскаго пробивается наружу и безпристрастное сужденіе о Россіи, Православной Церкви и любовь къ Литовско-Русскому народу, хотя, конечно, будущій каноникъ Латинскій временъ Іезуитовъ принесъ въ своемъ трудѣ не малую дань и взглядамъ Латинской Литовско-Польской Церкви того времени.—Хроникою Стрыйковскаго, переведенною въ прошломъ столѣтіи на русскій языкъ, лучше всего пользоваться по изданію ея въ Zbiorze Dziejopisow polskich. Тамъ она издана съ примѣчаніями,

необходимыми при чтеніи такого неупорядоченнаго сочиненія.—

Съ гораздо бо́льшею ученостью и отчетливостью сочиненіе—

41.) Miscellanea rerum ecclesiasticarum in Magno Litvaniae Ducatu—Wilnâ 1650. Alberti Wijuk Kojałowicz.—Авторъ этотъ обладалъ знаніемъ дѣла и умѣньемъ писать,—но, къ сожалѣнію, принадлежалъ къ такому обществу, въ которомъ безпристрастная истина не имѣла надлежащей чести и мѣста,—принадлежалъ къ обществу Іезутовъ.—Впрочемъ, мы много обязаны автору этому тѣмъ, что онъ смѣло и добросовѣстно высказываетъ, что Польша съ самаго начала соединенія съ нею Литвы имѣла твердое намѣреніе объединить ее съ собою и проводитъ эту мысль во всемъ сочиненіи также смѣло и искренно. Мы сходимся съ авторомъ въ этой части его взглядовъ также, какъ и въ нашихъ фамильныхъ названіяхъ.

Въ томъ же XVII столѣтіи, въ которомъ Іезуиты достигли повсемѣстнаго господства въ Литвѣ, началось и ихъ паданіе. Введеніе и дѣйствія въ Литвѣ ихъ враговъ Піаровъ, а потомъ усилія частныхъ людей въ родѣ Конарскаго, Тызенгауза и другихъ поколебали ихъ могущество и дали совершенно другое направленіе умамъ. Тогда образовалось немало людей, которые гораздо способнѣе были находить и высказывать истину. — Изъ числа этихъ людей явился знаменитый писатель Польской исторіи Нарушевичъ (родомъ Литовецъ), отъ котораго мы имѣемъ десять томовъ (по новѣйшему изданію—

42.) Historyi narodu Polskiego.—Для исторіи Литвы въ этомъ сочиненіи очень немного, но оно важно, какъ выраженіе взгляда тогдашняго Литовца на Россію и Польшу.—

Въ 1773 году, какъ извѣстно, Папа уничтожилъ Іезуитскій орденъ. Въ Польшѣ и Литвѣ скоро привели въ исполненіе опредѣленіе Папы и поручили народное воспитаніе училищной Коммиссіи. Краковская Академія ожила отъ долговременнаго омертвенія; вслѣдъ за нею начала получать жизнь и Виленская Академія, преобразованная въ послѣдствіи (1803 г.) въ Университетъ.—Это совершенно новое направленіе и особенно давнее уже отдѣленіе Литвы отъ Польши дали Литовскимъ ученымъ возможность взглянуть на свою родину своими глазами и сказать объ ней родное слово.—Въ нашемъ уже столѣтіи явилось нѣсколько такихъ сочиненій по исторіи Литвы изъ подъ пера природныхъ Литовцевъ,—сочиненій, которыя составляютъ неоцѣненное пріобрѣтеніе для Литературы.—

42.) Dzieje Starożytne narodu Litewskiego—Narbutta девять том.—Изд. въ Вильнѣ 1835–1840 г. Это громадное сочиненіе возбудило въ Литвѣ и Польшѣ такія похвалы, которыя живо напоминаютъ тѣ чувства, съ какими принятъ былъ у насъ трудъ Карамзина.—И дѣйствительно, исторія Нарбутта похожа на исторію Карамзина и по взгляду на предметъ исторіи (излагаетъ болѣе внѣшнія событія) и по характеристикѣ событій и лицъ (особенно хорошо очерчены—Витовтъ и Александръ) и по изяществу слога.—Но мы не намѣрены воспроизводить похвалъ г. Нарбутту, а желаемъ произнести судъ объ его трудѣ по отно-

шенію его къ исторіи Уніи. Авторъ этого сочиненія въ своемъ взглядѣ на прошедшее Литвы выразилъ намѣренно или невольно два чувства очень трудно совмѣстимыя, — любовь къ родному Литовскому народу и теплое чувство къ Латинской Церкви.—Не наше дѣло судить за это почтеннаго автора Dziejow Litwy, но мы указываемъ на это обстоятельство съ тѣмъ, чтобы объяснить одинъ очень важный, ошибочный его взглядъ.—Любя равно и Литву и Латинство, онъ представилъ намъ почти вездѣ въ свѣтлыхъ краскахъ союзъ Литвы съ Латинскою Польшею и слишкомъ мало коснулся мрачной и самой главной стороны этого союза—судьбы Литовско-Русскаго народа и вообще внутреннихъ отношеній обоихъ народовъ, Литовско-Русскаго и Польскаго. Не потому ли авторъ и кончилъ свой трудъ временемъ смерти послѣдняго Ягеллона Сигизмунда Августа, (при которомъ Литва окончательно соединилась съ Польшею), чтобы избавить себя отъ необходимости изображать эту мрачную сторону, что́ въ дальнѣйшей исторіи Литвы уже рѣшительно неизбѣжно: ибо мы никакъ не думаемъ, что бы исторіи Литвы нельзя было также отдѣльно писать и по соединеніи ея съ Польшею. Самостоятельность Литвы до Сигизмунда Августа и несамостоятельность ея послѣ него такъ безразличны при взглядѣ на внѣшнія только событія (а съ этой-то стороны и смотритъ авторъ на жизнь Литвы, что здѣсь никакъ не слѣдовало назначать такого рубежа (а этотъ то рубежъ и побудилъ автора, по его выраженію, сокрушить здѣсь свое перо см. т. 9, § 2196,. Но мы не должны удивляться, что такой даровитый и около

тридцати лѣтъ посвятившій на изученіе своего предмета авторъ лишилъ насъ удовольствія получить изъ подъ его прекраснаго пера самую важную часть исторіи Литвы, каково—царствованіе Баторія, Сигизмунда III-го и Владислава IV. Г. Нарбуттъ написалъ только конспектъ дальнѣйшей исторіи Литвы. Тогда въ Польшѣ и Литвѣ сильно распространено было мнѣніе, что лучше не обнаруживать домашняго зла.—Не будемъ доказывать ложности этого взгляда; скажемъ только, что на это мнѣніе не обратили никаго вниманія другіе даровитѣйшіе писатели, о которыхъ сейчасъ будемъ говорить.—

Вслѣдъ за Нарбуттомъ и даже одновременно съ его послѣдними трудами появилось на поприщѣ Литовской исторической Литературы два замѣчательныхъ писателя.—Первый—Крашевскій, извѣстный писатель Польскихъ романовъ. Онъ написалъ сочиненіе —

44) Wilno od początkow jego do roku 1750—четыре тома. Wilno 1840.—Трудолюбивый авторъ этой книги, испытавшій даже много непріятностей за то, что отрѣшался въ своемъ трудѣ отъ прежнихъ Польскихъ взглядовъ, какъ на это онъ самъ даетъ намѣкъ въ предисловіяхъ къ своему труду, не заслужилъ однако исторіею Вильна того вниманія, какимъ пользуется за свои романы. И такой судъ можетъ не имѣть никакой связи съ обстоятельствами, причинившими ему непріятности при составленіи ея. Г. Крашевскій и не уяснилъ себѣ предмета сочиненія (написалъ собственно не исторію Вильна, а исторію Литвы) и не разработалъ тѣхъ матеріаловъ, которыми пользовался. Но богатство матеріаловъ, хотя и не точно указанныхъ, и стараніе гово-

рить прямо горькую правду дѣлаютъ его трудъ очень важнымъ пособіемъ при изученіи Литовско-Польскаго союза и отчасти даже при изученіи собственно Уніи Церковной. —

Второй писатель, появившійся послѣ Нарбутта, а также и послѣ Кращевскаго, едвали не выше ихъ обоихъ по глубинѣ своего взгляда и разработкѣ исторіи внутренняго быта Литвы. Говоримъ о почтенномъ профессорѣ права въ бывшемъ Виленскомъ Университетѣ Г. Ярошевичѣ. Онъ издалъ въ 1844—5 году —

45. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacij od czasów naydawnieyszych do końca Vieku XVIII. Три тома.— Здѣсь мы находимъ именно то, чего нѣтъ или слабо раскрыто у Нарбутта и Кращевскаго. Авторъ наглядно рисуетъ намъ состояніе Литвы до соединенія ея съ Польшею и показываетъ взаимныя отношенія Литовцевъ и Русскихъ,—подвластныхъ Литвѣ—томъ первый. Далѣе изображаетъ соединеніе Литвы съ Польшею, религіозное значеніе его, судьбу Литовско-Русскаго населенія послѣ этого соединенія — томъ второй. Наконецъ, излагаетъ исторію могущественнѣйшихъ двигателей исторіи Литовской — Іезуитовъ и ихъ вліяніе на судьбу Литовскихъ Латинянъ, Протестантовъ и Православныхъ—томъ третій.—Богатство фактовъ, дѣльность изслѣдованій внутренней жизни Литовско-Русскаго народа дѣлаютъ эту книгу рѣшительно необходимою при изслѣдованіяхъ Церковной Уніи. Авторъ этого образцоваго сочиненія больше всѣхъ писателей Литовско-Польскихъ отрѣшился отъ давнихъ, ложныхъ взглядовъ на Литву, образовавшихся подъ вліяніемъ Польши и Іезуитовъ,—больше всѣхъ, говоримъ, отрѣшился отъ за-

кихъ взглядовъ, но не вполнѣ. Онъ недостаточно изображаетъ вліяніе Русскихъ на Литовцевъ и ошибочно думаетъ, что Литва около временъ соединенія съ Польшею одинаково расположена была принять, какъ Восточное Вѣроисповѣданіе, такъ и Латинское. Эта ошибка повела къ тому, что и въ дальнѣйшей картинѣ Литвы онъ не столько обратилъ вниманія на судьбу Православнаго народа и на Унію, какъ этого естественно было ожидать по началу втораго тома, гдѣ вдругъ онъ выставляетъ намъ громадную массу Литовско-Русскаго, Православнаго народа, полагавшаго сильнѣйшія преграды планамъ Ягеллы—навязать ему Латинство. По эти недостатки, столь свойственные писателю Литвы Латинскаго Вѣроисповѣданія, почти совершенно искупаются исторіею Іезуитовъ, лучше которой никто не написалъ ничего объ этомъ предметѣ ни у насъ въ Россіи, ни въ Литвѣ, ни въ Польшѣ. Здѣсь разобраны всѣ нити, которыми опутывалъ Литву ненавистный Орденъ и указаны почти всѣ слѣдствія этой не Евангельской, а сатанинской ловли желающихъ спасенія.

Характеризуя всѣ эти сочиненія (г.г. Нарбутта, Крашевскаго и Ярошевича) ближе къ исторіи Уніи, мы должны сдѣлать еще слѣдующія замѣчанія. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ нѣтъ вовсе или, если есть, то очень мало и то невѣрныя извѣстія объ Уніи Церковной; но въ нихъ разработанъ Литовско-Польскій союзъ, съ которымъ Церковная Унія имѣетъ неразрывную связь и безъ знанія котораго она рѣшительно непонятна. Далѣе, самая исторія Литовско-Польскаго союза въ этихъ сочиненіяхъ страдаетъ многими неправильными взглядами; но взгляды можно оставить въ сторонѣ, а взять факты,

провѣрить ихъ по первоначальнымъ источникамъ, сличить между собою и составить вѣрный взглядъ на событія. Словомъ,—всѣ эти сочиненія чрезвычайно богаты необходимыми для Уніи и очень разработанными здѣсь фактами,—вотъ, что въ нихъ дорого и, скажемъ даже, незамѣнимо никакими другими сочиненіями.

Но не здѣсь еще конецъ источниковъ, необходимыхъ для Уніи. Передъ нами съ недавняго времени отрывается рядъ такихъ сочиненій, которыя лучше и выше всего изъ Литовско-Польской Литературы, о чемъ мы говорили до сихъ-поръ. По особенному стеченію обстоятельствъ, счастливое направленіе Литовскихъ историковъ (направленіе, пропитанное любовію къ родинѣ и безпристрастнымъ судомъ о Литовско-Польскомъ союзѣ) отразилось по ту сторону границъ Польши—въ Галиціи и Познанской области. Изъ родной намъ и дольше всѣхъ Литовско-Польскихъ областей, боровшихся съ Уніею, Галиціи откликнулся къ намъ достойнѣйшій корреспондентъ Московскаго Историческаго Общества и Археографической Коммиссіи г. Зубрицкій. Его—

46) Повѣсть о Галиціи, переведенная недавно и на Русскій языкъ, обличаетъ новый и самый безпристрастный взглядъ на отношенія Галицкихъ и отчасти Литовскихъ Славянъ къ Польшѣ, а его—

47) Лѣтопись Львовскаго Братства (Журн. Мин. Нар. Просв. 1849 г.) и

48) Начало Уніи (Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1847—48 № 17)—служатъ указаніемъ новаго пути въ изслѣдованіяхъ Литовской Уніи,—пути, который проходитъ и развѣтвляется по всей Литовско-Польской

исторіи. Въ этихъ сочиненіяхъ вездѣ видна твердая, опытная рука даровитѣйшаго историка, хотя мы совершенно увѣрены въ томъ, что если этотъ историкъ дѣйствительно продолжитъ, какъ обѣщаетъ, свои изслѣдованія по Уніи, то и въ лѣтописи Львовскаго Братства и въ отрывкѣ исторіи Уніи самъ измѣнитъ и исправитъ очень многое, что въ настоящее время никакъ не мирится даже съ тѣми грамотами, которыя послѣ самъ г. Зубрицкій прислалъ въ Археографическую Коммиссію (слич. для примѣра лѣт. подъ 1596 г. и 92 № Акт. Запад. Россіи Т. 4).

Подобнымъ же безпристрастіемъ и самостоятельностію взглядовъ проникнуты и сочиненія сосѣда г. Зубрицкаго—Познанскаго ученаго г. Лукашевича. Намъ извѣстны слѣдующія его сочиненія:

49) Dzieje Kosciołów wyznania Helweckiego w Litwie przez Józefa Lukaszewicza.—Poznań 1842—1843 — два тома. Сюда же какъ дополненіе принадлежитъ его же сочиненіе:

50) Dzieje Kosciołów wyznania Helweckiego w dawnej małej Polsce. Poznań, 1853 г. одинъ т.

Исторія Протестантства въ Литвѣ и Польшѣ и ихъ отношенія къ Латинянамъ и Православнымъ разработаны здѣсь превосходно. Съ этими вопросами въ трудѣ г. Лукашевича соединены другіе, особенно важные для насъ—объ Іезуитахъ и Уніи Церковной. Вопросъ объ Іезуитахъ также отлично развитъ, какъ и прежніе и можетъ служить подробнѣйшимъ раскрытіемъ изслѣдованій г. Ярошевича. Но вопросъ объ Уніи Церковной страдаетъ большими недостатками. Видно по всему,

что это у автора второстепенная часть изслѣдованій и развита несамостоятельно. Здѣсь много небывалыхъ, свѣтлыхъ сторонъ Уніи (началу Уніи представлено, какъ дѣло добровольное, незлонамѣренное и совершенно ослаблена живая картина противодѣйствія введенію Уніи). Не можемъ не сдѣлать одного, очень важнаго преположенія объ этой части изслѣдованій г. Лукашевича. Мы думаемъ, что авторъ не совершенно освободился здѣсь отъ вліянія своего предшественника по изслѣдованіямъ Уніи — Лашискаго священника Островскаго, который въ концѣ XVIII столѣтія написалъ:

51.) Dzieje i prawa kosciola Polskiego przez X. Teodora Ostowskiego—три тома. Первое изд. 1793.—второе, сдѣланное самимъ г. Лукашевичемъ, въ 1842 г.—Poznań.—Мы уважаемъ авторитетъ почтеннаго издателя этой книги: но не можемъ не сказать, что въ изданной имъ книгѣ Унія изложена безъ зазрѣнія совѣсти. Она здѣсь представлена такимъ святымъ, доблестнымъ дѣломъ, что читателю, сколько—нибудь знакомому съ Уніею по другимъ источникамъ, сочиненіе это покажется невыносимо притворнымъ и коварнымъ.—Встрѣтивъ на этой книгѣ уважаемое нами имя издателя, мы искали въ самой книгѣ его примѣчаній, но нашли ихъ очень не много.—Жаль! Ихъ можно бы сдѣлать побольше, потому что вся книга пропикнута ложью, а между тѣмъ написана очень завлекательно. Мы не можемъ здѣсь подробно разобрать этой книги, потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы намъ разсказывать всю исторію Уніи. Оцѣнку главнѣйшихъ мыслей этого автора мы сдѣлаемъ въ другомъ трудѣ, а здѣсь только выразимъ еще сожалѣніе, что эта книга

имѣла вліяніе на изслѣдованія Уніи своего издателя.— Впрочемъ Г. Лукашевичъ вскорѣ вознаградилъ эту ошибку новымъ образцовымъ своимъ трудомъ—

52.) Historya szkół w Koronie i w Wielkim Księstwie Litewskim od nawydanieyszych czasów aż do roku 1795. Четыре тома. Poznań 1849–1851 г.— Въ этомъ сочиненіи авторъ довершилъ свои тяжелые удары Іезуитамъ и о самой Уніи высказалъ больше правды. Сочиненіе это совершенно необходимо при изслѣдованіяхъ исторіи Уніи.—

Этимъ сочиненіемъ мы и заключимъ нашъ обзоръ исторической Литературы Литовско–Польской; но не можемъ здѣсь не высказать, что мы обозрѣли только самыя главныя сочиненія, которыя въ сравненіи съ другими, — тоже очень важными для Уніи, составляютъ очень малую часть источниковъ или пособій исторіи Уніи. Сочиненія: Kromera, Radłubka, Kołłataja, Onacewicza, Maciejowskiego, Niemcewicza, Czackiego, и особенно разныя собранія Папскихъ буллъ и—Seymowych Konstitucij Литовско–Польскихъ, безъ сомнѣнія, будутъ прочитаны всякимъ, кто захочетъ серіозно изучить исторію Уніи. Мы не перебираемъ ихъ здѣсь; потому что не имѣемъ ни столько времени, ни—главное, столько знанія дѣла, чтобы все разобрать и обо всемъ произнести собственный, добросовѣстный судъ.—Переходимъ къ источникамъ Уніи—Русскимъ.

Церковная Унія (понимаемая и какъ давняя мысль Литовско—Польскаго Правительства до конца XVI стол. и какъ самое событіе, появившееся съ этого времени) осуществлялась передъ лицемъ Восточной Россіи и не разъ пробуждала во всей свѣжести и си-

лѣ народное и религіозное сочувствіе между Восточною и Западною или Литовско-Польскою Россіею.— Сочувствіе это выражалось очень замѣтно и почти постоянно съ древнѣйшихъ временъ.—Въ слѣдствіе такихъ обстоятельствъ въ Россіи много знали объ Уніи. Въ Москвѣ много получали жалобъ на Унію и не разъ писали объ этомъ грамоты Польшѣ. Архивъ Московскаго Посольскаго Приказа наполненъ тѣми и другими.—Многія изданы—

33.) Въ памятникахъ Дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами (нынѣ изданъ уже V-й томъ), многія также напечатаны Бантышъ-Каменскимъ въ его Историческомъ извѣстіи объ Уніи.

Одновременно съ этими грамотами записывались извѣстія объ Уніи и въ лѣтописныхъ сказаніяхъ Русскихъ.

34.) Лѣтописи Псковскія, Воскресенская и особенно Софійскій Временникъ—богаты извѣстіями о состояніи Православія въ Литовско-Русскихъ областяхъ. Но не можемъ не замѣтить, что въ нихъ сильно отразилось нерасположеніе Русскихъ къ Польшѣ и даже къ Западно-Русскимъ Митрополитамъ. Поэтому тамъ нерѣдко совершенно смѣшивается Литва съ Польшею, Православные Литовцы называются Ляхами, Латинянами и признаются Уніятами такіе Митрополиты, какъ, напримѣръ, Григорій Цимблакъ. Гораздо лучше по безпристрастію и достовѣрности извѣстій—

35.) Статья объ іоннтахъ (Уніятахъ) въ книгѣ.— О единой Вѣрѣ и—

36.) Густынская—лѣтопись, хотя и объ нихъ мы должны замѣтить, что они составлены на основаніи

одной половины полемической литературы Уніи (Православной), безъ вниманія къ сочиненіямъ Уніятскимъ, потому многое изъ исторіи Уніи осталось неизвѣстнымъ составителю книги Объ единой Вѣрѣ и состав. Густынской лѣтописи.—

Что касается до отдѣльныхъ историческихъ сочиненій объ Уніи: то само собою разумѣется, что ихъ въ Россіи не могло явиться много, потому что здѣсь и прежде и теперь знаніе Польскаго языка очень рѣдко,—знаніе рѣшительно необходимое при изученіи Литовской Церковной Уніи. Это обстоятельство уже само собою показываетъ намъ, откуда въ Россіи могли появляться такія сочиненія. Мы ихъ имѣемъ отъ тѣхъ людей, которые или были родомъ изъ Западныхъ губерній или долго тамъ жили. На первомъ мѣстѣ по достоинству и времени мы должны поставить труды великаго Бѣлорусскаго Архипастыря, Георгія Конисскаго.

57.) Извѣстны его проповѣди (изданныя отдѣльно), исторія Роксолянъ (въ Чт. М. Общ. Ист. и Древн.) и отрывки объ Уніи, помѣщенныя частію въ чтеніяхъ же Московскаго Общеетва исторіи и древностей (1847 № 8.), частію изданные отдѣльно Протоіереемъ Григоровичемъ. Всѣ эти сочиненія писаны съ большимъ знаніемъ дѣла; но не надобно никогда забывать, что они писаны во времена Уніи и среди ожесточенныхъ Уніятовъ, поэтому Архипастырь нерѣдко долженъ былъ сильно защищать то, что само по себѣ не такъ важно, но тогда могло имѣть особенное значеніе. Такъ напримѣръ, онъ съ особеннымъ усиліемъ доказываетъ,

что до конца XVI-го столѣтія вовсе не было Уніи.— Впрочемъ, мы должны замѣтить, что этотъ взглядъ Преосвященнаго Георгія Конисскаго только при поверхностномъ чтеніи его записокъ объ Уніи можетъ приводить къ заключенію, что въ древнія времена дѣйствительно не было и мысли объ Уніи. На самомъ же дѣлѣ, главная мысль автора другая. Онъ доказываетъ, что въ древности не было Уніи,—доказываетъ противъ Уніятовъ, которые утверждали, что она была издавна на самомъ дѣлѣ, въ практикѣ Церкви, въ жизни народа, но онъ вовсе не говоритъ того, чтобы тогда не было въ Польшѣ желанія и попытокъ ввести Унію, т. е. Преосв. Георгій отвергаетъ преувеличеніе дѣла, а не самое дѣло.—Въ этомъ отношеніи взглядъ его на Унію совершенно одинаковъ съ взглядами древнихъ ея изслѣдователей Православныхъ, напримѣръ — сочинителя Синопсиса и его дополненія (1632 г.) и съ взглядомъ всего Литовско-Русскаго народа. Какъ тамъ, такъ и у Преосв. Георгія доказывается только, что на дѣлѣ во всей Западно-Русской Церкви Уніи не было; но никто не брался серіозно доказывать, что тогда не было и попытокъ ввести Унію: напротивъ, иные прямо высказывали сту мысль, какъ напримѣръ, тотъ же сочинитель Синопсиса, а если и есть въ Западно-Русской Православной полемикѣ указаніе на то, что короли Польскіе до конца XVI столѣтія не думали вводить Уніи: то это не болѣе, какъ недоразумѣніе и не отчетливое пониманіе дѣла. Мы распространились обо всемъ этомъ потому, что мысли Западно-Русскихъ Православныхъ о началѣ Уніи и изслѣдованія Преосвященнаго Георгія подали поводъ къ одному ошибочному и очень важно-

му по своимъ слѣдствіямъ взгляду. Подъ Литовскою Церковною Уніею разумѣютъ обыкновенно только Унію 1596 года и исторію ея начинаютъ съ ближайшаго къ тому времени, отъ чего Унія дѣлается совершенно непонятною; потому что въ такомъ случаѣ она представляется или недостойнѣйшею лишь прихотью Западно-Русскихъ Іерарховъ, которые всѣ будто бы были такъ порочны, что единственно по внушенію страстей рѣшились предать Латинянамъ свою Церковь, или представляется она легкимъ и скорымъ замысломъ Іезуитовъ, которые будто бы въ то время,—время недавней и жестокой ихъ борьбы съ первыми врагами —Литовскими протестантами, были такъ всесильны, что только подумали объ уніи—неслыханномъ въ Литвѣ дѣлѣ, и она, въ три четыре года явилась къ ихъ услугамъ.— Тѣмъ и другимъ взглядомъ наносится жестокое оскорбленіе Православной Западно-Русской Церкви, которая будто бы сама, по своей собственной волѣ и произволу въ короткое время сдѣлалась такъ безжизненна и порочна въ лицѣ своей Іерархіи, что вдругъ уступила козиямъ одного, двухъ недостойнѣйшихъ Епископовъ и Іезуитовъ. Но да удержимся прилагать новое безчестіе этой Церкви, умалчивая о давнемъ униженіи ея, начавшемся гораздо раньше конца XVI столѣтія. Будемъ лучше изслѣдовать и раскрывать это давнее, современное, по началу, первому соединенію Литвы съ Польшею, униженіе ея, чтобы понять всю тяжесть Уніи 1596 года и все величіе борьбы Западно-Русской Церкви съ этою Уніею, борьбы, которая продолжалась нѣсколько вѣковъ и живо напоминаетъ собою борьбу Церкви Христовой съ язычествомъ въ первые три вѣка.—Но

обратимся къ дальнѣйшему обзору Русскихъ сочиненій объ Уніи.—

Почти одновременно съ Преосвященнымъ Георгіемъ началъ трудиться для исторіи Уніи общеизвѣстный и незабвенный Бантышъ-Каменскій и издалъ

58.) Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ Уніи.—Онъ былъ родомъ изъ Литовско-Русскихъ областей, по Вѣрѣ—Православный и изъ духовнаго званія.—Основательное знаніе главнѣйшихъ событій Литовско-Польской исторіи и нелицемѣрная любовь къ Западно-Русской Церкви были главными камнями, которые Бантышъ-Каменскій положилъ въ основаніе своего труда. Но платя дань всеобщему и слишкомъ тогда важному по своимъ послѣдствіямъ мнѣнію, что Унія новое изобрѣтеніе, не знакомое никогда до конца XVI столѣтія въ Западно-Русской Церкви (для Уніи, какъ и для всякаго ложнаго вѣроисповѣданія, очень оскорбительна была мысль объ ея недавности, новости), Бантышъ-Каменскій уклонился отъ тщательнаго изученія древней исторіи Западно-Русской Церкви и народа Православнаго въ Литвѣ.—Между тѣмъ, онъ очень хорошо видѣлъ, что Унію 1596 года невозможно объяснить событіями ближайшаго къ ней времени,—что ни мнимая, изворотливая порочность Терлецкаго, ни утонченная хитрость Поцѣя, ни даже всесильныя въ Литвѣ козни Іезуитовъ недостаточны для объясненія этого громаднаго и, повидимому, неожиданно обрушившагося на главу Православныхъ событія.—Для объясненія всего этого онъ обратился къ тому, тоже всеобщему, любимому Уніятами и даже до сихъ поръ сохранившемуся въ Литвѣ мнѣнію, что Литовская Унія была лишь воспроизведе-

ніемъ Уніи Флорентійской.—Поэтому, въ своемъ историческомъ извѣстіи объ Уніи Бантышъ-Каменскій излагаетъ исторію важнѣйшихъ попытокъ Папъ къ соединенію Церквей. Дойдя до Уніи Флорентійской, слегка только касается вліянія ея на Западно-Русскую Церковь при Исидорѣ и ученикѣ его Григоріѣ,—и для пополненія изслѣдованій излагаетъ позднѣйшія попытки Папъ подчинить себѣ Православную, Восточную Церковь. Но уклонившись разъ отъ изученія древней исторіи Западно-Русской Церкви, онъ и здѣсь оставляетъ ее въ сторонѣ и далѣе обращается къ дѣйствіямъ Поссевина и другихъ слугъ Папы въ Литвѣ и Россіи, давая съ совершенною справедливостію общерусскій смыслъ Уніи, что̀ еще болѣе удалило его отъ Уніи собственно Литовской; затѣмъ на двухъ страницахъ объясняетъ начало Уніи 1596 г. и переходитъ къ описанію введенія ея въ 1396 г. на соборѣ и принужденія Православныхъ къ принятію ея.—Понятно само собою, что трудности, предолѣваемыя авторомъ въ объясненіи Уніи, были слишкомъ велики при его взглядѣ на вещи и не могли не утомить его. Онъ дѣйствительно утомился и послѣ нѣсколькихъ главъ, отлично обработанныхъ, началъ писать лѣтопись страданій Православныхъ и только къ концу сочиненія изложилъ нѣсколько событій изъ исторіи собственно Уніи. — Но да не подумаетъ нашъ читатель, что указывая на эти уклоненія и неровности труда Бантышъ—Каменскаго, мы не отдаемъ ему должной справедливости. Задача его была необычайно трудна, однако онъ выполнилъ ее на столько удачно, что до сихъ поръ мы не имѣемъ другаго историческаго извѣстія о

возникшей въ Польшѣ Уніи.—Скажемъ болѣе: книга Бантышъ—Каменскаго на долго еще останется любимою у каждаго изслѣдователя Уніи. Богатство матеріаловъ, особенно Русскихъ, изложенныхъ здѣсь съ большимъ знаніемъ дѣла—всегда будетъ хорошо и достойно вниманія,—не говоримъ уже о той тихой, доброй теплотѣ души, которая видна здѣсь рѣшительно вездѣ.—

Послѣ Бантышъ-Каменскаго прошло слишкомъ полстолѣтія и никто у насъ не восполнялъ его труда, хотя обстоятельства настоятельно этого требовали. Литовская Унія доживала послѣдніе дни свои и наконецъ кончила свою тяжелую жизнь въ 1839 г. Наше духовное Правительство позаботилось удовлетворить настоятельной потребности и издало краткое извѣстіе—

59.) О возсоединеніи Уніятовъ, гдѣ изложены свѣдѣнія и о самой Уніи.—

Главною причиною того, что у насъ не появлялось сочиненія объ Уніи была, по нашему мнѣнію, необычайная трудность изучить этотъ многосложный и запутанный предметъ, требующій самыхъ многосторонихъ свѣдѣній и самой разборчивой критики. Трудность эта еще болѣе увеличивалась отъ недостатка обще доступныхъ источниковъ. Богатая полемическая литература Уніи сдѣлалась достояніемъ не многихъ библіотекъ и архивовъ—указанныхъ нами.—Объ Уніи могъ писать дѣло только тотъ, кому при другихъ условіяхъ доступно было хоть одно изъ указанныхъ нами хранилищъ источниковъ Уніи. Первый воспользовался такимъ положеніемъ Кіевской Іерархъ Митрополитъ Евгеній. Его—

60.) Описаніе Кіево-Софійскаго собора представляетъ намъ богатый плодъ долголѣтнихъ изслѣдованій Уніи.—Но авторъ, какъ извѣстно, не имѣлъ въ виду писать исторію Уніи, а исторію Кіевософійской Іерархіи и собора и приготовилъ только матеріалы съ оцѣнкою важнѣйшихъ событій и лицъ Уніи. Здѣсь мы уже встрѣчаемъ и акты Уніи и полемическія сочиненія объ ней и произведенія Польскихъ и Литовскихъ писателей. Трудъ Митрополита Евгенія очень ясно обозначилъ путь для будущихъ изслѣдованій: но современныя требованія науки заставляли каждаго чувствовать на этомъ пути недостатокъ новыхъ данныхъ, новыхъ открытій.

61.) Г. Максимовичъ въ своей исторіи Малороссіи,

62.) Архим. Макарій въ исторіи Кіевской Академіи и—

63.) Г. Аскоченскій въ соч.—Кіевъ съ древнѣйшими училищами и Академіею—значительно пополнили этотъ недостатокъ.—Почти одновременно съ этими сочиненіями появилось немало статей по частнымъ вопросамъ изъ исторіи Уніи.

64.) Въ Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей и въ—

65.) Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (сороковыхъ годовъ). Послѣднія принадлежатъ большею частію г. Боричевскому, напечатавшему въ 1851 г. и въ Христіанскомъ Чтеніи статью—

66.) Православіе и Русская народность въ Литвѣ.

Съ послѣдняго года т. е. 1851, началось изданіе Актовъ Западной Россіи. Изслѣдованія частныхъ вопро-

совъ Уніи сдѣлались еще доступнѣе. Въ такомъ родѣ появились у насъ сочиненія—

1.) Исторія Христіанства на Волыни. Проф. С. П. Д. Семинаріи П. Карашевича.—Свѣтская критика осуждала это сочиненіе за то, что въ немъ излагаются общіе вопросы изъ исторіи Русской Церкви; но она не обратила никакого вниманія на то, что здѣсь обнародовано не мало данныхъ, извлеченныхъ изъ Архивовъ Волынской Епархіи, Архивовъ, которыхъ богатство вскорѣ будетъ обнародовано въ издающемся уже Архивѣ Югозападной Россіи и, по нашему мнѣнію, ниспровергнетъ большую часть ложныхъ взглядовъ на Унію.

2.) Далѣе, мы имѣемъ изслѣдованія о Церковныхъ Братствахъ Югозападной Церкви Свящ. Флерова.—

3.) Въ самое недавнее время появилось не всѣмъ извѣстное сочиненіе—О зловредныхъ дѣйствіяхъ Іезуитовъ—Ст. Казанской Академіи Лилова и вслѣдъ затѣмъ —

4.) Въ Православномъ Собесѣдникѣ 1858 г. статьи объ Уніи подъ заглавіемъ «Начало Уніи.»—

Всѣ эти изслѣдованія Уніи—Св. Флерова, г. Лилова и статьи Правосл. Собесѣдника писаны на основаніи всѣхъ изданныхъ актовъ Уніи и прежнихъ Русскихъ сочиненій объ этомъ предметѣ, но безъ всякаго знанія Западно-Русской полемики и Литовско-Польской исторіи: поэтому при своей современной отдѣлкѣ они страдаютъ важными недостатками, которые мы указываемъ въ нашихъ примѣчаніяхъ.—Не упоминаемъ о недавнихъ трудахъ Гг. Костомарева, Кулиша, Иванишева и другихъ новѣйшихъ писателей,—трудахъ,

которые обѣщаютъ много, но разборъ ихъ повелъ бы насъ слишкомъ далеко.—Общее заключеніе изъ всего этого обзора источниковъ для исторіи Уніи мы даемъ себѣ право вывести такое: едвали есть въ нашей Церковной исторіи такое событіе, которое имѣло бы столько богатыхъ, разнообразныхъ и нерѣдко превосходно разработанныхъ матеріаловъ и пособій, какъ Литовская Церковная Унія.—

ПРИМѢЧАНІЯ.

—

1.) Важнѣйшія объ этомъ сочиненія: Synopsis (въ замѣчаніяхъ объ источникахъ № 29) Supplementum Synopsis (№ 30); O poselstwie.... do Papierza Syxta IV' (№ 12); Prawa i przywileje obywatelom.... w jedności z Kosciołem Rz. będącym (№ 32) Obrona jedności (№ 13) Jedność Sta (№ 31); Colloquium Lubelskie (№ 33). Также мысль доказывается по мѣстамъ въ Ἀπόκρισις (№ 3), Ekthesis (№ 2) Θρῆνος (№ 8). *Παρηγορεῖα* (№ 10).

2.) Въ Литовско-Польской исторіи извѣстно нѣсколько такихъ Уній. Они возобновлялись на общихъ сеймахъ и скрѣплялись особыми актами.—Такъ извѣстна Унія Городельская 1413 года—Dz. str. nr. Litw. Narbutta т. 6 § 1592; Пётрковская 1499 г.—Тамъ же т. 8 § 1940; Люблинская 1569 г. тамъ же т. 9 § 2185.—

3.) Такимъ образомъ, Унія религіозная была двухъ родовъ: *Унія вѣры* въ строгомъ смыслѣ или *единство вѣры*—unitas religionis-jedność wiary, и *Унія Церквей, Вѣроисповѣданій*—unio ecclesiarum, unio rituum—jedność Kościołow, jedność wyznań, obrządków.—Въ переводѣ

на Русскій языкъ статьи Г. Зубрицкаго: Начало Уніи (Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. г. 1847—8 № 7), эта послѣдняя Унія названа *Вѣроисповѣдною*. Мы сочли за лучшее назвать ее *Уніею Церковною*, въ отличіе и отъ Уніи гражданской и отъ Уніи Вѣры.—

4.) Мы не можемъ здѣсь распространяться, какимъ образомъ составилось мнѣніе, которое и теперь повторяютъ (Прав. Собесѣдн. 1858 г. м. Май стр. 55–56), что Унія—событіе случайное.—Въ замѣчаніяхъ объ источникахъ Уніи (стр. 315–318) мы отчасти раскрыли его происхожденіе. Здѣсь скажемъ только–то, что лучшій у насъ изслѣдователь Уніи—Митроп. Евгеній совершенно иначе смотритъ на Унію и самымъ тѣснымъ образомъ связываетъ Унію 1596 г., съ исторіею Западно–Русской Церкви прежнихъ временъ.

5.) Литовская Церковная Унія, по нашему мнѣнію, имѣетъ такую связь со всею Литовско–Польскою исторіею не только новѣйшаго, но и древняго времени, что разсматривать ее внѣ этой связи значитъ исторгать Унію изъ такой почвы, гдѣ она прикрѣплялась самыми главными корнями и получала самые жизненные соки. Мы даже думаемъ, что Папы не сдѣлали для Литовской Уніи больше того, что сдѣлало одно уже соединеніе Литвы съ Польшею и историческія обстоятельства Литовско – Польскаго народа во всѣ послѣдующія времена, и наше мнѣніе совершенно подтверждаетъ Поссевинъ, который въ своихъ запискахъ о Россіи осуждаетъ Папъ за невниманіе къ дѣлу Уніи въ областяхъ Русскихъ и Литовскихъ. Supplement. ad Hist. Russ. monum. стр. 35, 1.—

6. Dz. nr. Litw. Narb. т 4. стр. 95–99.—

7.) Тамъ же 118–122.—

8.) Тамъ же 454–455.—

9.) Тамъ же 624–626.—

10.) Тамъ же т. 5, стр. 232–238.—

11.) Тамъ же т. 6, стр. 339–340.—

12. Случаи родства Литовскихъ князей съ Русскимъ княжескимъ родомъ и—принятія ими христіанской, Православной Вѣры собраны съ рѣдкою тщательностію въ статьѣ Г. Борщевскаго—«Православіе и русская народность, въ Литвѣ» напечат: въ Христ. Чт. за 1851 г. и отдѣльно.—

13.) Тамъ же стр. 3–70.—

14.) Dz. str. nr. Litw: Narb. т. 3, стр. 414–439; 577–578; 593; т. 4 стр. 27.

15.) Тамъ же т. 5 стр. 235.—

16.) Тамъ же стр. 157–164.—Единственный случай, гоненія Православной Вѣры въ Литвѣ въ 1342 или 1347 г. когда преданы мученической казни за исповѣданіе этой Вѣры три знатные Литовцы—Круглецъ, Кумецъ и Нѣжило—въ Христіанствѣ—Антоній, Іоаннъ и Евстафій, нисколько не ослабляетъ нашихъ мыслей. Напротивъ, изъ древняго расказа о мученической кончинѣ этихъ святыхъ видно, что ихъ страданія вызвали всеобщее удивленіе и сочувствіе Литовцевъ. Толпа народа окружала темницу страдальцевъ, внимала съ благоговѣніемъ каждому ихъ слову и сотни язычниковъ обращались ко Христу.—Какимъ же однако образомъ Ольгердъ, государь мудрый, родившійся два раза съ Русскими князьями и самъ потомъ принявшій Христіанство, рѣшился такъ идти наперекоръ настроенію свое

го народа? Тоже сказаніе древнее разрѣшаетъ намъ и это недоумѣніе. Жрецы языческіе были главными судьями и мучителями этихъ святыхъ. Они требовали и суда надъ ними и выпросили ихъ въ свое распоряженіе, когда Ольгердъ заключилъ смѣлыхъ исповѣдниковъ Христіанской Вѣры въ темницу. (Narb. т. 5. прибавл. 10).—Зная, какое значеніе имѣлъ въ Литвѣ главный жрецъ — Кривекривейта, мы нисколько не должны удивляться, что Ольгердъ, тогда самъ еще язычникъ склонился на его внушенія.—Замѣтимъ еще, что Ольгердъ, вообще человѣкъ строгій, въ то время сильно преслѣдовалъ въ Литвѣ всякое самоуправство, подавляя феодальныя въ ней остатки. Понятно при этомъ, какъ долженъ былъ раздражить его смѣлый отвѣтъ знатныхъ царедворцевъ, что они не исполнятъ его воли, не откажутся отъ вновь принятой Вѣры— Православной.—

17.) Миндовгъ и Витовтъ нѣсколько разъ перемѣняли Вѣру по требованію обстоятельствъ.—

18.) Ягелло совершенно случайно и совершенно незаслуженно попалъ въ великіе люди.—Онъ соединилъ Литву съ Польшею безъ всякихъ глубокихъ соображеній, какъ сейчасъ увидимъ. Но для Польши это событіе, дѣйствительно, было необычайно важно. По этому-то, Польскіе писатели и возвеличили Ягеллу и у большей части изъ нихъ онъ величайшій человѣкъ; но г. Ярошевичъ, глубокій и безпристрастный критикъ историческихъ лицъ и событій, очень много убавилъ Ягеллѣ величія. Obr. Litwy т. 1 § § 27, 29.—

19.) Тамъ же.—

20.) Dz. nr. polsk Narusz. т. 10 стр. 202 изд. 1837 г.; Obr. Litw. Iarosz. т. 2 стр. 30; Dz. i praw Kościoł. Polsk. Ostrowsk. т. 2 стр. 197.—

21.) Kron. Stryik. т. 2 стр. 83 издан. 1846 г.— Неудивительно также, что на Волковыскомъ сеймѣ многіе съ радостію изъявили готовность соединить Литву съ Польшею. O prawach Kr. P. i W. X. Litw. Czackiego т. 1 przypis 1168.—

22.) Возстаніе произошло въ области Полоцкой и Смоленской.—Руководителемъ его былъ братъ Ягеллы Православный Виигольдъ—Андрей Ольгердовичъ, управлявшій прежде Полоцкимъ княжествомъ. Виигольдъ объявилъ, что Ягелло теперь, какъ отступникъ отъ Вѣры (Православной), недостоинъ быть великимъ княземъ Литовскимъ, и для болѣе успѣшнаго противодѣйствія ему соединился съ Ливонскими рицарями и Смоленскимъ княземъ Святославомъ Ивановичемъ. Союзники наводнили область Полоцкую и дѣйствуя, повидимому, для блага ея, въ конецъ разоряли ее. Это совершенно измѣнило настроеніе умовъ въ областяхъ Литовско-Русскихъ. Между тѣмъ, Андрей объявилъ себя великимъ княземъ Литовскимъ. Это еще болѣе раздражило и уже не одного Ягеллу. Поляки и Литовцы поспѣшили въ область Полоцкую, прогнали союзниковъ Андрея, взяли въ плѣнъ его самаго и въ довершеніе всего предали область Полоцкую огню и мечу. Послѣ того, Ягелло въ слухъ всей Литвы, Польши и Папы объявилъ Литовско-Русскихъ Православныхъ *мятежниками* и *схизматиками*. Narb т. 5 стр. 387–395.—

23.) Obr. Litw. Jaroszew. т. 2 стр. 75.—

24.) Wilno Krasz. т. 1 стр. 73.—

25.) Намъ могутъ возразить на это и указать на примѣръ Миндовга и Витовта, которые гораздо прежде этого времени принимали Латинскую Вѣру. Но нѣтъ нужды доказывать, что Литовцы очень хорошо понимали, что тогда ихъ князья не искренно принимали Латинскую Вѣру, слѣдовательно, съ увѣренностію можно сказать, что эти случаи немогли располагать язычниковъ къ Латинству и отчуждать отъ Православныхъ тѣмъ болѣе, что оба князья вскорѣ отказывались отъ Латинской Вѣры. Но теперь, при Ягеллѣ дѣло было совсѣмъ другаго рода. Не только князь, но и лучшіе Литовцы того времени принимали теперь Латинскую Вѣру и уже не отъ ненавистныхъ Ливонцевъ, а отъ Польши, съ которою теперь родились. Теперь добровольно, явно и торжественно совершалась измѣна Восточному Вѣроисповѣданію.—

26.) Iagello secum universum Magn. Lituaniae Ducatum, cui imperabat, non regno tantum, sed et Christi Ecclesiae inseruit. Miscelln rer. Eccles. Alb. Wi. Kojałowicz стр. 38.—

27.) Draw. i przywil od nayjasn Kr. .. nadane... стр. 6, изд. 1632 г.—

28.).... Per Russiam Polonis aut Lituanis subjectam a Graeco schismate ad suscipiendam cum Romana Ecclesiâ unionem accedere *cogeretur*.... Тамъ же у Alb. W. Kojałowicz.—

29.) Тамъ же стр, 38–39.—Авторъ этотъ объясняетъ намъ и причину этихъ стѣснительныхъ мѣръ: duas ob causas maxime id fecit (т. е. издалъ стѣснительныя постановленія) Jagello: ne Hussitae finitimâ

Bohemiâ suam haeresim per propinquiora loca; tum ne Graeci suam schisma per provintias M. Litu: Ducatus propagarent. стр. 39.—

30.) Obr: Lltw: Jarosz: т. 2 стр. 71; Wilno Krasz: т. 1 стр. 281, 293.—

31.) Obr. Litw. Iarosz. т. 2 стр. 31–32.—

32.) Тамъ же § 10.—

33.) На эту Унію до сихъ поръ вовсе не обращали вниманія, между тѣмъ она имѣетъ большую важность въ исторіи Литовской Церковной Уніи.—Мы изслѣдовали ее на основаніи слѣдующихъ данныхъ. Ягелло и нѣкоторые изъ его братьевъ и вельможъ приняли въ Краковѣ прямо Латинство. Къ Латинству же прямо принуждалъ Ягелло двухъ Православныхъ вельможъ и казнилъ ихъ, когда они рѣшительно отказались измѣнить своей Вѣрѣ. (Соф. врем. ч. 1 стр. 381).—Между тѣмъ, въ грамотѣ Ягеллы Виленскому Латинскому Епископу отъ 1387 г. (см. Краш. Wilno. т. 2 стр. 514–515), мы находимъ намѣкъ на то, что отъ Православныхъ нужно требовать лишь Уніи, именно, здѣсь какъ-будто различаются,—хотя очень неясно,—*принятіе* Латинской Вѣры и *признаніе* власти Папы— послушаніе, повиновеніе Латинской Церкви. Мы не обратили бы вниманія на это повтореніе, повидимому, одной и тойже мысли и сочли бы послѣднюю фразу плеоназмомъ, очень часто употребительнымъ въ этой грамотѣ; но въ актѣ Городельскаго сейма 1413 года (у Narbutta т. 6 стр. 302 указаны всѣ сочиненія, гдѣ можно найти этотъ актъ въ копіяхъ Латинскихъ и въ Польскомъ переводѣ,—тамъ же и содержаніе его) находимъ уже ясное различіе между *Латинянами* и *тьми*,

которые признавали надъ собою власть Папы.—Прямое заключеніе отсюда таково: Ягелло сначала хотѣлъ всѣхъ Православныхъ сдѣлать Латинянами; но когда увидѣлъ, что это невозможно, то сталъ отъ нихъ требовать Уніи или,—какъ тогда выражались, послушанія Римской Церкви, Папѣ—obedientiae. Отъ того-то и вышло, что одни писатели Латинскіе говорятъ, что Ягелло вводилъ между Русскими Латинство (наприм. Стрыйковскій т. 2 стр. 149), другіе (наприм. Alb. W. Kojałowicz стр. 38–39), что онъ вводилъ только Унію.—Ягелло дѣлалъ то и другое; только Польскимъ писателямъ неудобно было объяснять, какую связь имѣло одно дѣло съ другимъ.—Мы даже думаемъ, что на первыхъ порахъ Ягелло или вовсе не имѣлъ мысли вводить Унію, или—онъ отложилъ ее до другаго времени изъ опасенія, чтобы язычники не перешли въ эту Унію вмѣсто Латинства. Этимъ только предположеніемъ и можно объяснить странное явленіе, что вмѣстѣ съ Ягелломъ, которому, какъ Польскому королю, положимъ, необходимо было принять Латинство, убѣждены были принять его, даже перекреститься многіе знаменитые Православные изъ Литвы. Подобное явленіе вовсе не могло бы имѣть мѣста, если бы Поляки съ самаго начала соединенія Литвы съ Польшею имѣли намѣреніе ввести въ Литвѣ Унію.—Тогда бы никакъ не слѣдовало посрамлять Восточнаго Вѣроисповѣданія перекрещиваніемъ его послѣдователей, напротивъ тогда-то и нужно бы было почтить чѣмъ—нибудь это Вѣроисповѣданіе, чтобы придать въ глазахъ народа значеніе и святость предполагаемой Уніи. Но этого-то предположенія тогда вовсе и не было.—Оно

вызвано было уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ соединенія Литвы съ Польшею.

34.) Dz. nr. Litw. Narbutt: т. 5 стр. 406; Vol. Leg. 1 стр. 67.—

35.) Акт. Запад. Росс. т. 1 № 12 слич. прим. 10.—

36.) Obr, Litw. Iarosz. т. 2 стр. 31–32.—

37.) Мнѣнія объ отношеніи Витовта къ Латинянамъ и Западно-Русскимъ Православнымъ до крайности противорѣчивы.—Мы не станемъ разбирать ихъ здѣсь, довольствуясь самымъ изложеніемъ дѣла по нашему пониманію его. Скажемъ только, что этотъ знаменитѣйшій Государь еще ждетъ своей исторіи.—

38.) Акт. Запад. Росс. т. 1. примѣч. 22; Dz. nr. Litw. Narb. т. 5 стр. 551, 556: Obr. Litw. Jarosz. т. 2. стр. 80 — 84.

39.) Dz. nar. Litw. Narb. т. 5. стр. 501—547.

40.) Указываютъ въ доказательство ревности Витовта къ Латинской Церкви на то, что онъ принудилъ Митрополита Григорія ѣхать къ Папѣ по дѣлу Уніи. Основываются въ этомъ случаѣ, какъ извѣстно, прежде всего на свидѣтельствѣ древняго Литовско-Русскаго Лѣтописца (Latopisiec Ruski изданный Даниловичемъ стр. 240 — 241), который говоритъ, что Митрополитъ Григорій убѣждалъ Витовта возвратиться къ Восточной Вѣрѣ, что Витовтъ соглашался на это, если Митрополитъ переспоритъ Папу и даже заставилъ Григорія ѣхать на это состязаніе, угрожая обратить въ Латинство всѣхъ Западно-Русскихъ Православныхъ, если Григорій не переспоритъ Папы.—Мы думаемъ, что на основаніи этаго свидѣтельства никакъ нельзя приписывать Витовту ревности къ Латинской Церкви и тѣмъ

менѣе—намѣренія ввести Унію, потому что въ такомъ случаѣ въ этомъ свидѣтельствѣ одна половина будетъ рѣшительно противорѣчить другой.—Митрополитъ Православный рѣшается убѣждать Витовта, принявшаго Латинство, возвратиться къ Православной Вѣрѣ и—не напрасно. Витовтъ соглашается на это, но принуждаетъ Митрополита, чтобы тотъ ѣхалъ переспоривать Папу, грозя въ случаѣ неудачи Латинствомъ всей его Шествѣ. Митрополитъ ѣздилъ къ Папѣ, будто не переспорилъ его, возвратился назадъ и однако Витовтъ не привелъ въ исполненіе своей угрозы?! Напротивъ онъ заслужилъ любовь Православнаго народа и въ послѣдствіи времени возвратилъ Московскому Митрополиту право управлять Западно-Русскою Митрополіею?! Что за странный ходъ дѣла? Что за смѣсь ревности къ Латинству и равнодушія къ нему? Сопоставляя это свидѣтельство Лѣтописца съ историческими событіями того времени, не трудно понять, что онъ соединилъ въ одно два различныя дѣла. Витовтъ нелицемѣрно былъ расположенъ къ Православію и въ откровенной бесѣдѣ съ Митрополитомъ Григоріемъ выражалъ готовность принять снова Вѣру, чуждую политическихъ расчетовъ, только онъ теперь боялся Папы и долженъ былъ угождать ему, потому что надѣялся получить отъ него вѣнецъ королевскій. Онъ вовсе не намѣренъ былъ въ угоду Латинянамъ стѣснять въ Литвѣ Православныхъ; но Ягелло далъ Папѣ обѣщаніе ввести здѣсь Унію и этимъ совершенно связалъ Витовта. Отказаться прямо вводить Унію было опасно и вотъ Витовтъ для виду заставляетъ Митрополита ѣхать къ Папѣ. Но, вѣроятно, Митрополитъ очень хорошо понималъ смыслъ тре-

бованія Витовтова, когда, пріѣхавши на Констанцскій соборъ, прямо объявилъ, что его принудили пріѣхать сюда для разсужденій о соединеніи Церквей, но что самъ онъ вовсе не думаетъ вводить въ своей Церкви Уніи. На Констанцскомъ соборѣ посмѣялись надъ Поляками (замѣчательно, что не надъ Витовтомъ) и отпустили Русское Посольство (Опис. Кіевософ. Собора стр. 103–104). Послѣ этого и Витовтъ и Митрополитъ остались въ покоѣ: каждый изъ нихъ сдѣлалъ свое дѣло.—Посольство Григорія къ Папѣ многіе отвергаютъ; но безъ всякаго основанія.—

41.) Истор. Русск. Церк. Преосв. Филарета т. 3 стр. 5–9; слич. Акт. Западн. Росс. т. 1 № 24 и 25.—

42.) Мнѣніе Уніятскихъ писателей, будто Митрополитъ Григорій былъ Уніятомъ основано единственно на томъ, что онъ ѣздилъ къ Папѣ по дѣлу Уніи (Miscellu. Alb. W. Kojałowicz стр. 43; Obrona jedności... Kreuzy стр. 61; Jedność Sta изд. 1632 г. стр. 16–17), слѣдовательно, мы не имѣемъ нужды опровергать его послѣ того, что сказали объ этомъ посольствѣ. Не стоитъ также опроверженія мнѣніе и тѣхъ современныхъ Григорію Русскихъ Восточной Россіи, которые оглашали его Уніятомъ и Латинянином. Впрочемъ, желающіе знать доказательства Православія Григорія могутъ читать ихъ въ Опис. Кіевософ. Собора стр. 102–104. Съ своей стороны, мы скажемъ противъ клеветы на великаго святителя развѣ то, что прочитанныя нами проповѣди Митрополита Григорія (въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки) возбудили въ насъ не подозрѣніе въ его Православіи, а благоговѣніе къ чистому и высокому его ученію.—

43.) Истор. Русск. Церкви Преосв. Филаретъ т. 3 ст. 9–10 примѣч. 6. Obr. Litw. Iarosz. т. 2 стр. 32.—

44.) Тамъ же Jarosz: стр. 324. —

45.) Опис. Кіев. Соб. стр. 105–106.—

46.) Długosz. стр. 727; Iedność Sta стр. 18–19.

47.) Miscellu. Alb. W. Kojalowicz. стр. 45.—

48.) Тамъ же.—

49.) Акт. Запад. Росс. т. 1. № 42.—

50.) Грамота эта напечатана въ Praw. i przywileje... изд, 1632 г. стр. 13,—

51) Miscellu. стр. 46; Jedność sta стр. 20.—

52.) Григорій посвященъ въ 1452 году и только послѣ 1458 года вступилъ въ управленіе Митрополіею или лучше прибылъ въ Литву; умеръ не позже 1472 года; слѣдовательно, былъ на каоедрѣ Литовско-Русской 14 лѣтъ, а считая со времени посвященія—20 лѣтъ. Истор. Русск. Церк. Пр. Филар. т. 3 стр. 97–100; слич. Опис. Кіевософ. Соб. стр. 110–111.—

53.) Erant tamen plura templa, in guibus conventicula sua celebrare schismatici non negligebant: cum quibus, ut schisma totum faudem ruinis suis insepeliretur, S. Casimirus, princeps, a parente rege obtenuit diploma, quo cavetur severe, ne schismatici aut vetustate collabentia sua templa instaurare aut nova excitare audeant. Miscellu. стр. 46.—Авторъ сочиненія—Iedność Sta, сказавъ, что Унія успѣшно распространялась при Григорія, дѣлаетъ такую оговорку: aże przy przenicy musi bydź pod czasy i konkol, *upor* nie unitow przywiodł do tego Pana dobrego i sprawiedliwego, króla mowię Stei pomięci Kazimierza, że edyktem swym zabronił nieunitom

nie tylko nowych budować, ale i starych Cerkwi poprawiać стр. 20.—

54.) Опис. Кіевософ. Соб. прил. 10.—

55.) Тамъ же стр. 10–121,—

56.) Акт. Запад. Русс. т. 4 № 164.—

57.) См. въ замѣчан. объ источн. Уніи №№ 13, 31, 32, и Hierarchia Dubowicza стр. 172–185.—

58.) Слич. по указнымъ Каталогамъ Митр. Алексія, Іону, Макарія 1-го, Симеона и особенно Митрополитовъ Западно-Русскихъ XVI-го столѣтія.—

59.) Наприм. Dubowicz въ Hierarchiy; Kulczynski въ Specimen Ecclesiae Ruthenicae и Stebelski въ Chronologij; przydatek do żyw. SS. Par: i Ewfroz.. —

60.) Θρῆνος стр. 68; Παρηγορεῖα стр. 87—88; Полиподія ч. 3 разд. 3, артык. 1 стр. 355—357. Преосв. Георгія, Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1847—8 г. № 7 стр. 12—13; Опис. Кіево-соф. Соб. стр. 111—117.—

61.) Опис. Кіево—Соф. Соб. стр. 111—112; Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1847—8, № 7, стр. 12—13. Παρηγορεῖα стр. 88; Suplem: Synopsis стр. 20.—

62.) Въ грамотѣ Патріарха къ Іосифу Солтану прежде всего объ этомъ говорится, спр. Опис. Кіев. Соф. Соб. стр. 114.—

63.) Dz. nar. Litw. Narb. т. 8 стр. 479.—

64.) Miscelln. Alb. W. Kojałow. стр. 46.—

65.) Dz. nr. Litw. Narb т. 8 ст. 255.—

66.) Журн. М. П. Просв. 1846 г. ч. L. отд. II, стр. 39—84. статья о княгинѣ Еленѣ. —

67.) Сборн. Муханова ст. 109.—Папа въ грамотѣ говоритъ, главнымъ образомъ, объ Еленѣ, но тутъ же замѣчаетъ и обо всѣхъ Русскихъ, что и ихъ не нужно

перекрещивать, только бы *учинили послушенство столицѣ Апостольской, а жизни въ обычаи Грецкомъ.*—

68.) Prawa i przywileje—стр. 23.—

69.) Полное Собр. лѣтопис: т. 6 стр. 65.—

70.) Опис. Кіев. Соф. Соб. стр. 114.—

71.) Тамъ же стр. 117—118,—

72.) Miscellu. стр. 49.—

73,) Это очевидно изъ того, что попытки ввести Унію очень часто возобновлялись.—

74.) Miscellu. стр. 45; Iedność Sta стр. 117—118.—

75.) 8 и 9 Томы Исторіи Нарбутта наполнены описаніями этихъ набѣговъ.—

76.) Dz. nar. Litw. Narb. т. 8 стр. 94; т. 9 стр. 274, 275.—

77.) Акт. Западн. Росс. т. 4, №№ 9, 105, 159.—

78.) Dz. nar. Litw. Narb, т. 5 стр. 401.—

79.) Supplem. ad histor. Russ. monum. № 50; Obr. Litw. Iarosz. т. 2 стр. 31, 34, 36.—Самое очевидное доказательство этого—грамота Ягеллы 1387 года, постановленіе Городельскаго сейма и учрежденія Инквизиціи.—

80.) Obr. Litw. Iarosz. т. 2 стр. 33.—

81.) Dz. nar, Litw. Narb. т. 9 стр. 478—479.—

82.) Насчитываютъ до семидесяти двухъ сектъ, распространившихся въ Литвѣ XVI столѣтіи. Wilno Krasz. т. 1 стр. 286.

83.) Dzieje nar: Litw. Narb. т. 9 стр. 465—467; Obr: Litw. Jaroszew. т. 3 стр. 28; Dzieje Kośc. Helwec w Litw. Łukasz. т. 1 стр. 1—3.—

84.) Histor. szkół w. Koron. i W. Ks. Litw. Łukaszewicza т. 1 стр. 30—31; 74—75.—

85.) Dz- Kość: Helweck: W Litw: Łukasz: т: 1 стр: 1—3:—

86.) Стрыйковскій говоритъ, что въ XVI столѣтіи ludzie na Papierza już w ten czas mało dbać poczęli. Kron. стр. 737. по древн. изданію.—

87.) См. примѣч. 83.

88.) Dzieje Kość. Helw. wyzn. w W. Ks. Litw. Lukasz. т. 1. стр. 2.—

89.) Obr. Litw. Jarosz. т. 3 стр. 35—36.—

90.) Тамъ-же примѣч. 37.

91.) Dz. nar. Litw. Narb. т. 9. стр. 247—250.—

92.) Тамъ-же стр. 477 примѣч. 2-е.

93.) Obr. Litw. Jarosz. т. 3. стр. 36; Dz. Kośc. Helw. Wyzn. w W. Ks. Litw. Lukaszew. т. 1, стр. 10—13. Страдала-ли тогда отъ протестантства и Православная Западно-Русская Церковь,—мы объ этомъ не находимъ свѣдѣній; но самый этотъ недостатокъ свѣдѣній приводитъ насъ къ заключенію, что враги Латинства сначала оставляли въ покоѣ мучениковъ отъ Латинства. (У Лукаш. стр. 13.) Правда, мы имѣемъ неопровержимыя доказательства того, что Православные Литовско-Русскіе во все послѣдующее время жили очень мирно съ протестантами (Увидимъ это изъ событій 1595, 1595 и 1599 годовъ), но знаемъ также, что при самомъ появленіи протестантства въ Литвѣ здѣсь раздался сильный голосъ знаменитаго изгнанника Восточной Россіи Князя Курбскаго, который въ слухъ лучшихъ людей того времени провозглашалъ, что ученіе Лютера, подъ личиною истины, скрываетъ злую ересь. (Сказан. Князя Курбскаго т. 2. письма I-е, IV-е, V-е, VI-е и XI-е.) Знаемъ также, что самый сильный и благотворный со-

юзъ Православныхъ съ Лютеранами разрушился немедленно, какъ скоро на ряду съ дѣлами гражданскими начали разсуждать о примирѣніи съ протестантами въ вѣрѣ. (Разумаемъ союзъ 1599 года.) —

94.) Dz. i praw. Kośc. Polsk. Ostrowsk. т. 3. стр. 181. —

95). Obr. Litw. Jarosz. т. 2. стр. 75—77.

96.) Dz. i praw. Kośc. Polsk. Ostrow. т. 3. стр. 121. Начало Уніи — Зубрицк. Чт. М. Общ. Истор. и Др. 1847—8 № 7. стр. 18. —

97.) Dr. nar. Litw. Narb. т. 9. стр. 477; Dz. i pr. Kośc. Polsk. Ostrowsk. т. 3, стр. 101—105.—

98.) Narb. тамъ-же стр. 411—415.—

99.) Тамъ-же стр. 445—451.—

100.) Тамъ-же стр. 450, 461—463.—

101.) Obr. Litw. Jarosz. т. 3. примѣч. 25, стр. 167 — 168. —

102.) Тамъ-же т. 2. стр. 79; Dz. Nar. Litw. Narb. т. 9. стр. 411—413; Wilno Krasz. т. 1, стр. 293. —

103.) Въ Польшѣ протестантство распространилось гораздо меньше, чѣмъ въ Литвѣ, гдѣ Латинство держалось до тѣхъ поръ больше внѣшнею силою, чѣмъ твердостію убѣжденій, и Польша раньше приняла противъ него мѣры. Она ввела у себя Іезуитовъ въ 1565 г. Obr. Litw. Jarosz. т. 3, стр. 39. —

104.) Тамъ-же т. 2. стр. 122—123, и примѣч. 95.

105.) Тамъ-же § 35, 36.

106.) Dz. nr. Litw. Narb. т. 9, стр. 449; Obr. Litw. Jarosz. т. 2, стр. 76; Нач. Уніи Зубрицк. Чт. М. Общ. Истор. и Др. 1847—8, № 7, стр. 17. —

107.) Нач. Уніи Зубрицк. тамъ-же стр. 19.—

108.) Obr. Litw. Jarosz. т. 3, стр. 39. —

109.) Dź. nr. Litw. Narb. т. 9, стр. 479—480. —

110.) Wilno—Kraszew. т. 1. стр. 283—284.—

111.) Histor. szkół w Kor. i W. Ks. Litw. Łukaszewicza т. 1, стр. 252.—Превосходная статья объ этомъ предметѣ у Г. Ярошевича т. 3, §§ 22—26. — Мы не можемъ сдѣлать изъ ней выписокъ, потому что въ ней нельзя дѣлать выбора лучшихъ мѣстъ: тамъ все хорошо, но выписка всего заняла бы нѣсколько листовъ.

112.) Wilno Krasz. т. 1 стр. 293—295.—

113.) Тамъ же стр. 295—296.—

114.) Баторій откровенно сказалъ Полякамъ, что готовъ принять то ученіе вѣры, какое будетъ признано необходимымъ. Obr. Litw. Iarosz. т. 3. стр. 39.—

115.) Тамъ же.—

116.) Тамъ же стр. 90—91, примѣч. 98 стр. 221.—

117.) Histor szkół w Kor. i W. Ks. Litw. Łukasz. т. 1 стр. 123; Акт. Западн. Росс. т. 3 № 137.—Въ примѣч. къ этому № помѣщена грамота Баторія отъ 1582 года въ которой онъ отдаетъ Іезуитамъ почти всѣ Церкви и монастыри Полоцкіе. На этомъ основаніи одни утверждаютъ, что Баторій былъ весьма ревностенъ къ Латинской Церкви, а другіе къ этому прибавляютъ еще сильную укоризну совершенно безвинному Православному Полоцкому Архіепископу Ѳеофану за то, что онъ по нерадѣнію будтобы (?!) допустилъ подобное расхищеніе Православной Церкви. Прав. Собесѣдн. за 1858 г. м. Май стр. 65.—Но дѣло происходило гораздо проще. Баторій тогда только что отнялъ Полоцкъ отъ Россіи.—Іезуи-

ты лучше войска могли упрочить за нимъ эту область и вотъ, онъ по праву раздраженнаго завоевателя, а не изъ усердія къ Латинству расхитилъ достояніе Православной Церкви.—Что же касается до обвиненій противъ Архіепископа Θеофана то откудо видно, что онъ, дѣйствительно, молчалъ при этомъ расхищеніи? Въ Акт. Западн. Россіи мы находимъ королевскую грамоту (т. 3 № 135) Архіепископу Θеофану, изъ которой видно, что Θеофанъ старался и умѣлъ защищать свою Церковь, когда это было возможно.—Есть, правда, обвиненіе противъ Θеофана—это жалоба Могилевскихъ жителей, что новѣренный Епископа нерадѣетъ о Церкви Св. Спаса, а самъ Епископъ не посѣщаетъ ихъ города, но развѣ можно, не колеблясь, усматривать здѣсь связь съ разореніемъ Церкви отъ Баторія?—Мы вооружаемся противъ этого мнѣнія о Полоцкомъ Архіепископѣ особенно потому, что авторъ указанной нами статьи пишетъ намъ по своему усмотрѣнію разряды недостойныхъ людей въ Западно-Русской Церкви съ обозначеніемъ 1-й, 2-й, 3-й, и т. д., не противопоставляя имъ вовсе очень не малаго, скажемъ даже—слишкомъ большаго разряда достойнѣйшихъ людей въ тогдашней Западно-Русской Церкви; поэтому читатель, незнакомый съ дѣломъ, принужденъ составлять самое превратное понятіе о цѣлой помѣстной—Православной Церкви. Конечно, эта односторонность и преувеличенія произошли отъ того, что автору этой статьи извѣстны очень немногія причины Уніи и ему необходимо было усилить ихъ, чтобы изъ нихъ слѣдовала Унія; но всякій ли читатель станетъ такъ именно объяснять это посрамленіе Западно-Русской Церкви, а не иначе?!—

118.) Начало Уніи Забрщ. Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1847—8 № 7; стр. 17.—

119.) Іезуиты, поселенные въ Полоцкой области въ 1582—3 г., такъ много надѣлали зла Православнымъ до 1587 года, что въ этомъ году Бѣлорусскіе дворяне требовали на сеймѣ, чтобы они были изгнаны изъ ихъ областей. Histor. societat. Ioch. pr. 5 lit. 2 n. 35; Albert. p. 220.—

120.) Miscell. Alb. W. Kojałow. стр. 69; Hist. societ. Iesu Rostowskiego—стр. 51; Obr. Litw. Iarosz. т. 3, стр. 75.—

121.) Начал. Уніи Зубрщ. стр. 17.—

122.) Намѣкъ на участіе Іезуитовъ въ Уніи находится въ посланіи Львовскаго Брадства къ Патріарху отъ 1492 года. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 33.—Затѣмъ, въ Перестрогѣ говорится, что Іезуиты хлопотали передъ королемъ за Поцѣя и Терлецкаго, когда тѣ пріѣхали въ Краковъ передъ выѣздомъ въ Римъ. Тамъ же № 149 стр. 212.—Ни въ Эктезисѣ, ни въ Апокрисисѣ объ участіи Іезуитовъ въ Уніи ни слова, кромѣ того, что они упоминаются въ свитѣ Львовскаго Латинскаго Архіепископа Соликовскаго, бывшаго на соборѣ Братскомъ 1596 г.—

123.) Obr. Litw. Iarosz. т. 3, стр. 60.—

125.) Вопросъ о гражданскихъ правахъ Западно-Русской Церкви и Православнаго Литовско-Русскаго народа всегда былъ предметомъ самыхъ горячихъ споровъ. Чтобы убѣдится въ этомъ стоитъ только сличить сочиненія Православныхъ: Synopsis и Suplэrmentum съ сочиненіями Уніятскими — Prawa i

przywileje.... ludziom w jedności bedącym и lednośe Sta. — Главный узелъ всѣхъ споровъ заключался въ слѣдующемъ. Ягелло, Казиміръ, Александръ, дѣйствительно, издавали стѣснительныя постановленія противъ Православныхъ и дѣлали уступки только тѣмъ, кто желалъ принять Унію; но эти уступки были иногда такъ неопредѣленны, что ихъ можно было относить и къ Православнымъ, наприм. въ грамотѣ Владислава Варискаго 1443 года. Далѣе по временамъ, особенно при вступленіи на престолъ тѣже Польскіе короли принуждены были давать разныя права и Православнымъ; особенно добры были къ нимъ Сигизмундъ старый и Сигизмундъ Августъ; но такихъ правъ Поляки очень часто не признавали законными; они не разъ даже жаловались Папѣ и получали отъ него Бреве, уничтожающее эти права. Такъ это было при Сигизмундѣ Августѣ. Такимъ образомъ, существовали разныя права Православнымъ; но рядомъ съ ними существовали также разныя стѣснительныя постановленія противъ Православныхъ и даже формальное уничтоженіе этихъ правъ. Изъ этого лабиринта съ трудомъ выходили образованные и доровтые писатели; что же сказать о судьяхъ,—особенно Латинскаго или Уніятскаго Вѣроисповѣданія? Подробнѣйшее изложеніе этого дѣла мы представимъ въ исторіи распространенія Уніи.—

126.) Подробное и очень удовлетворительное изложеніе этихъ правъ заключается въ многочисленныхъ жалованныхъ грамотахъ королей и частныхъ лицъ. Грамоты эти встрѣчаются въ Актахъ Западной Россіи черезъ каждыя двѣ, три страницы во всѣхъ пяти то-

махъ. Систематически изложилъ эти права Чацкій—Oprawach ч. II-я.—

127.) Акт. Западн. Росс. № 146 слич. съ Іезуитскою Инструкціею Михаилу Рогозѣ—Dzieje Kośc. Helweck. wyznania w Litwie—Łukaszewicza, т. 1 стр. 68.—

128.) Начало Уніи—Зубрицк. стр. 1.—

129.) Comment. brev. revum in polon: Solikowski подъ 1575.—

130.) Извѣстно, что Баторій, будучи еще Седьмиградскимъ княземъ, прославилъ себя великими доблестями въ борьбѣ съ Турками, а что касается до его войны съ Россіею, то Пана ясно высказалъ, что ожидаетъ отъ нея большой подьзы для Латинской Церкви.—Histor. Russ. monument. т. 1 № 194.—

131.) Тамъ же № 213.—

132.) Письмо Поссевина напечатано въ Русскомъ переводѣ въ Историческ. извѣстіи о возникш. въ Польшѣ Уніи Бант.—Камен. стр. 31—33; слич. Supplement ad histor. Russ: monum. стр. 34—39.—

133.) Obrn. jedności Kreuzy стр. 102; Allat. de eccl. Orient. et Occident. Consens. p. 387.—

134.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 33; слич. Историч. извѣст. объ Уніи Бант. Кам. стр. 26.)

135.) Wilno Kraszew. т. 1 стр. 301.—

136.) См. Объ Источн. Уніи стр. 173, 4.—

137.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 33 11.—

138.) Нач. Уніи Зубриц. стр. 1—2.—

139.) Тамъ же: Акт. Западн. Росс. т. 3 № 140.—

140.) Апокр. л. 8.—

141.) Тамъ же; Замѣч. объ источн. Уніи стр. 173, 2.

142.) Какъ только Латиняне стали принуждать Православныхъ къ принятію новаго календаря: то тѣ прежде всего отговаривались тѣмъ, что имѣютъ на это запрещеніе отъ своего Патріарха (Константинопольскаго. Акт. Западн. Росс. т. 3, № 138) и эта мысль такъ сильно и гласно высказывалась всѣми, что ее уважилъ самъ Баторій и на этомъ собственно основаніи запретилъ принуждать Православныхъ къ повому календарю.—Тамъ же № 139.—

143.) Вопросъ этотъ рѣшаютъ то на основаніи однихъ позднѣйшихъ дѣйствій Іезуитовъ въ Уніятской Церкви забывая, что Уніятская и Православная Церкви далеко неравно были доступны вліянію Іезуитовъ, то на томъ основаніи, что Баторій былъ искренній другъ Іезуитовъ, ревностный Латинянинъ и все дѣлалъ въ угоду Іезуитамъ, Папѣ и Польскимъ Латинянамъ,—но мы сейчасъ увидимъ, что послѣ 1583 года ничего подобнаго не было.—Въ нашемъ рѣшеніи этого вопроса мы старались, по крайней мѣрѣ, неуклониться отъ того правила, чтобы наши соображенія и данныя мирились со всею исторіею Уніи.—

144.) Акт. Западн. Росс. т. 3 № 139; Апокрисисъ л. 8.—

145.) Oratio nobilis equitis poloni in publico ordinum Regni illius consensu habita an: 1590.—

146.) Въ жалованныхъ грамотахъ онъ прямо говорилъ, что такому-то даетъ такое-то духовное мѣсто въ награду за оказанныя государству заслуги. Акт. Западн. Росс. т. 3 № 158.—

147.) Тамъ же.—

148.) Русск; Бесѣда за 1858 г. III, кн: 1; науки стр: 9—13.—

149.) Dz. Kosc. Helw. wyz. w Litwie Łukaszew. т. 1 стр. 57—62.—

150.) Тамъ же стр. 61—62.—

151.) Лѣтоп. Львовск. Братства Ж. М. Пр. Просв. 1849 г. ч. LXII отд. II стр. 61—62.—

152.) Акт. Западн. Росс. т. 3 № 146; т. 4 № 14.—

153.) Тамъ же т. 3 №№ 133, 139, 140, 146, 149; т. 4 №№ 33, 45.—

154.) Тамъ же т. 4 № 33.—

155.) Тамъ же и № 45.—

156.) Тамъ же № 45.—

157.) Живая картина этой дѣятельности изображена въ письмахъ князя Курбскаго къ разнымъ лицамъ въ Литвѣ. — Сказаніе княз. Курбск. ч 2 стр. 157—256; также Obr. Litw. Iarosz. т. 3. стр. 82.—

158.) Акт. Западн. Росс. т. 4 №. 71 и 72; предисловіе къ Weryficatij niewinności.—

159.) Тамъ же въ Weryficatij niewinności.—

160.) Таково, по нашему мнѣнію происхожденіе Братствъ: они имѣли неразрывную связь съ Православнымъ Литовскимъ Патронатомъ и составляли высшее его развитіе.—Недавно появилось у насъ сочиненіе: О Православныхъ Церковныхъ Братствахъ, противоборствовавшихъ Уніи въ Югозападной Россіи въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ, соч. (курсовое) Священника Магистра Іоанна Флерова Спб. 1857 г.—Достоинства этого сочиненія слѣдующія: авторъ составилъ стройную, обширную, обѣщающую нѣсколько томовъ сочиненія программу; далѣе по этой программѣ соб-

ралъ всѣ замѣчательные факты о Братствахъ и изложилъ ихъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ программою.— Для справокъ его книга весьма полезна; но въ ней не раскрыты ни дѣйствительное происхожденіе Братствъ, ни ихъ значеніе въ исторіи Уніи. Подобные вопросы и не вошли въ программу этого сочиненія?! См. о Братств. стр. I—III.—

161.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 205—206.—

162.) Это время пребыванія Патріарха въ Литвѣ, а не въ 1588 году со всею точностію опредѣлено въ 17-мъ примѣч. къ 4-му т. Акт. Зап. Россіи.—

162.) Авторъ Антиррисиса говоритъ, что Патріархъ съ большимъ трудомъ получилъ отъ короля эту грамоту—ledwie uprosił. стр. 74 слич. Акт. Западн. Росс. т. 4 стр. 206.—

164.) Акт. Западн. Росс. т, 4 № 16.—

165.) Мнѣніе о соборномъ низложеніи Онисифора, хотя давнее, но совершенно неосновательно. Онисифоръ самъ оставилъ каѳедру, какъ объ этомъ прямо говорится въ королевской грамотѣ. Тамъ же № 19 справ. примѣч. къ этому номеру.—

166.) Онъ, какъ увидимъ послѣ, до 1595 г. всегда сильно защищалъ Братства.

167.) До настоящаго времени, сколько намъ извѣстно, никто изъ Православныхъ не приписывалъ Митрополиту Рогозѣ ни Іезуитскаго образованія, ни связей съ Іезуитами до 1595-го или даже до 1596 года. Напротивъ, въ сужденіяхъ Православныхъ писателей о Рогозѣ замѣтна даже иногда излишняя снисходительность. Сочинитель, напримѣръ Перестроги, современникъ, самый свѣдущій человѣкъ и лично знавшій Мит-

рополита, признаетъ его Православнымъ до послѣдняго дня собора 1596 года и вообще смотритъ на Рогозу, какъ на жертву обмана и козней Поцѣя и Латинянъ. Правда, тотъ же авторъ говоритъ (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 206), что Патріархъ Іеремія при поставленіи Рогозы въ Митрополита сомнѣвался въ его достоинствѣ и даже при рукоположеніи его сказалъ *при бытности знатныхъ людей у Вильни* такія слова: «аще достоинъ есть, по вашему глаголу буди достоинъ, аще же ли нѣсть достоинъ, а вы его достойнаго удасте, азъ чистъ есмь: вы узрите», слова очень многознаменательныя и, повидимому, равносильныя признанію Михаила недостойнымъ Митрополичьяго сана. Но тотъ-же авторъ Перестроги далеко не такъ понималъ ихъ: онъ говоритъ, что Патріархъ сказалъ ихъ *Духомъ святымъ подобно провидячи*, ижъ онъ (Михаилъ) мѣлъ отступникомъ зостати (тамъ же). Понималъ ли бы такъ авторъ Перестроги эти слова, если бы при посвященіи Михаила, дѣйствительно, находили что-нибудь противъ него,—что конечно было бы извѣстно этому автору, имѣвшему такія подробныя свѣдѣнія о поставленіи Михаила. Замѣтимъ, что слова Патріарха—аще достоинъ.... сказаны открыто въ присутствіи лучшихъ людей того времени, которые не могли не давать себѣ въ нихъ отчета и, слѣдовательно, не могли не взвѣшивать при этомъ всѣхъ качествъ Михаила. Чѣмъ же однако вызваны были пророческія слова Константинопольскаго Патріарха? Тогдашними обстоятельствами Западно-Русской Церкви.—Патріархъ понималъ, какая опасность грозитъ этой Церкви и какой искусный кормчій нуженъ теперь для нея! Самъ

онъ призванъ былъ въ Литву искоренить зло въ этой Церкви и имѣлъ случай ясно увидѣть его; но не имѣлъ ни времени, ни средствъ узнать все доброе въ этой Церкви и самъ выбрать достойнаго Митрополита. Вотъ, почему Патріархъ предоставилъ этотъ выборъ лучшимъ людямъ того времени; но боясь ихъ ошибки въ этомъ случаѣ, связалъ ихъ совѣсть. Соображая всѣ эти обстоятельства, мы не знаемъ, кого-бы изъ достойнѣйшихъ людей того времени посвящалъ Патріархъ въ Митрополита безъ этихъ знаменательныхъ словъ?—Вотъ, почему самъ авторъ Перестроги, уважавшій Патріарха Іеремію до благоговѣнія, приведши эти слова, не колебался далѣе выражать свое убѣжденіе въ томъ, что послѣ посвященія Михаилъ былъ Православнымъ до 1596 года.—Мы увидимъ, что и соборъ Православный въ Брестѣ 1596 года время измѣны Митрополита полагалъ не раньше 1594 года.— Только Уніяты, то для оправданія другихъ дѣятелей Уніи, то для мнимой славы самаго Михаила утверждали, что онъ зналъ объ Уніи гораздо раньше 1596 года. Но и они проговаривались, что до 1593 года Рогоза былъ не расположенъ къ Латинянамъ (Ἀντίῤῥησις стр. 46 — niezyczliwy Rzymianom). — Такъ думали о Михаилѣ въ древнія времена. Но въ недавнее время явился новый взглядъ на это лицо. Авторъ сочиненія: О зловредныхъ дѣйствіяхъ Іезуитовъ въ отношеніи къ Православной Церкви въ Россіи.... Г. Лиловъ (тогда еще студентъ) утверждаетъ (стр. 157 — 166), что Рогоза былъ «воспитанникомъ, тайнымъ соумышленникомъ Іезуитовъ и съ первыхъ дней вступленія на престолъ Православной

Митрополіи взялъ на себя выполненіе задачи Іезуитовъ». Мы не обратили бы вниманія на этотъ ранній, основанный на односторонненъ лишь знаніи дѣла взглядъ молодого изслѣдователя Уніи; но онъ повторенъ въ нынѣшнемъ году въ такомъ изданіи, которое достойно пользуется вниманіемъ немалаго числа людей, читающихъ произведенія нашей духовной Литературы (Правосл. Собесѣдн. 1858 г. м. Іюнь стр. 235—249). Поэтому вынуждаемся разобрать этотъ взглядъ, ограждая себя въ настоящемъ случаѣ —тою мыслію, что разборъ частной мысли одной статьи Православн. Собесѣдника не есть разборъ самаго Журнала.—Новый взглядъ на воспитаніе и образъ мыслей и дѣйствій Митрополита Михаила до 1595—6 г. основанъ единственно на данной ему Іезуитами Инструкціи. Извлеченіе изъ этой инструкціи помѣщено у г. Лукашевича въ его сочиненіи—Dz. i pr. Kośc. Helw. wyzn. w Litwie т. 1 стр. 68.—Но здѣсь перѣшенъ одинъ очень важный вопросъ—когда имѣнно дана эта Инструкція, чего не позаботился рѣшить и авторъ указанной нами статьи. Обязанность эта падаетъ на насъ.—Въ инструкціи этой говорится объ Уніи, какъ о дѣлѣ начатомъ лицами Западно-Русской Церкви, которое Митрополитъ долженъ кончить: слѣдовательно, она не могла быть дана раньше 1592 года,—значитъ Митрополитъ въ продолженіи слишкомъ двухъ лѣтъ своего правленія не могъ ей слѣдовать. Далѣе, въ ней говорится о сенаторскихъ мѣстахъ Митрополиту и Епископамъ, какъ о наградѣ за Унію, а мы знаемъ, что о сенаторскихъ мѣстахъ не было и помину до 1593 года. Въ спискѣ на Унію Епископовъ 1591 г. въ королевской

жалованной грамотѣ по этому случаю 1592 г., которая не могла быть дана безъ вѣдома Іезуитовъ, не говорится о сенаторскихъ мѣстахъ ни слова. Вопросъ объ нихъ поднятъ былъ въ 1593 году княземъ Острожскимъ и поддержанъ Поцѣемъ, какъ увидимъ все это послѣ. Это наводитъ на мысль, что Іезуитская инструкція дана была Митрополиту не раньше 1594 г., когда Рогоза, дѣйствительно, и принялъ участіе въ Уніи, какъ это тоже увидимъ въ свое время. Но когда бы ни была дана эта инструкція, Михаилъ очень плохо ей слѣдовалъ, и въ этомъ прежде всего и лучше всего убѣждаетъ насъ переписка съ нимъ Поцѣя. Поцѣй до крайности былъ недоволенъ имъ, осуждалъ его за нерѣшительность и постоянно боялся, что Митрополитъ оставитъ всѣхъ виновниковъ Уніи. Самъ король былъ недоволенъ имъ и Іезуиты готовили новаго Митрополита. Какимъ же образомъ достойный воспитанникъ Іезуитовъ былъ такъ равнодушенъ къ Уніи и наставленіямъ своихъ учителей?! Да онъ вовсе не былъ ученикомъ Іезуитовъ! Онъ въ грамотѣ къ Виленскому Братству прямо сознается, что не умѣетъ читать по Латынѣ,—а могъ ли воспитанникъ Іезуитовъ даже самый плохой не знать читать по Латынѣ и не ужели между Виленскими братчиками не было никого, кто-бы могъ обличить Митрополита, если бы онъ, предположимъ трудное дѣло, въ этомъ случаѣ лгалъ передъ ними такъ открыто? Правда, мы не имѣемъ ни обличенія лжи, ни свидѣтельства истины этого наивнаго признанія Митрополита: но мы имѣемъ свидѣтельство самаго Поцѣя, 1593 года, передъ княземъ Острожскимъ, что Митрополитъ не расположенъ къ Латинянамъ (ука-

заиное мѣсто въ Ἀντιῤῥησει) и искренность этого свидѣтельства подтверждается всѣми письмами Поцѣя къ Митрополиту; имѣемъ далѣе очень важное въ настоящемъ случаѣ молчанія о Іезуитскомъ воспитаніи Михаила и его связяхъ съ Іезуитами—всѣхъ Православныхъ писателей, которые, осуждая Митрополита за то или другое, въ тоже время, рядомъ съ нимъ попрекали Поцѣя Краковскаго Академіею (далеко не такъ нелюбимою, какъ Іезуитскія Коллегіи) и связями съ иновѣрцами; имѣемъ свидѣтельство лучшихъ людей Западно-Русской Церкви, которые избрали Михаила на Митрополичій престолъ и приняли это дѣло сознательно, на свою совѣсть; имѣемъ, наконецъ, свидѣтельство самого Михаила при послѣднемъ издыханіи: онъ умеръ раскаявшись въ Уніи! На какомъ же основаніи держится новый взглядъ относительно Іезуитскаго воспитанія и тайнаго единомыслія съ Іезуитами Михаила до 1694 года? Не знаемъ.—

168.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 17.—

169.) Тамъ же № 149 стр. 206; Нач. Уніи Зубрицк. стр. 8.—

170.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 17.—

171.) Г. Иванишевъ въ статьѣ: свѣдѣнія о началѣ Уніи (Русск. Бесѣда 1858 г. III, кн. 1 науки стр. 15) говоритъ, что Терлецкій происходилъ изъ дворянской фамиліи, имѣвшей свои имѣнія *въ Перемышльской области*; но это были совершенно другіе Терлецкіе. Кириллъ Терлецкій былъ родомъ изъ Пинской области (Акт. Западн. Росс. т. 3 № 65 и примѣч. къ нему) и здѣсь имѣлъ помѣстье (тамъ же т. 4 № 149 стр. 210 стл. 2-й).—

172.) Объ умѣ и образованіи Кирилла мы не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ, но заключаемъ объ этомъ на основаніи особенной близости Кирилла къ знаменитому поборнику Западно-Русской Церкви—князю Острожскому, который никакъ не допустилъ бы къ этой близости Епископа малоспособнаго и малообразованнаго,—и на основаніи того значенія, какое Кириллъ имѣлъ и въ Православной Іерархіи и потомъ между Уніятами.—

173). Акт. Западн Росс. т. 3 № 65 и примѣч. 78.—

174.) Русск. Бесѣда 1858 г. т. III. кн. 1. Науки стр. 9, 12—15.—

175). Всѣ эти свѣдѣнія о дѣятельности Кирилла на Луцкой кафедрѣ взяты нами изъ указанной статьи Русской Бесѣды. Считаемъ своею обязанностію выразить здѣсь искреннюю благодарность автору этой статьи Г. Иванишеву за обнародованіе этихъ свѣдѣній.—Провѣряя безпристрастною историческою критикою всѣ общепринятыя извѣстія о порочности Кирилла, мы никогда не признавали ихъ вѣрными. Преувеличенія и ненависть въ нихъ слишкомъ явны и не подтверждаются никакими оффиціальными памятниками того времени. Но не имѣя ясныхъ доказательствъ ложности этихъ извѣстій, мы должны были ограничиваться однимъ сомнѣніемъ. Напечатанная недавно статья Г. Иванишева была для насъ истинною находкою и мы съ радостію взялись передѣлать въ этомъ мѣстѣ нашу рукопись.—Намъ всегда представлялось весьма страннымъ, почему Львовское Братство въ посланіи къ Патріарху (Акт: Западн: Росс. т. 4 № 33), перечисляя грѣхи всѣхъ Іерарховъ, и Брестскій Православный соборъ

1596 года, объясняя причины отпаденія владыкъ отъ Церкви, ни слова не говорятъ о порокахъ Кирилла Терлецкаго?—Странно также, почему авторъ Апокрисиса, разсказавшій о Кириллѣ даже то, что онъ въ Римѣ закупалъ не цѣломудренныя картины, не представилъ намъ никакого другаго доказательства порочности Кирилла, а писатель этотъ зналъ самыя задушевныя тайны жизни Уніятовъ и вовсе не любилъ молчать объ нихъ. Первый раскрылъ намъ мрачную картину порочныхъ и даже уголовныхъ дѣлъ Кирилла авторъ Перестроги, а за нимъ повторили писатели—Книги о единой Вѣрѣ и Густынской Лѣтописи и т. д.—Авторъ Перестроги при этомъ говоритъ, что всѣмъ извѣстны преступленія Кирилла.—Положимъ, но откуда же взялъ ихъ самъ почтенный авторъ? Въ Жидычинскомъ монастырѣ—Епархіи Кирилла былъ въ началѣ Уніи человѣкъ очень близкій къ Львовскому Братству, къ которому принадлежалъ авторъ Перестроги—это братъ Гедеона, человѣкъ до крайности озлобленный противъ Кирилла. Свѣдѣнія этого человѣка могли подтверждать родственники предмѣстника Кирилла и тѣ изъ его духовенства, которымъ правитель города Луцка нашептывалъ въ судѣ обвиненія въ нечистой жизни противъ Кирилла и потомъ приказывалъ записывать, какъ собственныя ихъ показанія. Обвиненія эти далѣе могъ передать автору Перестроги войскій Луцкій Жданъ Броневскій, похитившій въ Острогѣ имущество Кирилла и когда Кириллъ жаловался, представившій свидѣтелей, которые доказывали, что Кириллъ самъ виновенъ въ ужасныхъ преступленіяхъ—въ кровосмѣшеніи, поддѣлкѣ монеты, убійствѣ, жестокости и

т. п.?!—Читая эти обвиненія, думаешь, что Кириллъ былъ второй Іона Красенскій. Но неужели такія преступленія, открытыя въ присутствіи князя Острожскаго при свидѣтеляхъ—остались бы безъ всякихъ послѣдствій? Дѣло это, какъ теперь оказывается, благодаря изслѣдованіямъ Г. Иванишева, происходило не позже 1591 года, когда Кириллъ ѣздилъ въ Польшу.—Но Кириллъ въ то время еще былъ во враждѣ съ Правителемъ города Луцка,—не въ мирѣ онъ былъ и съ многочисленными родственниками своего предшественника Іоны Красенскаго; несомнѣнно также, что и между духовенствомъ много у него было недоброжелателей: неужели всѣ эти люди молчали бы о преступленіяхъ Кирилла передъ Коммиссіею, пріѣзжавшею вскорѣ послѣ того въ Луцкъ для разбора тяжбы между Кирилломъ и правителемъ города Луцка? Нѣтъ, по всему видно, что авторъ Перестроги не провѣрилъ извѣстій о Кириллѣ и вѣроятнѣе всего смѣшалъ ихъ съ извѣстіями о предшественникѣ его Іонѣ Красенскомъ.—

176.) Русск. Бесѣда тамъ же стр. 20: Акт. Западн. Росс. т. 4 № 21.—

177.) Составитель Львовской Лѣтописи (Журн. Мин. Пр; Просв; 1849 г. ч. LXII ст: II стр. 21—22) говоритъ, что въ Тарнополѣ и въ Каменцѣ при Патріархѣ былъ Митрополитъ и пять Епископовъ. Незнаемъ, на чемъ основываетъ авторъ эти свѣдѣнія. Но въ памятникахъ Уніи мы находимъ противорѣчія имъ. Изъ Перестроги (Акт. Западн: Росс: т 4 № 149 стр. 207—208) видно, что при Патріархѣ сначала былъ Митрополичій Протонотарій Григорій и что, когда Патріархъ

отправилъ его въ Литву съ грамотою противъ Кирилла, что было около 14 Августа 1589 года, и потомъ съ другою грамотою—Архіепископа своего Діонисія, что было не раньше самого конца 1589 года, то въ оба эти раза Митрополитъ былъ въ самой Литвѣ. Достовѣрно извѣстно только то, что когда Патріархъ удалился на предѣлы Литвы, то при немъ были Гедеонъ и Кириллъ. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 21. Густ; Лѣт: въ Полн: Собр: Русс: Лѣт; т. 2 стр. 370.—

178.) Лѣт. Львовскаго Братства тамъ же стр. 22.—

179.) Дѣло о вознагражденіи Патріарху убытковъ, понесенныхъ въ Литвѣ, само по себѣ совершенно пустое, получило необычайное значеніе отъ тѣхъ толкованій, какимъ подвергалось въ то время и въ послѣдствіи.—Изложимъ его, какъ оно намъ представляется по сличенію всѣхъ извѣстныхъ объ немъ толковъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что когда Патріархъ Іеремія пріѣхалъ въ Литву, то высшая Іерархія и знаменитые Патроны позаботились обезпечить средства его содержанія здѣсь.—Это и говорили всѣ Уніятскіе писатели, защищавшіе Митрополита Михаила.—Остается, значитъ, предполагать, что какія—нибудь особенныя обстоятельства вынудили Іеремію просить помощи. Эти обстоятельства довольно ясны при внимательномъ изслѣдованіи историческихъ извѣстій объ этомъ дѣлѣ. 6-го Августа 1589 года Патріархъ былъ въ Брестѣ (Русск. Бесѣд. 1858 г. III кн. 1. Науки стр. 20), а въ половинѣ его—въ Замостьѣ (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 21).—Въ томъ и другомъ мѣстѣ содержаніе не стоило Патріарху ничего, потому что въ Брестѣ не могъ отказать ему въ немъ очень близ-

кій къ нему и очень богатый Епископъ Мелетій Хрептовичъ, а въ Замостьѣ, по свидѣтельству Перестроги, Патріархъ жилъ у Гетмана Яна Замойскаго, который окружалъ его своимъ вниманіемъ, какъ человѣка ученаго (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 207). Переѣздъ Іереміи изъ Бреста въ Замостье можетъ быть стоилъ издержекъ, можетъ быть—нѣтъ; рѣшить это трудно. Но затѣмъ, дальнѣйшее его пребываніе въ предѣлахъ Литовско-Польскаго Государства не могло обойтись безъ значительныхъ издержекъ. Патріархъ пребывалъ въ Красномъ-Ставѣ, Тарнополѣ, Каменцѣ Подольскомъ почти до конца 1589 года. Переѣзды по этимъ мѣстамъ, не имѣвшимъ Епископскихъ каѳедръ и населеннымъ большею частію Поляками, и пребываніе здѣсь въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, безъ сомнѣнія стоили дорого. Какія же деньги долженъ былъ тратить на это Патріархъ? Пожертвованія, собранныя въ Восточной и Западной Россіи для устройства Патріаршей Церкви въ Константинополѣ, расхищенной Турками во время заточенія Іереміи на островѣ Родосѣ.—Не жалѣть такихъ издержекъ нельзя было: но кто же долженъ былъ вознаградить ихъ? Пребывая на предѣлахъ Литвы, Патріархъ постоянно занимался дѣлами Западно-Русской Церкви и вотъ, онъ обратился къ предстоятелю этой Церкви, прося его восполнить понесенную убыль собранной милостыни.—Очень можетъ быть, что прозьба эта передана была Митрополиту черезъ его Протонотарія Григорія когда Патріархъ собирался уѣхать изъ Замостья. Но авторъ Перестроги и Густынская лѣтопись говорятъ, что она высказана была такъ же присланнымъ въ Литву по

дѣлу Терлецкаго Діонисіемъ, когда Патріархъ былъ уже въ Валахіи (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 208 Густ. лѣт: во 2-мъ т. собр: лѣт: стр: 370).—Но если прозьба о помощи высказана была въ то уже время, когда Патріархъ находился на предѣлахъ Западно-Русской Митрополіи, то очень понятно, почему Михаилъ, довольно своекорыстный человѣкъ, отказался помочь Патріарху.—Онъ и безъ того имѣлъ неудовольствіе противъ Патріарха за то, что Патріархъ при поставленіи его въ Митрополита высказалъ сомнѣніе въ его достоинствѣ. Кромѣ того, теперь Кириллъ, возвратившійся отъ Патріарха и имѣвшій случай узнать о двухъ Патріаршихъ грамотахъ противъ него, какъ это сейчасъ увидимъ, вооружилъ Митрополита еще болѣе. Онъ—то, по свидѣтельству Перестроги, и далъ первое ложное толкованіе прозьбѣ Патріарха, говоря, что не аспръ, а червонцевъ требуетъ Патріархъ (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 209). Патріарха теперь не было въ Литвѣ,—трудно было объяснить дѣло въ настоящемъ его видѣ, а толковать его въ дурную сторону и не исполнять было очень легко. Наконецъ, мы сейчасъ увидимъ, что тогда уже начали распространяться разныя клеветы на Патріарха,—неудивительно, что онѣ могли имѣть вліяніе и на Михаила.—При такомъ взглядѣ обращаются въ ничто и сужденія о своекорыстіи Патріарха, а равно и мнѣнія нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей Уніи, будто Митрополитъ Михаилъ отказалъ Патріарху въ помощи не только по скупости, но и потому, что въ душѣ уже имѣлъ намѣреніе принять Унію?!!—Но не имѣло ли въ самомъ дѣлѣ это столкновеніе сильнаго вліянія на Михаила въ

послѣдствій? Нисколько. Митрополитъ принималъ потомъ отъ Патріарха грамоты, называлъ его киръ Іереміею, верховнымъ своимъ Пастыремъ и, по свидѣтельству Перестроги, даже доносилъ Патріарху въ 1595 году о самоволіи Епископовъ, замышлявшихъ ѣхать въ Римъ (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 212). «Все это дѣлалъ Митрополитъ по своей обычной хитрости и двоедушію»—скажутъ намъ?! Легко говорить это; но такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Мы увидимъ, что далеко не такъ.—

180.) Взглядъ Гедеона на Братства, какъ нельзя лучше, выразился въ его отношеніяхъ къ Львовскому Братству, описанныхъ со всею подробностію въ Львовской Лѣтописи Зубрицкаго (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1849 ч. LXII отд. II-е). Взглядъ Кирилла и его единомышленниковъ переданъ авторомъ Перестроги (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 211).—

181.) Акт. Запад: Русс: т 4, стр. 209; слич. 208.—

182.) Въ грамотѣ Патріарха между прочимъ говорится..... якіежъ бы кольвекъ рѣчи противные ему (Кириллу) и справамъ его духовнымъ Епископъ Гедеонъ *и хтожъ кольвекъ иный показати* гдѣ кольвекъ.... смѣлъ и важился, *подъ якого кольвекъ датою*, таковые вси *скрибы и листы*, яко не слушные, мы Патріархъ симъ листомъ нашимъ касуемъ. Тамъ же № 65.—

183.) Письмо Ѳеодора Скумина къ Митрополиту. Тамъ же № 65.—

184.) Тамъ же № 33, 1.—

185.) Тамъ же № 56.—

186.) Тамъ же № 37: Русск. Бесѣд. 1858 г. III кн. 1. Науки стр. 2—3.—

187.) Акт. Западн. Росс. т. 4, № № 53, 58, 68.—

188.) Тамъ же № 65.—

189.) Тамъ же.—

190.) Тамъ же № 149 стр. 211.—

191.) Тамъ же № 56. Русск. Бесѣд. 1858 г. III кн. 1. Науки стр. 2—3.—

192.) Акт. Западн. Росс. №№ 56, 66.—

193.) См Русск. Бесѣд. тамъ же стр. 23—30.—

194.) Исторія сужденій о Гедеонѣ очень замѣчательна.—Современники Гедеона до 1596 г. какъ Православные, такъ и Уніяты и Латиняне имѣли объ немъ очень незавидное мнѣніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочитать донесенія Патріарху Львовскаго Братства 1592 г. (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 33, 1 и 2), письмо Митрополита Михаила къ Замойскому 1594 г. (тамъ же № 51) и Ἀντίῤῥεισις (стр. 86). — Тѣ и другіе считали его человѣкомъ непостоянным, неуживчивымъ и никто тогда не сомнѣвался, что Гедеонъ склоненъ къ Уніи. Протестаціею противъ Терлецкаго 1595 г. Гедеонъ увѣрялъ, что онъ никогда не участвовалъ въ Уніи, но и послѣ этого ему недовѣряли (Лѣт. Львов. Братств. Ж. М. Н. Пр. 1849 г. ч. LXII отд. II стр. 75 подъ 1596 г.). Любовь Православныхъ Гедеонъ пріобрѣлъ уже послѣ 1596 года, когда явился непреклоннымъ и ревностнымъ Пастыремъ Православнымъ.—Тогда очень естественно было Православнымъ предать забвенію всѣ прежнія дѣла Гедеона. Но это забвеніе перешло и въ исторію. Въ исторіи стали даже отвергать участіе Гедеона въ Уніи. Протестація его противъ Уніи принята на слово и Гедеонъ считался у насъ неповинным въ Уніи. Таково

было общее мнѣніе въ нашей Литературѣ до сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Но съ этого времени начинаютъ совершенно иначе думать о Гедеонѣ.— Напечатанная въ 1849 году Лѣтопись Львовскаго Братства (Ж. М. Пр. Прос.) и потомъ 4 томъ Акт. Западн. Росс. представляютъ неоспоримыя доказательства того, что Гедеонъ дѣйствительно участвовалъ въ Уніи, хотя, разумѣется, никто изъ безпристрастныхъ изслѣдователей Уніи не подумаетъ отвергать истинныхъ заслугъ Гедеона передъ Западно-Русскою Церковію, послѣ 1596 года.—

195.) Акт. Западн. Росс. т. 3 № 14; Supplement ad hist. Russ. monum. №№ CLXIX—CLXXVII.—

196.) Supplem. ad. hist. Russ. monumenta стр. 147.—

197.) Еще отецъ Гедеона получилъ Львовскую каѳедру независимо отъ ходатайства Латинскаго Епископа, потому что въ указанной выше грамотѣ Supplem. Сигизмундъ Августъ только доводитъ до свѣдѣнія Латинскаго Епископа о назначеніи Марка на Львовскую Православную каѳедру, но ни слова не говоритъ, что бы это назначеніе послѣдовало по его ходатайству, однако самое право оставляется въ этой грамотѣ за Латинскимъ Епископомъ. —

198.) Акт. Западн. Росс. т. 3 № 140.—

199.) Тамъ же № 147.—

200.) Лѣтоп. Львов. Брат. Ж. М. Пр. Просв. 1849 г. ч. LXII подъ 1586 г.—

201.) Лѣтоп. Львовскаго Братства, начиная съ 1587 года.—

202.) Лѣт. Львов. Брат. подъ 1588 г.—Замѣчательно, что это было вскорѣ послѣ того, какъ Пат-

ріархъ Іеремія (въ 1587 г.) осудилъ Гедеона за преслѣдованія Братства. Акт. Западн. Росс. т. 3 — 167.—

203.) Лѣт. Льв. Братст. подъ 1588 и 1589 г.—

204.) Митрополитъ въ письмѣ къ Яну Замойскому 1594 г. говоритъ, что ему поручено было Патріархомъ наблюдать—исправится ли Гедеонъ. (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 41). Кириллу вообще дана власть наблюдать за Епископами. (Тамъ же № 21.—Патріаршая грамота). Но теперь въ грамотѣ Патріарха это право высказано по случаю навѣтовъ Гедеона—слѣдов: мы можемъ думать, что оно теперь и повторено было, главнымъ образомъ, противъ Гедеона.—

205.) Гедеонъ находился въ немилости у Патріарха еще съ 1587 г. (Акт. Западн. Росс. т. 3 № 167),— но не исправлялся и послѣ во все время пребыванія Іереміи въ Литвѣ. Власть Патріарха, какъ видно, была для него очень тягостна: понятно послѣ этого, что онъ враждебно посмотрѣлъ и на Кирилла, когда тотъ получилъ санъ Экзарха. Впрочемъ, мы не отвергаемъ, что могли быть и другія причины вражды Гедеона съ Кирилломъ.—

206) Лѣтоп. Львовск. Брат. Ж. М. Пр. Просв. 1849 г. ч. LXII подъ 1591 г. —

207.) Считаемъ непзлишнимъ показать здѣсь, какъ неправильно изложилъ все это дѣло авторъ Перестроги (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 207—208), а за нимъ писатель Густынской Лѣтописи (Полн. Собр. Лѣтоп. т. 2 стр. 370) и всѣ позднѣйшіе наши изслѣдователи Уніи. Они говорятъ, что Патріархъ, въ Замостье будтобы возвратившійся изъ Москвы, послалъ Митрополиту черезъ его Протонотарія Григорія пове-

лѣніе созвать соборъ. Одно это извѣстіе будтобы встревожило Кирилла и Гедеона и оба они поспѣшили къ Патріарху въ Замостье просить прощенія, а Кириллъ изъ боязни, чтобы Митрополитъ не созвалъ собора въ его отсутствіе приказалъ своимъ слугамъ догнать Григорія и отнять грамоту о созваніи собора. Такимъ образомъ, оказывалось будтобы несомнѣннымъ 1.) то, что Кириллъ много чувствовалъ за собою преступленій, когда такъ боялся собора (изслѣдователи Уніи, основывавшіеся на этомъ разсказѣ, не сочли нужнымъ сказать того же о Гедеонѣ, не смотря на то, что у автора Перестроги и въ Густынской Лѣтописи обоимъ этимъ Епископамъ приписывается страхъ собора); 2.) то, что Кириллъ и Гедеонъ въ это время были въ дружбѣ. Но этотъ разсказъ, подавшій поводъ къ самымъ различнымъ и къ самымъ неправильнымъ заключеніямъ о началѣ Уніи, совершенно опровергается недавно открытыми памятниками строго оффиціальнаго характера.—Мы видѣли, что еще въ началѣ Августа 1589 г. Патріархъ вмѣстѣ съ Западно-Русскими Іерархами составлялъ соборъ въ Брестѣ, на которомъ утвердилъ Кирилла Экзархомъ, и что послѣ того нѣкоторые Іерархи отправились сопровождать его до самыхъ границъ Валахіи: слѣдовательно, теперь не время было созывать общій соборъ изъ всѣхъ Іерарховъ Западно-Русской Церкви и Патріархъ, дѣйствительно, какъ увидимъ, не требовалъ теперь общаго собора.—Такимъ образомъ, обращаются въ ничто всѣ разсужденія о томъ, какъ Кириллъ теперь боялся собора, какъ онъ умолялъ Митрополита не созывать собора и какъ Митрополитъ постоянно отказывалъ Патріарху въ соборѣ,

лелѣя уже въ то время замыслъ на Унію?!!...—Дѣйствительно, было со стороны Патріарха требованіе собора, но не общаго, а частнаго—изъ двухъ, трехъ Іерарховъ и—собора по особенному случаю.—Извѣстіе о томъ, что Кириллъ велѣлъ перехватить посланную по этому случаю грамоту къ Митрополиту прямо наводитъ на мысль, что въ этой грамотѣ дѣло касалось лично Кирилла и что оно устроено Кириллу было уже послѣ отъѣзда Патріарха изъ Бреста послѣ 6 Августа, иначе Патріархъ, зная объ немъ дурное раньше этого времени, никакъ неназначилъ бы его своимъ Экзархомъ. Кто же въ это время, которое, какъ увидимъ сейчасъ, могло продолжаться только по 14-е Августа,—сообщилъ Патріарху дурныя вѣсти о Кириллѣ. Патріархъ въ своей грамотѣ отъ 14-го Августа, которой содержаніе мы сейчасъ изложимъ въ текстѣ, самъ разсказываетъ, кто сообщилъ ему эти вѣсти: онъ винитъ въ этомъ Гедеона, указывая на него, какъ на недоброжелателя Кириллова.—Значитъ, Патріарху сообщены дурныя вѣсти о Кириллѣ его недоброжелателемъ,—обстоятельство, котораго никакъ нельзя упускать изъ виду при оцѣнкѣ этихъ извѣстій.—Сейчасъ увидимъ, какую оцѣнку ихъ сдѣлалъ самъ Патріархъ.—

208.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 21.—

209.) Гедеонъ въ то самое время, какъ обвинялъ передъ Патріархомъ Кирилла, обвинилъ и старшихъ Братчиковъ Львовскаго Братства и даже получилъ грамоту, въ которой Братчики отлучались отъ Церкви за низверженіе, будто бы, съ каѳедры Епископскаго Священника. Дѣло это теперь разъяснилось не въ пользу

Гедеона и ему грозило новое осужденіе отъ Патріарха (Лѣт. Львов. Братства подъ 1589 г.).—

210.) Акт. Западн. Росс. т. № 149 стр. 208.— Густын. Лѣт. въ Полн. Собр. Лѣт. т. 2 стр. 370.—

211.) Кириллъ, какъ мы говорили уже, былъ прежде Протоіереемъ и потомъ Епископомъ въ Пинской Епархіи. Оттуда же онъ происходилъ родомъ и имѣлъ тамъ не мало родственниковъ.—

212.) Этотъ взглядъ на мѣсто служенія развился очень сильно въ Западно-Русской Церви. Тамъ обыкновенно давалась Епископія тому или другому лицу на всю жизнь и не требовалось никакого отчета въ управленіи.—Перемѣщеніе съ одной каѳедры на другую и отчетность въ дѣлахъ встрѣчаются въ исторіи Западно-Русскихъ Іерарховъ, какъ самыя рѣдкія явленія.—Отсюда, между прочимъ, происходила и слабость власти Митрополита надъ Епископами и нерасположеніе послѣднихъ подчиняться всякому постороннему требованію и, наконецъ, вмѣшательство міранъ каждой Епархіи въ дѣла церковныя. — Послѣднее обстоятельство не мало можетъ прояснять намъ исторію Литовскаго Патроната и тѣхъ преслѣдованій, какимъ подвергалась Православная Церковь отъ своихъ міранъ и Латинскихъ.—

213.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 208. Густын. Лѣтоп. въ полн. Собр. Лѣт. т. 2 стр. 370.—

214,) Тамъ же.—

215.) Лѣт Львов. Братства подъ 1589 г. Ж. М. Нар. Просв. 1849 г. ч. LXII от. II.—

216.) Весь этотъ разсказъ мы основываемъ на слѣдующихъ данныхъ. Изъ соборной грамоты Брестскаго

1590 г. Собора (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 25) со всею справедливостію можно заключать, что нѣкоторые Епископы, собиравшіеся въ Бельзѣ видѣлись съ Митрополитомъ раньше этого собора.—Далѣе, составитель Густынской Лѣтописи (полн. собр. Русск. Лѣт. т. 2 стр. 371.) говоритъ, что эти Епископы умоляли Митрополита созвать соборъ Брестскій и при этомъ даетъ понять, что это были Кириллъ Терлецкій, Гедеонъ Болобанъ, Ипатій Поцѣй и Михаилъ Перемышльскій — Но ни Поцѣй, ни Михаилъ Перемышльскій не могли умолять Митрополита объ этомъ соборѣ (1590 или 1591 г.) какъ Епископы, потому что оба еще тогда не были Епископами. Не могли также умолять объ этихъ соборахъ, и Кириллъ и Гедеонъ; потому что ни тому, ни другому, какъ увидимъ, не могло быть пользы отъ этихъ соборовъ. Слѣдовательно, если можно допускать какую нибудь долю правды въ этомъ свидѣтельствѣ составителя Густынской лѣтописи, то развѣ ту, что Кириллъ и Гедеонъ обращались къ Митрополиту съ прозьбою гораздо раньше Брестскаго собора 1590 г. и—съ прозьбою не о Брестскомъ открытомъ соборѣ, а о частномъ собраніи въ Бельзѣ, что, какъ увидимъ, дѣйствительно подтверждается событіями того времени.—Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что Кириллъ и Гедеонъ гораздо раньше Брестскаго Собора и даже Бельскаго совѣщанія сносились съ Митрополитомъ.—Какъ же они сносились лично или письменно? Авторъ Перестроги говоритъ, что они съѣхались съ Митрополитомъ и здѣсь Кириллъ примирился съ Протонотаріемъ Григоріемъ (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 209 1). Сопо-

ставляя это свидѣтельство съ прежними нашими соображеніями, мы думаемъ, что этотъ съѣздъ ихъ былъ именно раньше Брестскаго Собора 1590 г. и даже Бельскаго. Подтвержденіемъ этому служитъ то, что по словамъ автора Перестроги Кириллъ здѣсь мирился съ Григоріемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Кириллъ, дѣйствительно, боялся бѣды за побои, нанесенные Григорію, то онъ не могъ не поспѣшить поскорѣе примириться съ нимъ.—Побои нанесены въ половинѣ 1589 года, до конца котораго Кириллъ сопровождалъ Патріарха до границъ Валахіи, слѣдовательно, примиреніе могло произойти не раньше 1590 года, но никакъ и не позже первой половины его,—не позже потому, что въ половинѣ этого года былъ Брестскій Соборъ, на которомъ Григорій могъ потребовать справедливаго удовлетворенія. — Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что и авторъ Перестроги помѣщаетъ въ своемъ разказѣ примиреніе Кирилла съ Григоріемъ немедленно послѣ того, какъ только разказалъ о похищеніи Кирилломъ Патріаршей грамоты у Мелетія Брестскаго. За тѣмъ, у автора Перестроги дополняется разказъ и онъ беретъ событіе изъ 1595 года (Акт. Западн. Росс. т. 4 №№ 64, 86.)— о томъ, какъ Кириллъ выхлопоталъ Григорію Полоцкую Архіепископію. Многіе изслѣдователи Уніи, не различая начала и конца этого разказа, пришли къ заключенію, что это примиреніе происходило въ 1595 или 1594 году?!

217.) И авторъ Перестроги и составитель Густынской Лѣтописи, дѣйствительно, влагаютъ въ уста Кирилла эти разсужденія каждый разъ, когда только говорятъ, что Кириллъ убѣждалъ того или другаго Іерар-

ха пристать къ Уніи. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 211. Полн. Собр. Лѣт. т. 2 стр. 371.

218.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 25 и примѣчан. предыдущее.

219.) Изъ протестаціи Гедеона (Русск. Бесѣд. 1858 г. III кн. 1 стр. 39—40) ясно видно, что на этомъ соборѣ были многіе вельможи и что они принимали дѣятельное участіе въ его дѣлахъ.—

220.) Кто изъ Епископовъ былъ на Бельзскомъ совѣщаніи,—это открывается слѣдующимъ образомъ. Гедеонъ въ своей протестаціи противъ Кирилла, указанной нами въ предъидущемъ примѣчаніи, говоритъ, что онъ, Кириллъ, Леонтій и Діонисій рѣшились въ 1590 году на Брестскомъ соборѣ составить жалобу къ королю на притѣсненія Церкви и что для этого даны были Кириллу бланкеты, Въ грамотѣ на Унію отъ того времени написанной, будто бы, на одномъ изъ этихъ бланкетовъ, дѣйствительно, есть эти четыре надписи. Но мы увидимъ, что бланкеты отъ этихъ четырехъ Епископовъ, если только давались для составленія жалобы, то были даны не на Брестскомъ соборѣ 1590 года, а раньше, именно на Бельскомъ совѣщаніи, на которомъ слѣдовательно были: Кириллъ, Гедеонъ, Леонтій и Діонисій.—

221.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 33—1.—

222.) Слово «списаться» имѣло въ Западно-Русскомъ нарѣчіи особое значеніе. Когда нѣсколько лицъ договаривались, соглашались на какое нибудь дѣло и составляли для этого письменный документъ съ собственноручными подписями и печатями, то это называлось списаться на что нибудь т. е. подписаться на

что нибудь вмѣстѣ съ другимъ съ извѣстнаго рода обязательствами.

223.) Тамъ же № 25.—

224.) Русск. Бес. 1858 г. III. Кн. 1 наук. стр. 39—41.—

225.) Думать, что бланкеты даны были во время самого собора тайно не позволяетъ ни протестація Гедеона, въ которой говорится, что это дѣло происходило открыто: ни соборное дѣяніе этого собора, по которому тогда Епископы Бельзскіе уже «списались»— Впрочемъ, мы этимъ не отвергаемъ, что на Брестскомъ соборѣ 1590 г. могли происходить тайныя совѣщанія и списки. Здѣсь мы говоримъ только о тѣхъ бланкетахъ, которые по словамъ Гедеона и по указанному соборному дѣянію извѣстны были Брестскому собору.—

226.) Мы никогда не могли понять, какимъ образомъ тѣже изслѣдователи Уніи, которые дѣлали Кирилла какимъ–то чудовищемъ нравственной порчи, могли тутъ же рядомъ говорить, что этому общеизвѣстному чудовищу, трепещущему теперь на соборѣ, даны были бланкеты для составленія по его усмотрѣнію жалобы королю?—Тутъ могло бы быть развѣ одно изъ двухъ: или Кириллъ вовсе не получалъ бланкетовъ, какъ недостойный никакого довѣрія, или онъ вовсе не былъ нравственнымъ чудовищемъ. Но въ послѣднемъ случаѣ ему не было никакой нужды обманомъ вводить въ Унію людей, которые больше его имѣли побужденій желать ея.—Впрочемъ, сами по себѣ эти двѣ лжи не такъ важны, а важно то, что съ ними неразлучна третья ложь,—будто Брестскій Православный соборъ 1590 года, облекшій порочнѣйшаго Кирилла такою

важною довѣренностію, былъ безразсуднѣйшій соборъ.—Но разсматривая двѣ грамоты этого собора (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 25 и 22. 11), мы никакъ не можемъ принять за истину этой лжи; впрочемъ и безъ этихъ грамотъ ее всегда нужно было бы назвать ложью.—

227.) Зубриц. Нач. Ун. Чт. М. Общ. Истор. и древн. 1848 № 7, стр. 29; Сличн. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 51.—

228.) Русск. Бесѣд. 1858 г. III. Кн. 1. Наук. стр. 40—41.—

229.) Тамъ же стр. 39;—

230.) Такой смыслъ имѣютъ всѣ жалобы Кирилла на тогдашнее положеніе. См. выше примѣч. 217.—Въ Антиррисисѣ стр. 76—прямо говорится, что Епископы, замышлявшіе принять Унію, просили короля—aby nikt mimo Pana Zwierzchniego (т. е. короля) nad Władykami sobie nijakiej Iurisdikcij nie przywłaszczał.—

231.) Антиррисисъ стр. 86.—

232.) Полн. Собр. Лѣт. т. 2 стр. 371—2.—

233.) Тамъ же стр. 371.—

234.) Опис. Кіево-Соф. Соб. стр. 128.—

235.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 25.—

236.) Тамъ же № 33 11 цедула.—

237.) Полн. Собр. Лѣт. т. 2 стр. 371—372.—

238.) Русск. Бесѣд. 1858 г. III Кн. 1. Наук. стр. 29—30 —

239.) Перестрога. Акт, Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 210.—

240.) Грамота эта, какъ увидимъ, подписана и подана 1591 г.—

241.) Въ 1592 году объ ихъ жизни знало Львовское Братство и доносило Константинопольскому Патріарху. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 33, 1.—

242.) Лѣт. Львовск. Братства подъ 1591 и 1592 года. — Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1849 LXII отд. 11.—

243.) Русск. Бесѣд. 1858 г. III. Кн. 1 стр. 29—30: Перестрога. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 210.—

244.) Русск. Бесѣд. тамъ же стр. 24—28.—

245.) Лѣт. Львовск. Братства подъ 1590 годомъ.—

246.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 33, 11. Густын. Лѣт. въ Полн. Собран. Лѣт. т. 2 стр. 371.—

247.) Густын. Лѣтоп. тамъ же; Нач. Уп. Зубрищ. въ Чт. М. Общ. Истор, и древн. 1848 года № 7 стр. 27—

248.) Вотъ эта грамота на Польскомъ языкѣ: W Jmie Beże stańsię, My Episkopi niżej mianowane osoby, oznaymujemy, iż według powinnośći naszej starać się nam należy tak o zbawienie nasze, jako i o lud chrzesciański stado owieczek Chrystusowych nam od Boga poruczonych abyśmy do zgody i jedności wiedli, przeto z daru Bożego chcąc my jednego Pasterża starszego i namiestnika prawdziwego Piotra Swiętego na stolicy Rzymskiej będącego naswiętszego Papę pasterzem naszym wyznawać i jego głową naszą mieć i onemu podlegać i słuchać zawżdy, za czym Wielkie pomnożenie chwały Bożej w Cerkwi jego Swiętej bydź rozumiemy i niechcąc dalej na sumnieniach naszych tego ponosić, skłoniliśmy walą i umysł nasz, jako się wyzej pomieniło posłuszenstwo naswiętszemu Oycu papierzowi Rzymskiemu oddać y Cerkwie Boże po l wierz-

chnoć y Błogosławieństwo J. M. naswiętszemu Papierzowi Rzymskiemu poddać, wyjmując tylko to sobie aby nam od naswiętszego Papierza Rzymskiego Ceremonie i wszystkie, sprawy to jest Służba Boża i parządek Cerkiewny wszystek, jako zdawna Cerkiew nasza S. Wschodnia dzierży, iżbu ni odmiennie do skończenia swiata w tym porządku nienarusznie stała, a od J. Kr. M. Pana naszego Miłosciwego wolności nam przywilejami było warowane y Artykuły, klare od nas podane będą utwierdzono, a my za tokowym upewnieniem i utwierdzeniem przywilejami od Naswiętszego Papy i od Jego Królewskiej Mosci Pana naszego Miłosciwego przyrzekamy i tym listem naszym obowiązujemy się i obiecujemy pod zwierzchność i błogosławieństwo naswiętszego Oyca Papierza Stolicy Rzymskiej podleć, co oswiadczając Bogu w Troycy jedynemu tę mysl i chęć serca naszego, ten list z podpisem własnych rąk naszych i pieczęci kniemu przyłożywszy daliśmy do rąk bratu naszemu starszemu J. M. oycu Kirylowi Terleckiemu, Exarchu i Episkopu Luckiemu i Ostrożskiemu. Pisan w Brzesciu roku 1591, miesiąca Czerwca 24 dnia. (Ἀντίῤῥησις стр. 56—57). Въ Ἀντίῤῥησις передъ грамотою сказано: który list i teraz ma u siebie Władyka Lucki (Терлецкій) pod pieczęciami i z podpisem rąk tych czterech władyk—Luckiego (Кирилла), Lwowskiego (Гедеона), Pinskiego (Леонтія) i Chełmskiego (Діонисія) autintice (стр. 46), а въ Colloqnium Lubelskie—сочиненіи Уніятскаго Митрополита Іоховскаго, имѣетъ съ грамотою выписаны и подпись: Kiryl Terlecki Episkop Lucki i Ostrozki, Leonty Pelczynski Episkop Pinski, Bołoban Episkop Lwowski, Dyonizy Zbiruyski Episkop Chełmski, (str. 32) Здѣсь Datum означено 1590 года; но мы спи-

таемъ это ошибкою умышленною или неумышленною и слѣдуемъ Антирриссу, какъ сочиненію болѣе древнему (изд. 1600 г) и болѣе дѣльному, а тамъ обозначенъ 1591 годъ. Этотъ годъ составленія грамоты, а не 1590, подтверждается и тѣмъ, что королевская жалованная грамота, данная въ слѣдствіе этой грамоты, обозначена во всѣхъ сочиненіяхъ, гдѣ только приводится или упоминается, 1592 годомъ, — а невозможно предположить, чтобы Сигизмундъ два года медлилъ излить щедрую милость Епископамъ, списавшимся на Унію будто бы въ 1590 году.

249.) Акт. Запади. Росс. т. 4 № 31 здѣсь говорится, что король получилъ извѣстіе (вѣдомость) о вмѣшательствѣ міранъ въ дѣла Церковныя отъ *Митрополита* и что *Митрополитъ* просилъ о прекращеніи этого зла.—Эти выраженія королевской грамоты и самое постановленіе собора 1591 года необходимо заставляютъ предполагать, что еслибы для составленія этой жалобы даны были бланкеты, то въ нихъ была бы подпись и Митрополита, а между тѣмъ въ грамотѣ на Унію того времени, — нѣтъ этой подписи. Значитъ Кириллъ воспользовался другимъ бланкетомъ безъ подписи Митрополита, а не тѣмъ который данъ былъ теперь съ этою подписью.—Но неужели Кириллъ сдѣлалъ бы такой выборъ, если бы могъ его дѣлать и если бы имѣлъ намѣреніе обманомъ ввести въ Унію Западно-Русскихъ Іерарховъ?—Тогда бы онъ выбралъ тотъ бланкетъ, гдѣ были подписи всѣхъ Іерарховъ. Соображая все это необходимо думать, что если Митрополитъ поручилъ Кириллу отъ лица собора представить королю жалобу на притѣсненія, то и

написалъ эту жалобу, а не предоставлялъ составленіе ея самому Кириллу.—

250) Грамота эта напечатана въ Апокрисисѣ листъ 9 и въ Supplementum Synopsis стр. 19,—упоминается въ Антиррисисъ стр. 46–47. Выписываемъ ее изъ Апокрисиса: «Oзнаймуемо тымъ нашимъ листомъ всѣмъ посполите и каждому зособна кому бы кольвекъ то вѣдати належало пынѣшнимъ и на потомъ будучимъ. Якъ мы Господарь видячи быти прихильныхъ купоровнанью въ вѣрѣ святой Епископовъ релѣи (религіи) греческой Луцкаго Епископа, Львовскаго, Пинскаго и Холмскаго, которые до насъ господаря стымъ присылали, хотячи подъ зверхностію и благословеніемъ одного Пастыря найсвятѣйшаго отца нашего Папежа Римскаго быти и ему старшенство и зверхность признати, заховавши собѣ вцалѣ всѣ справы, порядокъ и церемоніи въ Церквахъ Божіихъ. Што мы Господарь видячи предсявзятье ихъ потребное до речей збавеныхъ, тые отъ нихъ з вдячностью пріймуемо. а якбы за таковую хуть (желаніе) свою ласки нашей господарской были вдячны и певны (увѣрены) тогды тымъ теперешнимъ листомъ привилеемъ нашимъ имъ самымъ всѣмъ поменеными епископомъ, пресвитеромъ и всему духовенству Церкви Восточной релѣи греческой варуемо, уневаемо и словомъ нашимъ господарскимъ прирекаемо и обѣцуемо сами за себѣ и за найяснѣйшіе потомки наши ихъ м. кр Польскіи, якъ хотя бы на тыхъ урочаныхъ Епископовъ по дано того листу привилею нашого, отъ Патріарховъ и Митрополитовъ якіе кольвекъ причины ку не благословенству были на нихъ выпайдованы и клятвы выношены, а выдаваны, якъ то имъ Епископо-

номъ самымъ и всему духовенству ихъ памнѣй никгды нивчемъ шкодити (вредить) не маетъ — и обѣцуемо словомъ нашимъ крѣпкимъ для всякого оскарженья (обвиненія) и клятвы и оголашенія (объявленія) бы и добре противъ становъ ихъ (sic) ведлугъ правъ духовныхъ и свѣтскихъ было, для всѣхъ таковыхъ причинъ тыхъ достоинствъ, владыцтвъ на которыхъ они мешкаютъ зданины продковъ нашихъ, отъ нихъ того неотымовати и прі ихъ животѣ иншимъ особамъ недавати, але заховати ихъ обѣцуемо вцалѣ спримноженьемъ ласки нашей и вывышеньемъ учтивости, въ покою на тыхъ владыцтвахъ, яко вѣрныхъ подданыхъ и Богомольцовъ нашихъ, доколя остатнего живота ихъ ставати будетъ. Придаючи еще надъ то имъ и каждому ктобыся до такой едности и порядку прихилилъ (склонился) свободы, вольности, по тому жъ, яко ихъ и духовные римскіе маютъ, такъ и они маютъ мѣти. Што мы обецуемо еще и иншими (другими) привилеями нашими имъ падавати спримножньемъ ласки нашей господарской. а то все обецуемо мы господаръ за насъ и за потомки наши тымъ помененымъ Епископомъ Кирилу Терлицкому владыце луцкому, Гедіонови Болобанови владыце львовскому, Леонтему Пелчицкому владыце пинскому, Діонисію Збируйскому владыце холмскому вцалѣ здѣржати до ихъ животовъ. А на твердость тоей рѣчи, далисмы имъ тотъ нашъ листъ привилей подписавши его рукою нашею королевскою, до котораго и печать коронную притискутисмы казали. писанъ въ краковѣ цѣсяца марта III (18) дня. року отъ нароженія Сына Божего ѧфчѫ (1592). Жикгимантъ кроль Польскій.

251) Русск. Бесѣда 1858 г. III. кн. 1. Науки стр. 28—29. Примиреніе это послѣдовало черезъ три мѣсяца (22-го Іюня 1592 года) съ небольшимъ послѣ того, какъ данъ былъ (18-го Марта 1592 г.) королевскій привилей Епископамъ, списавшимся на Унію.

252) Акт. Западн. Росс. т. 4. № 33. 1 и 11

253) Obr. Litw. Jaroszew. т. 3. §§ 16 и 17.

254) 25-го Генваря 1591 года Митрополитъ запретилъ Гедеону преслѣдовать Львовское Братство подъ страхомъ отлученія отъ Церкви. Тоже подтвердилъ онъ 27-го Октября того же года, по случаю новой жалобы Братства. Лѣт. Львовск. Брат. подъ 1591 и 1592 г.—

255) Акт. Западн. Росс. т. 4. № 33. 11. приписка.

256) Тамъ же № 33, 1 и 2.

257) Тамъ же № 42.

258) Тамъ же примѣч.: къ Акт. 32, 49; грам. № 44.

259) Тамъ же № 33.

260) Тамъ же № 42: Льв. Лѣт Ж. М. Нар. Просв. 1849 г. LXII отд. II подъ 1592 г.—Составитель этой лѣтописи говоритъ, что только Михаила Перемышльскаго молва оглашала измѣнившимъ Православію; но изъ грамоты Михаила Перемышльскаго къ Львовскому Братству (Акт. Западн. Росс. т. 4, № 42) видно что и Рогозу подозрѣвали въ томъ же. «Въ которомъ писанью (письмѣ) дивные и неподобные и неслушные рѣчи, отъ людей злыхъ такъ на мене, яко и *на его милость Митрополита* пастыря нашего змышленые выписати ми его милость (Митрополитъ) рачилъ....

261) Вельми смущается Церковь и вспять возвращается, паче же сановитыи, въ различныя ереси впадшіи и хотящіи возвратитися ко своему праворѣчію, нынѣ же отщеваются, хуляще церковное безчиніе: людіе же вси единогласно въпіюще, глаголютъ: яко аще неустроится церковное развращеніе въ конецъ розыйдемъся во отступленіи Римскаго послушанія и въ покои безмятежно пребудемъ. Слова изъ посланія Льв. Братства къ Патріарху. Акт. Запад. Росс. т. 4, № 33—1.

262) Тамъ же.

263) Біографія Поцѣя составлена Львомъ Кишкою и помѣщена при собраніи проповѣдей Поцѣя. Изд. 1714.

264) 1-го Вселенск: Собор. правл. 10-ое.

265) Акт. Западн. Росс. т. 4, № 149 стр. 209—210, подстрочное замѣчаніе.

266) Тамъ же № 44.—Не можемъ здѣсь не высказать одного соображенія, которое невольно вызывается при сличеніи историческихъ памятниковъ Уніи, Намъ кажется, что Поцѣй еще раньше своего посвященія въ Епископа имѣлъ сношенія съ Епископами. замышлявшими принять Унію. Это предположеніе невольно вызывается тѣмъ, что всѣ древніе свидѣтели Уніи указываютъ на него при всѣхъ дѣйствіяхъ этихъ Епископовъ. Не потому ли многіе и отнесли время поставленія Поцѣя въ Епископа къ 1590 г.?—

267) Тамъ же № 149 стр. 210.

268) Тамъ же.—Львовское Братство съ похвалою отзывалось о Поцѣѣ въ посланіи къ Патріарху. Тамъ же № 33, 1.—

269.) Kronika Bychowca изд. Narb. стр. 129—134. Kron. Stryjkowsk. 648—654, по перв. изданію. Генеалогія князей Острожскихъ составлена Стебельскимъ,— Zywoty ss. Parascewij i Ewfrozyny т. 2-й. Chronologja Xiążąt Ostrożskich.

270) Отецъ его десять лѣтъ томился въ плѣну въ Москвѣ. — Narb. т. 8, стр. 379 — Самъ Константинъ Константиновичъ пріобрѣлъ въ Литовско-Польскомъ Государствѣ славу побѣдами надъ Русскими и при Баторіѣ убѣждалъ казаковъ идти противъ нихъ. Нач. Уніи Зубриц. стр. 11. — Нѣтъ сомнѣнія, что князь Курбскій не мало усилилъ эту нерасположенность къ Русскимъ въ князѣ и въ другихъ Литовско-Русскихъ вельможахъ разсказами о томъ, что дѣлалъ тогда въ Россіи Іоаннъ IV.

271.) Dz. nar. Litw. Narb. т. 9 стр. 450.—

272.) Первый разъ это письмо напечатано (въ переводѣ на Польскій языкъ) въ Антирриписъ изд. 1600 г. стр. 41—46; потомъ (въ подлинникѣ) въ соч. Obrona Iedności.... Kreuze изд. 1617 г. стр. 96—100; далѣе (опять въ польскомъ переводѣ) въ соч. Prawa i przywileje... obywatelom.... w jedności będącym изд. 1632 г. стр, 54 и въ Hierarchii Dubowicza изд. 1644 года стр. 211—215.—Въ новѣйшее время оно издано Археографич. Коммиссіею въ Акт. Западн. Росс. т. 4 № 45.—

273) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 45.—

274.) Письмо это Поцѣй имѣлъ право прочитать на соборѣ.—

275.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 64 стр. 88.—

276.) Историч. Извѣст. объ Уніи Бант. Каменск. стр. 33.—

277.) Supplem. ad hist. Russ. monument. № 65 стр. 156—157.—

278.) Слово *обряды* употребленное здѣсь не означаетъ Богослужебной обрядности, потому что обрядность самъ князь вездѣ называетъ церемоніями, порядками, но означаетъ весь составъ Вѣроисповѣданія,— отъ Польскаго слова—obrządek—Вѣра, Религія. Obrządek, obrządki Ruskie—составъ Вѣроисповѣданія Русскаго.

279.) Антиррисисъ стр. 46.—

280.) Самъ Поцѣй въ отвѣтѣ князю сказалъ, что никакъ не согласенъ ѣхать въ Россію съ предложеніемъ Уніи. Тамъ же.—А что касается до Церкви Греческой, то виновники Уніи обыкновенно говорили, что она подъ властію Турокъ и не можетъ дѣйствовать самостоятельно.—

281.) Антиррисисъ тамъ же.—

282.) Въ 1593 году Митрополитъ потребовалъ Гедеона на соборъ для суда, а въ 1594 году низложилъ съ каѳедры.—Лѣт. Львовск. Братств. подъ означенными годами.—

283.) Przed przeszłym, rokiem говорили на соборѣ 1596 года, (tojest temu minęło czwarte lato—слова писателя книги Ekthesis), dowiedziawszysię swiętej pamięci Iaremiasz Patriarcha Konstantynopolski, że ten Metropolit Michał wiele bezzakonnych i nieprzystojnych spraw poczynił,... (изчисляются его преступленія, главное, что онъ не низлагалъ недостойныхъ людей въ Іерархіи) przez pisanie swe patryarsze excom-

munikując go do czasu karanie słuszne nań włożył, roskazując mu w duchu Stym, aby się mógł uznać, a takowego bezzakońśtwa przestać i aby złożeniem, jako Onisiforus koniecznym niebył karan sprawiedliwie,—такъ передавалъ въ 1597 г. соборное дѣяніе Брестскаго собора 1596 года сочинитель Ектесиса (стр. 19). Слѣдовательно Патріаршая грамота, осуждавшая Митрополита на временное запрещеніе, прислана была 1594 г. или въ концѣ 1593 г.

284.) Въ письмѣ къ Яну Замойскому Митрополитъ, между прочимъ, говоритъ, что противъ Гедеона «повторивъ отъ святѣйшаго Патріарха декреты для зруценья зъ владыцтва выданы» —повторивъ послѣ того, какъ Митрополитъ самъ былъ въ Львовѣ и разбиралъ его дѣло съ Братствомъ, т. е. послѣ 1591 г. (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 51), а составитель Львовской Лѣтописи говоритъ, что Митрополитъ, осудивъ Гедеона соборно 1593 года, послалъ ему вмѣстѣ съ соборнымъ опредѣленіемъ и Патріаршее рѣшеніе (Львов. Лѣт. подъ 1593 г. Ж. М. Пр. Просв. 1849 г. ч. LXII отд. 11); слѣдоват: можно думать, что вторичная грамота Патріаршая противъ Гедеона прислана была не ранѣе 1592 и и не позже 1593 года.—

285.) Дѣяніе собора 1594 г. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 48.—

286.) Львовск. Лѣт. подъ 1594 г.—

287.) Synopsis abo krótkie zebranie spraw... подъ 1694 г.—

288.) Собори. Грам. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 48 стр. 68, 1 столб.—

289.) Русск. Бесѣд. 1858 г. III кн. 1 Науки стр. 36—37. Слич. собори. дѣяніе 1594 г. указанное въ предъидущемъ примѣчаніи.—

290.) Въ началѣ указанной выше соборной грамоты упоминается имя Кирилла Терлецкаго, какъ члена собора, но въ концѣ ея нѣтъ его подписи: этой странности нельзя объяснить тѣмъ, что Кириллъ, оставаясь до конца собора, не согласился подписать соборнаго опредѣленія, потому что въ такомъ случаѣ онъ не допустилъ бы, чтобы его имя вписали и въ началѣ грамоты. Гораздо правильнѣе думать, что Кириллъ уѣхалъ съ собора раньше его окончанія.—

291.) См. примѣч. 289.—

292.) Составитель Львовской Лѣтописи подъ 1594 г. говоритъ, что опредѣленіе о низложеніи Гедеона сдѣлано на Новогрудскомъ соборѣ 27 *Сентября* 1594 г. Но это явная ошибка.—Гедеонъ еще въ *Іюлѣ* этого года подавалъ протестъ противъ опредѣленія Брестскаго собора, осудившаго его въ *Іюнѣ*. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 50.—

293.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 48.—

294.) Русск. Бесѣд. 1858 г. III. Кн. 1. Наук. стр. 37.—

295.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 211. Здѣсь говорится, что Кириллъ сперва «намовилъ до себе Гедеона» и потомъ отправился съ нимъ въ Сокаль и дальше разсказывается, какъ онъ убѣждалъ собравшихся здѣсь Епископовъ «приступить до послушенства Папежскаго».—Изъ извѣстій объ Упіи, помѣщенныхъ въ Русской Бесѣдѣ въ указанномъ выше мѣстѣ открывается, что предварительное совѣщаніе Гедеона проис-

ходило въ Жидычинѣ (Епархіи Терлецкаго). Само собою разумѣется,—оно было того же рода, что и Сокальское совѣщаніе.—

296.) Русск Бесѣд. 1858 г. III. Кн. 1. Наук. стр. 40.—

597.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 211. Слич. Русск. Бесѣд. указан. года стр. 37—38.—

298.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 51.—

299.) Histr: szk: w Koron: i w W. Xęist. Litw. Lukasz: т. 1 стр. 127 —

300.) Тамъ же № 54. Объ этихъ собственноручныхъ условіяхъ Уніи Митрополита упоминается въ Уніятскомъ сочиненіи *Ἀντίῤῥησις* стр. 46—47.—

301.) Апокрисисъ стр. 3.—

302.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 56 слич. съ № 59.—

303.) Тамъ же № 59.—

304.) Тамъ же № 56.—

305.) Археографическая Коммиссія, издавшая эту грамоту по современному списку съ подписями Митрополита и другихъ Епископовъ, кромѣ Гедеона и Михаила Перемышльскаго, замѣтила, что въ Архивѣ Грекоуніятскихъ Митрополитовъ находится подлинникъ этой грамоты за подписью только Поцѣя и Кирилла. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 54.—

306.) Въ Генварѣ 1595 года (тамъ же № 56) Поцѣй извѣщалъ Митрополита, что уже всѣ Епископы списались на Унію, и дѣйствительно отъ конца 1594 года мы имѣемъ условія Уніи, которыя составили Епископы (тамъ же № 53) и вручили должно быть Терлецкому.—

307.) Тамъ же № 56.

308.) Тамъ же № 59.—

309.) Тамъ же № 56,—

310.) Тамъ же № 57.—

311.) Тамъ же № 59.—

312) Темъ же № 58.—Никакъ нельзя сомнѣваться въ подлинности напечатаннаго подъ этимъ №-мъ соборнаго Львовскаго дѣянія. Объ немъ, спустя два мѣсяца, упоминалъ въ письмѣ къ Митрополиту Ѳеодоръ Скумпъ. Тамъ же № 65.—

313.) Апокрисисъ л. 3 слич. Львовск. Лѣтоп. подъ 1595 г.—

314.) Апокрисисъ л. 3. Извлеченіе изъ этого письма—въ Опис. Кіево-Соф. Соб. прибавл. стр. 63—64.—

315.) Лѣт. Львовск. Братства подъ 1595 г.—

316.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 60.—

317.) Это видно изъ письма Поцѣя и Терлецкаго къ Митрополиту отъ 20 Мая 1595 г. Тамъ же № 66.—

318.) Тамъ же № 65.—

319.) Тамъ же № 66.—

320.) Тамъ же.—

321.) Тамъ же № 69.—

322.) Тамъ же.—

323.) Тамъ же.—

324.) Тамъ же № 149 стр. 212.—

325.) Тамъ же № 69—11.—

326.) Митрополитъ, писавшій къ князю нѣсколько писемъ, только въ Сентябрѣ 1595 года жаловался, что его оклеветали передъ княземъ. Тамъ мъ же № 87.—

327.) Тамъ же № 71.—

328.) Лѣт. Львовск. Братства подъ 1595 г.—

329.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 63.—

330.) Русск. Бесѣд. 1858 г. III, кн. 1. Науки стр. 39—41.—

331.) Акт. Западн. Росс. т. 4. № 72. Что эта грамота послана была черезъ Григорія, читана была въ собраніи и произвела волненіе—это видно изъ грамоты короля къ Митрополиту отъ 15 Іюля 1595 года. Тамъ же № 77.—

332.) Тамъ же № 74.—

333.) Ekthesis л. 3.—

334.) Акт. Запд. Росс. №66. Русск. Бесѣд. стр. 34.—

335.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 68. Грамота эта подписанная 12 Іюня въ Брестѣ, никакъ не могла быть составлена въ присутствіи Митрополита въ Брестѣ того числа, какимъ подписана.—Не говоримъ уже о томъ, что тогда еще не вышелъ срокъ, взятый Митрополитомъ на размышленіе, но главное, въ это время Митрополитъ и Поцѣй были въ различныхъ мѣстахъ, очень неблизкихъ по разстоянію. Митрополитъ, спустя два дня послѣ этого мнимаго Брестскаго собора 1595 года 12 Іюня, былъ въ Новогрудкѣ (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 69), а Поцѣй, спустя еще два дня, былъ въ Хелмской Епископіи (тамъ же № 70).—Не останавливаемся на другихъ доказательствахъ противъ этой грамоты и мнимаго собора Брестскаго 1595 года. Вскорѣ мы покажемъ, откуда произошло самое мнѣніе о томъ, что въ этомъ году былъ соборъ. Разборъ этого мнѣнія, мы думаемъ, лучшее возраженіе и противъ мнимаго Брестскаго собора 1595 г. и противъ его грамоты.—

336.) Русск. Бесѣд. стр. 41.—

337.) Изъ грамоты короля къ Митрополиту отъ 28 Іюня 1595 г. (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 77) видно, что Михаилъ далъ согласіе на Унію, когда Поцѣй и Терлецкій отправлялись теперь въ Краковъ: но изъ послѣдующихъ дѣйствій Митрополита открывается, что онъ искренно желалъ, чтобы дѣло Уніи предварительно,—раньше поѣздки Епископовъ Римъ,—было рѣшено на открытомъ соборѣ.—

338.) Тамъ же *№ 74.*—

339.) Антиррисисъ стр. 62.—

340.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 77.—

341.) Тамъ же № 75.—

342.) Русск. Бесѣд. стр. 41.—

343.) Акт. Западн. Росс. т. 4 *№ 77.*—

344.) Тамъ же № 78 —

345.) Тамъ же № 79.—

346.) Тамъ же № 77.—

347.) Тамъ же № 76.—

348.) Антиррисисъ стр. 62.—

349.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 76.—

350.) Антиррисисъ стр. 71.—

351.) Тамъ же стр. 62—71. Этотъ разказъ взятый нами изъ самыхъ древнихъ источниковъ ясно показываетъ, насколько справедливо и откуда взялось мнѣніе позднѣйшихъ Уніятскихъ писателей, повторяемое нерѣдко и нашими, что въ 1595 году былъ въ Брестѣ соборъ и—еще открытый, торжественный. Былъ, дѣйствительно, составленъ универсалъ на созваніе этого собора, но небылъ обнародованъ. Позднѣйшіе Уніятскіе писатели или незнали или не хотѣли сказать послѣдняго обстоятельства и составилась исторія объ этомъ собо-

рѣ. Читайте описаніе его у Островскою (Dz. Kośc: Polsk: т. 3 стр. 187—186). Какъ тамъ трогательно раскасаны небывалыя дѣйствія этого собора! Сколько тамъ было народу духовнаго и мірскаго чина, какъ всѣ единодушно соглашались на Унію!—Чего бы не написалъ этотъ авторъ, еслибы взялся писать басни подъ ихъ собственнымъ именемъ, а не подъ именемъ серіозной исторій! Жаль, что онъ такъ ненатурально развивалъ свои способности къ сочиненію басней!

352.) Тамъ же стр. 64.—

353.) Акт. Западн. Росс. т. 4. Colloquium Lubelskie стр. 34—35.—

354.) Акт. Западн. Росс: т. 4 № 80—.

355.) Тамъ же № 87.—

356.) Мы увидимъ, что дѣйствительно этою грамотою руководствовались Поцѣй и Терлецкій и просили Папу объ Уніи отъ лица всей Западно-Русской Церкви.—

357.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 68.—

358.) Бант. Каменск. Ист. Ун. стр. 42.—Dz. Kośc: Polsk. Ostrowsk. т. 4 стр, 187—188.—

359.) У Островск. тамъ же стр. 186—187.—Еще авторъ Апокрисиса доказывалъ, что Поцѣй и Терлецкій согласились принять Унію далеко не похожую на на Унію Флорентійскую. Апокрисисъ л 11.—

360.) Намъ случилось видѣть у одного почтеннаго Библіофила подлинную пропускную грамоту Поцѣю и Терлецкому для поѣздки въ Римъ. Она выдана въ концѣ Сентября 1595 года, кажется—28 ч: за подписью Краковскаго Архіепископа Радзивилла.—

361.) Г. Иванишевъ опредѣляетъ время пріѣзда Епископовъ въ Римъ 15 ч: Ноября. Основывается онъ, кажется, на письмѣ Поцѣя и Терлецкаго къ Гедеону изъ Рима. Русск. Бесѣд. 1858 года III. кн. 1. стр. 42—43. Тоже время назначается и у Баронія Annl Eccl. т. 7. стр. 741, только безъ означенія числа.... mense novembri.—

362.) Colloqu Lubelsk. стр. 42; Бант.-Кам. стр. 49, прим. 2.—

363.) Бант. Камен. стр. 42.

364.) Исповѣданіе Вѣры, произнесенное Поцѣемъ и Терлецкимъ въ Римѣ напечатано у Бант. Камен. стр 43—48.—

365.) Тамъ-же стр. 49, прим. 2.

366.) Пребываніе Поцѣя и Терлецкаго въ Римѣ описано Барониемъ Ann. Eccles. т. 7. стр. 741 — 742; у Бант.-Каменск. въ указанныхъ выше мѣстахъ; въ Русск. Бесѣд. 1858 г. III. кн. 1. Наукп. стр. 42—44. Изъ Уніятскихъ писателей описывали его авторъ Антиррписса (очень коротко) стр. 84—85; Żochowski въ Colloqu. Lubelsk. стр. 42—47.—

367.) Артиррписъ стр. 85.—

368.) Апокрписъ л. 9; Акт. Западн. Росс. т. 4. № 149 стр. 213—1.—

369.) Апокрписъ тамъ же.—

370.) Акт. Зап. Росс. т. 4. № 90,—

371.) Тамъ же.—

372.) Напримѣръ авторъ Перестроги,—

373.) Акт. Западн. Росс. т. 4. № 73. слич. № 83,—

374.) Тамъ же № 149. стр. 212—1.

375.) Тамъ же стр. 214.—

376.) Тамъ же № 87. Опис. Кіево-Соф. Соб. прибавл. стр. 62. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149. стр. 213—1.—

377.) Тамъ же.—

378.) Тамъ же № 88 слич. съ № 90.—

379.) Тамъ же № 89.—

380.) Obr Litwy Jarosz. т. 3. § 39; Histr. szkół w Kor. i W. X: Litew. Łukasz. т. 1. стр. 252—266.—

381.) Акт. Западн. Росс. т. 4. №№ 80, 85, 86.—

382.) Тамъ же № 76; Русск. Бесѣд. 1858 г. III. кн. 1. Наук. стр. 42.—

383.) Апокрисисъ л. 9—10:

384.) Это видно изъ протестаціи Виленскаго Братства 1596 года. Акт. Западн. Росс. т. 4. № 92.—

385.) Тамъ же № 89.—

386.) Тамъ же.—

387.) Тамъ же № 92.—

388.) Тамъ же.—

389.) См. Замѣчан. объ источникахъ уніи стр. 173.

390.) Акт. Западн. Росс. т. 4. № 95.—

391.) Лѣтоп. Львовск. Братства подъ 1596 годомъ.

392.) Акт. Зап. Росс. т. 4. 91.

393.) Тамъ же № 92.—

394.) Тамъ же № 95.

395.) Тамъ же № 149 стр. 214—1.

396.) Апокрисисъ л. 12.—

397.) Synopsis подъ 1595 г.—

398.) Акт. Западн. Росс. т. 4. № 149 стр. 214. 2. Слич. Dz: Kośc. Polsk. Ostrowsk. т. 3 стр. 192.—

399.) Такой смыслъ имѣютъ всѣ протестаціи Православныхъ, поданныя гораздо раньше Брестскаго собора 1596 г. Апокрисисъ л. 9; Supplementum Synopsis стр. 21—23.—

400.) Акт. Зап. Росс. т. 4. № 97. —

401.) Тамъ же.

402.) Тамъ же № 98 и 99.—

403.) Тамъ же № 106.

404.) Ekthesis стр. 2—3. Перестрога—Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149. стр. 213.

405.) Ekthesis стр. 33; Акт. Западн. Росс. т. 4. №№ 103 и 104.—

406.) Miscellanea Albr. Kojałowicz стр. 52; Dz. Kośc. Polsk Ostrow. т. 3. стр. 192—193.

407.) Апокрисисъ л. 4. Здѣсь говорится, что послы, отправленные отъ Православныхъ къ Митрополиту, нигдѣ не могли найти его.

408.) Въ Ekthesis поимѣновываются слѣдующіе члены Православнаго Собора, I.) духовные:

1.) Niceforus wielki protosyngiel i przednieyszy sprawca wielkiej cerkwi patryarszego tronu Konstatynopolskiego.

2.) Cyryllus protosyngiel i namiestnik partyarszego tronu Alexandryiskiego.

3.) Lukasz Metropolita Beligradski patryarszego tronu Konstantynopolskiego.

4.) Gedeon Episop Lwowski.....

5.) Michal Kopystenski Episkop Peremyszlski·...

6.) Makary Arhimandryta Symona Petra ż swiętej góry za roskazaniem Wielebnego Paysia Episkopa Wenockiego, niemogącego przybyć dla trudności iego.

7.) Matheusz Archimandryta Monastyrza Swiętego Panteleymona z swiętej góru za roskazaniem Wielebnego Amfilochia Episcopa Mukackiego niemogącego przybyć dla trudnosci jego.

8.) Niceforus Archimandryta Kijowski.

9.) Henadiusz Archimandryta Dermański.

10.) Ilaryon Archimandryta Supraslski.

11.) Elizeusz Archim Pinski.

12.) Basyli Archim. Dubenski.

13.) Tymoteusz Archim. Dorohobużski.

14.) Michał Archimandryta Ławryszowski.

15.) Symeon Kosowski Archim. Peresopnicki.

16.) Isakij Archim. Stepanski.

17.) Serhy Jeromonach Jhumen Smolnicki.

18.) Nestor protepopa Zabłudowski.

19. Jhnaty prezbiter Ostrowski przymikiry pod notaryem.

20.) Andrej Wozniesenski Lwowski (Prezbiter) notary Synodowy.

21.) Leonty Woskresenski i

22.) Emelian Jurewski przezbiterowie i posłowie od krylosy Wilenskiego.

23.) Jakób Spaski protopopa Wołkowyski.

24.) Nikon starżec monastera Wydubickiego Kijowskiego.

25.) Emelian Nikolski protopopa Slucki.

26.) Piotr Woskresienski namiestnik Żydoczowski.

27.) Joan Przeczystski Namiestnik Rohatycki.

28.) Andrzej Trojecki Protopopa Konstantynowski.

29.) Cyryl Spaski protopopa Ostropolski.

30.) Konstantyn Ostropolski protopopa Dubienski.

31.) Filip protopopa powiata Wołkowyskiego.

32.) Petr protopopa Premyslski.

33) Bazyli Lewkiewicz protopopa Klewanski.

34.) Andrzej Namiestnik Samborski.

35.) Harazym Trojecki namiestnik Skalski.

36) Klimenty Trojecki namiestnik Kamieniecki.

37.) Bazyli Troiecki bratski Wilenski presbiter.

38.) Joanus protopopa Jarosławski.

39.) Leonty protopopa Warwarski z Mileczyc.

40.) Jgnacius Padrelecki kryłoszanin Monestyra Zymna. Było i innych bardzo wiele prezbiterow więcej dwuset, ale nie potszeba, przeto nie położeni (str. 32—33).

II.) Міряне-послы отъ областей,—panowie połsowie:

1.) Z trubunału xięstwa Litewskiego od Ich Msci panów deputatów. Ich Msć pan Filip Limont, a pan Szymon Ciwinski Woyski Wołkowyjski.

2.) Z Kijowskiego Wojewodstwa pan Jacko Butowicz Chorąży Kijówski, pan Daniel Abdula.

3.) Z Rosi pan Hrehory Balaban, a pan Prokop Litynski.

4.) Z Wołynia: pan Fiodor Czaplicz sędzia ziemski Lucki, pan Iwan Chremecki podsedek ziemski Łucki, pan Andrzej Bohowitin Stolnik, pan Fiodor Kudecki Czasznik, pan Wasilij Semoskzo, pan Demian Hulewicz, pan Ostafij Malinski, pan Adam Bohowitin-podkomorzy, pan Gabriel Hortski, a pan Dymitry Jałowicki.

5.) Z Brasławskiego Wojewodstwa: Jego Msć kniaz Iury Drucki-Horski, a pan Mikołaj Szaszkiewicz chorąży Brasławski.

6.) Z Przemyslskiej ziemi: pan Michał Łytynski, a pan Lukasz Bojarski.

7.) Z Pinskiego powiata: pan Dionyzy Słobudski i z innych niemało Ich Mśći.

Z Miast:

8.) Z Wilenskiego Miasta od mieszczan: Ostafij Maximowicz Borowik Rayca, a Iwan Andrzejowicz Kurion-pisarz. Z tegoz miasta Wileńskiego od bractwa Cerkiewnego: Gabriel Daszkowicz, Iwan Wasilowicz, Jzak Kononowicz, Hrehory Zdanowicz, Iwan Karpowicz, Prokop Strzyludowicz, Lewon Iwanowicz, Iwan Andrzejowicz.

9.) Ze Lwowskiego miasta od Bractwa: Dymitr Krasowski, Jury i Iwan Rohatincy, Mikołaj Dobrenski.

10.) Z Pinskiego miasta od mieszczan: Iwan Wasilowicz Miedzianka.

11.) Z Bielskiego miasta od mieszczan: Kyrył Kozmier, Bazili Ewchimowicz, Wasili Serpewicz, Michał Lewkowicz, Mihał Tymoszowicz.

Z Brzescia, z Podlasia, z Kamienca Podolskiego, z Halicza, z Kijowa, z Skały, z Brasławia, z Włodzimierza, z Minska, z Slucku, z Łucka.... i z innych niemało powiatow i miast zacni posłowie (str. 20—21.)

409.) Антиррисисъ стр. 27; Бант. Каменск стр. 53.

410.) Апокрисисъ л. 2—3.—

411.) Тамъ же л, 22.—

412.) Тамъ же.—

413.) A tak rano (6 Октября) w domu przestron-(n)ym dla wielkiego zebrania ludzi na to godnym synodownie zasiedli. Napierwiej tedy, nim sprawować poczęli, dwu godnych na to przymikyryow obrali. Iednego dla porządku w kole duchownym—Nestora, prezbitera, protopopę Zabłudowskiego, aby uskramiał wszelaki rozruch i porządek czynił w synodzie. A drugiego prezwitera

Ostroskiego kaznodzieja Ignacego który aby był starzszym w porządku synodowych notaryow. A tak tedy wszyscy porządnie wedle stanu zasiedli, duchownego stanu osoby swoim kołem, mając w posrodku sobie położone Ewanielium, które samego Chrystusa obecnie bydź znaczyło. A Ich Mść swieccy panowie, także też osobno koło swoje i marszałka jednego między sobą. A po dokończeniu modlitw Swiętych i naprzód ędącem u poswięceniu Gedeon.... mowił.... Ekthesis стр. 3—4.—

414.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 214 слич. съ № 117 стр. 161.—

415.) Апокрисисъ л. 23.—Грамота эта, а также письмо Никифора къ Митрополиту и его рѣчь къ Брестскому собору печатаюся въ издающемся сборникѣ С. П. Духовной Академіи по случаю юбилея.

416.) Наприм: Кириллъ Лукарисъ, Лука Митроп. Велиградскій и другіе.—

417.) Апокрисисъ л. 23.—

418.) Въ Ekthesis подробно описаны эти посольства. Посылали къ Митрополиту три раза—каждый разъ по семи пословъ съ письменнымъ увѣщаніемъ (paragrosticum), стр. 5—8. Вотъ каково наприм. дано было первое увѣщаніе. Lepiej byłóby Wielebni w Chrystusie Bracia, nie bydź wam przyczyną do takowego zaburzenia, a ponieważ się tak stało, dla tegoż i Iego Krolewska Mość zezwolił, aby synod był i te sprawy uspokoił, na cośmysię tu zjechali. Dla tehoż słusznie było waszej Wielebności przez pisanie za kilka dni, jakoż i dnia wczorayszego od patryarszych Exarchow i namiestnikow od Swiętej Boskiej i Apostolskiej Katholickiej Cerkwie napomnianymi będąc, postuchać zaraz i przed niemi chętliwie się

stanowić, jako i sama wasza powinność po was tego chce, a ponieważ i to wam jest przebaczono, pilnie tedy przez nabożnych braci naszych napominamy i prosimy wielebności waszej, abyście do synodu przyiść raczyli, abowiem na was czekamy abyśmy zgodnie wespoł poszli do której cerkwie, a tam zasiadszy, te to zaburżenie z pomocą Stego Ducha mogli uspokoić. Str. 5 - 6.—Носили эти увѣщанія—Niceforus Archimandryta Kijowski, Henadyusz Archim. Dermański, Ignacius primikiry i Damian przezbiterowie Ostroscy, Ioan protopopa Szczyrecki, i Iendrzej prezbiter Lwowski (вѣроятно писатель Переспорп), a przy nich Gregorius Protonotary. Str. 5.—

419.) Апокрисисъ л. 2—4.—Ekthesis стр. 1—8.—

420.) Тамъ же Ekthesis стр. 17—18.—

421.) Вотъ, сводъ этихъ инструкцій, напечатанный въ Эктезисѣ стр. 31—23: Nie pozwalamy na nowę wiarę, nie odrzucamy prawosławia i nabożeństwa przodków naszych. Nie odstępujemy obyczajow i dogmat stych wschodniej Stej Pana Chystusowej Cerkwie, która i oswieciła i do poznania Boga przywiodła wszystkich nas i przodków naszych i synami i dziedzicami wiecznego i błogosłowionego żywota za łaską Pana Chrystusową nazwała, dla niepodeyrzanej wiary naszej, to tedy Orthodoxum trzymamy, mali wszyscy i wielcy, które przodki nasży trzymali mocno i strzegli, to jest, boskie i swięte obyczaje i dogmata Wschodniej Swiętej Cerkwie własnej Matki naszej, jako prawdziwymi synami jej będac i mianując się, dla ktorych dogmat i obyczajów nie tyiko majętności imienia i wszystkięgo tego swiata bogactwa, ale i żon i dzieci i samego tego doczesnego życia naszego przebacza-

my. Nie występujemy z granic wiecznych, które położyli oycowie naszy, nie oddajemy posłuszeństwa papierzowi, posłuszni będąc Powszechnego patryarchi, nie przyjmujemy nowego kalendarza i niechcemy więcej takowych Pasterzów Metropolita i jednomyslnych z nim Episkopów... wiłków będących szarpiących i rospędzających Chrystusowe owce to jest nas Chrzescian.—

422.) Niceforus.... stanąwszy na wysokim mieyscu wedle przystoynego porządku trzymając w prawej ręce chwalebne i ożywiające znamię krzyża swiętego a w lewej Boskie i swięte Ewanielium wszystkim w słuch dekret opowiedział, który się tak w zobie ma: Ponieważ nad inne nie małe sprawy Apostata Metropolita Kijowski Ruski Michał i z nim jednomyslni jego władykowie—Włodzimierski Hipatyusz, Łucki Cyryllus, Połocki Herman (Гиропій), Chełmski Dioniży Pinski Iona niechcieli usłuchać naszego kanonnego pozwu i przyjść do synodu, aby dali sprawę, jako smieli za schizmatyckimi, nowymi wymysłami udać sie, o ktorych pilne badanie czynić zjechalizmysię i ich zostali, na ktorych wszyscy zgoła (ile jest w tej Bogiem strzeżonej Eparchij jednako z nami trzymając obyczaje i dogmata Wschodniey Swiętej Bożej i Katolickiej i Apostolskiej Cerkwie) swiadczą, że są jawnymi jej Apostatami. J oddalić umyslili od patryarszego Swiętego tronu Konstantynopolskiego Noworzymskiego własną tę Eparchię jego, a poddać się stolicy starego Rzymu nad prawo i kanony. Odmiatując ich własne wyznanie, a wyznawając prywatne i jawne ich odstąpienie. My tedy dla pomienionych przyczyn pilnie przymuszeni będąc Boskim i swiętymi kanony na ten żałosny na nich dekret udać się musiemy.

Wzgardzona od nich Swięta Boża, wschodnia Cerkiew roskazuje nam i teraznieyszy synod, aby Metropolit Michał i pomienieni władykowie obnażeni byli wszelakiego Archiereyskiego urzędu y uprawowania i Episkopskiego nazwiska i wszelkiego naszego duchownego urzędu str. 30—31.—Это же опредѣленіе, написанное первоначально, какъ можно видѣть по этому переводу, на Греческомъ языкѣ, напечатано на Западно-Русскомъ нарѣчіи въ Акт. Западн. Росс. т. 4. № 104. Но тамъ такъ много пропусковъ (неразобранныхъ словъ); что мы сочли не лишнимъ выписать здѣсь польскій переводъ.—

423.) Послано было принявшимъ Унію Іерархамъ слѣдующее объявленіе: Wiedzieć o tym, że dla nowych wymysłów i apostaziej waszej i dla niepokorstwa przeciw Boskim i swiętym kanonom, wedle zdania praw cerkiewnych, od teraźniejszego swiętego Synodu złożeni i wszelakiego stopnia cerkiewnego jestescie odsądzeni dziewiatego dnia Oktobra w roku tysiąc pięset dziewięćdziesiąt szostym indyktyona dziesiątego. Ekthesis str. 31.—

424) Вотъ эта протестація: Мы сенаторы дигнитаре урядницы и рыцерство, также и духовныи, релѣи греческой Церкви Восточной сынове, которыисмыся тутъ до берестя на синодъ згромадили. Ижъ насъ дня пынѣшняго дошла вѣдомость певная, а наветъ отъ вельможныхъ пановъ посланыхъ на тотъ соборъ отъ его кр. мл. (кролевской милости), якобы ихъ милость якуюсь згоду зъ стороны обходовъ костеловъ греческаго и рымского зъ Митрополитомъ и скилка владыкъ отщепенцами костела греческаго, которыи еще дня

вчорашнего за выступокъ свой зъ уряду зложены и достоинствъ правомъ духовнымъ отсужены суть, учинити и обволати мѣли. Штося дѣетъ мимо вѣдомость и вольность нашу и всякую слушность. Протожъ противъ тому и всѣмъ особамъ, справамъ и тому поступкови свѣдчимо, протестуемося, и тотъ ихъ поступокъ за неслушный бачачи и розумѣючи, ему не только подлегати, але и за помочею Божею всѣми силами боронити и противъ ему быти обѣцуемо. а свой противко имъ учиненый поступокъ моцне утвержати и всякимъ коштомъ подпирати и помогати будемо, ведлугъ найбольшихъ силъ и премноженья нашего а особливо прозьбами нашими у его королевской милости, которое то освѣдченье наше на градъ Берестейскій посылаемо, абы было до книгъ тутошнихъ вписано. Писано въ Берестью 9 дня Октября ведлугъ стараго календаря року Божего 1596.

425) Акт. Зап. Рос. т. 4, № 149 стр. 214—215.

426) Апокрис. л. 22. Dz. i pr. Kosc. Poslk. Ostrow. т. 3. стр. 195—196.

427) Апокрисисъ л. 2—3. Антиррисисъ стр. 27.

428) Пач. Уп. Зубрид. стр. 35.—Въ Чт. М. Общ. Истор. и Древн. 1848 № 7. Уніятскіе писатели, напримѣръ: писатели сочин. Prawa i przywileje.... изд. 1632 г., (str. 35—37) и Jedność Sta изд. тоже 1632 г. (str. 40) говорятъ, что на этомъ Соборѣ Уніяты много разсуждали объ Уніи, на основаніи Священнаго писанія и ученія Церкви: но это позднѣйшій произвольный разсказъ небывалаго дѣла. Сочинитель Антиррисиса вовсе не говоритъ объ этомъ. Не говоритъ объ этомъ также и Alb. Kajalowicz. Послѣдній имѣетъ въ виду только

показать, что Унія объявлена на этомъ Соборѣ очень торжественно и только замѣчаетъ, что собравшіеся на этомъ Соборѣ подписали актъ Уніи (стр. 52). Это мы охотно допускаемъ; но такое дѣло очевидно далеко не есть разсужденіе объ Уніи. Повторяемъ — разсуждать было не объ чемъ, потому что Унія уже была рѣшена и утверждена прежде и Брестскій Уніятскій Соборъ собирался вовсе не для разсужденій объ Уніи, а для примиренія съ Православными, т. е. съ цѣлію вовлечь и ихъ въ Унію, а такъ какъ эта затѣя не удалась, то Собору ничего не оставалось дѣлать, какъ только объявить Унію.

429) 103 правило Карѳагенскаго Собора представляетъ намъ образецъ того, какъ въ древности поступали Православные, когда имъ нужно было *соборно* разсуждать съ неправославнымъ обществомъ. Въ то время Православные и Донатисты составляли отдѣльные Соборы, по дѣлу примиренія послѣднихъ съ Православною Церковію. Повидимому, нужно было бы ожидать, что тѣ и другіе соединяться въ одинъ Соборъ. Но нѣтъ! Православные избрали отъ себя нѣсколько членовъ, предложили и Донатистамъ избрать такихъ же отъ себя и эти уже члены должны были передавать одни другимъ рѣшенія своихъ Соборовъ на особомъ совѣщаніи, которое, очевидно, не могло имѣть ни имени, ни значенія отдѣльнаго, самостоятельнаго Собора.

430) Уніятскіе писатели, указанные нами выше, говорятъ, что много было народу на Брестскомъ Уніятскомъ Соборѣ. Дѣйствительно, не мало было тамъ народу. Латиняне и Уніяты наполнили и окружили мѣсто Собора гайдуками (солдатами) изъ боязни,

чтобы Православные не сдѣлали нападенія; но само собою разумѣется, что эти храбрецы не имѣли никакого притязанія на названіе членовъ Собора, и можно полагать, что они вовсе не разсуждали, что такое Унія. Апокрисисъ л. 22.

431) Островскій (Dz. Kośc. Polsk. т. 3. стр. 196) говоритъ, что представить этотъ протестъ поручено было Поцѣю.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
III.	6 снизу	т. .	т. е.
8.	1 —	(27)	(30)
9.	13 —	пе	не
10.	6 сверху	одно вѣру	одну вѣру.
—	11 снизу	(30)	(31)
—	6 —	(31)	(32)
21.	5 сверху	невысказывая своего покажемъ прежде, мнѣнія	невысказывая своего мнѣнія, покажемъ прежде,
49.	1 снизу	Патріарху	къ Патріарху,
64.	6 —	(179)	(178).
100.	3 сверху	Наѳанлъ	Наѳанаилъ.
101.	11 снизу	Игнатій	Ипатій
184.	7 —	iedne go	jednego
184.	6 —	Sfarożytnej	Starożytnej
254.	9 —	1595,1595	1595,1596
287.	8 —	prawdziwoego	prawdziwego
295.	14 сверху	пребложеніемъ	предложеніемъ
302.	1 —	Островскою	Островскаго.

Цѣна **1** руб. **50** коп. сер.

(Съ пересылкою 2 руб. сер.)

2007051271